МЕРА

Литературно-художественный журнал
Ярославской области

№ 1 (3), 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ГАУ Ярославской области «Информационное агентство “Верхняя Волга”»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Г. В. Кемоклидзе,
член Союза писателей России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Е. А. Ермолин,
член Союза российских писателей;
В. Ю. Перцев,
член Союза российских писателей;
А. А. Серов,
член Союза писателей России;
О. Н. Скибинская
(зам. главного редактора),
член Союза писателей России
С. Ю. Сырцова,
директор ГАУ Ярославской области «Информационное агентство “Верхняя Волга”»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
150000 Ярославль,
ул. Собинова, д. 1, 2-й этаж

Электронная версия журнала:
http://yarreg.ru/ mera

Корректор Л. Е. Новожилова
Вёрстка Н. Л. Гуляева

В оформлении обложки использованы: 1-я стр. — кадр из фильма «Ещё раз!» (Мастерская Александра Петрова); 2—3-я стр. — Александр Петров за работой, кадры из фильма А. Петрова «Старик и море»; 4-я стр. — кадры из фильма А. Петрова «Моя Любовь»

СОДЕРЖАНИЕ

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ. **Стать центром притяжения** 3

ПРОЗА

Сергей КУЗНЕЧИХИН. **На торфу.** *Главы из повести* 7

Александр КОСТЮШИН. «**Расскажи мне о себе».** *Повесть о делах обыденных и не очень* 52

Нина ПЕУНКОВА. **Мастодонт.** *Антиутопия* 109

Светлана БАРАНЕЙ. **Главная роль.** *Городские притчи* 136

ПОЭЗИЯ

Александр АВДЕЕВ. **«Свет своё берёт у тьмы»** 30

Надежда КУДРИЧЕВА. **«Любить напропалую и бежать...»** 36

Валерий ТОПОРКОВ. **«Что ещё вам сказать...»** 44

Владимир ЭЛЬ. **«Ничего не поздно...»** 49

Ирина БАРИНОВА. **Жизнь.** *Венок сонетов* 84

Владимир КОЛАБУХИН. **Сирень любви** 92

Анатолий СМИРНОВ. **«Только я видел эту звезду»** 96

Елена ЧЕКУНОВА. **Зимы детства моего** 102

Валерий ГОЛИКОВ. **Осеннее возвращение** 106

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Ольга ЛЮСОВА. **«Все наши будущие встречи»** 152

Сергей БАТАЛОВ. **Разговор о погоде** 159

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Евгений ЕРМОЛИН. **Николай Пайков: человек и его дело** 167

Ольга СКИБИНСКАЯ. **«Превозмогая плен паденья вкось...»** *Род Тарковских и Ярославский край* 173

Михаил ТАРКОВСКИЙ. **На Волге.** *Очерк* 181

Вячеслав ЛЁТИН. **Усадьба Карабиха в пространстве культурно-исторической амнезии** 185

Андрей ВАЛИТОВ. **Очарованные странником** 190

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Татьяна КУЧИНА. **Правила раскадровки сновидений.** *О сборнике Александра Белякова «Углекислые сны»* 195

Два взгляда на поэзию Сергея Хомутова: Денис КАРПОВ. Один на один со временем. Сергей КОТОВ. «Звенящее созвучье — жизнь» 199

У НАС В ГОСТЯХ

«В провинции журнал нужнее...» *Интервью с главным редактором журнала «Знамя» Сергеем Чуприниным* 209

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ

Наши юбиляры 211

Ко всем нам 213

Премия «Поэт» 214

Двенадцать 216

Памяти Александра Коноплина 216

КНИЖНОЕ ДЕЛО

Наталья АБРОСИМОВА. **Ярославская книга** 218

На книжную полку 221

Борис СУДАРУШКИН. **Вторая жизнь Григорьевского затвора** 233

Нина ГОЛЕНКЕВИЧ. **За кадром** 236

Редакция не имеет возможности вступать в переписку, рецензировать и возвращать не заказанные ею рукописи и иллюстрации, а также предоставлять справочную информацию. Редакция оставляет за собой право редактировать присланные материалы.

При перепечатке ссылка на журнал «Мера» обязательна.

Отпечатано в ОАО «Полиграфия», Ярославль, ул. Республиканская, д. 61

Тираж 999 экз.
Объём 30 п. л. Формат 60 × 84/8
Заказ №
Распространяется бесплатно

© ГАУ Ярославской области «Информационное агентство “Верхняя Волга”», 2011

Авторам журнала «МЕРА»:
рукописи на рассмотрение принимаются в виде компьютерной распечатки с соблюдением принятых стандартов плюс эл. вариант (дискеты не принимаются);
текст должен быть набран 14 кеглем (желательно Times) с полуторным межстрочным интервалом;
страницы должны быть пронумерованы;
текст распечатывается на листах бумаги формата А4 и только с одной стороны листа;
абзацы должны быть выставлены автоматически (а не отбиты вручную клавишей пробела);
фото предоставляются в формате jpg (объем не менее 300 КБ для портрета и не менее 1 МБ для полуполосных иллюстраций).

Стать центром притяжения

Без меры и лаптя не сплетёшь.
Русская пословица

Вот и свершилось: нашему журналу исполнился год. Казалось бы, для журнала, выходящего раз в два квартала, дата не слишком внушительная. Но в условиях шаткой российской жизни конца XX — начала XXI века, когда множество литературных периодических изданий, не подкреплённых доходами от рекламы, кануло в лету, едва проклюнувшись из скорлупы, год — срок вряд ли малый. Впрочем, первый российский провинциальный журнал «Уединенный пошехонец», выходивший в Ярославской губернии, просуществовал только год.

Взявшись за издание журнала, редколлегия всецело сознавала, что взваливает на себя тяжкую ношу. Ведь безвременье нулевых лет варварской метлой прошлось по культуре. Литературный труд перестал давать серьёзным писателям средства к существованию, и некоторые мастера снесли в чулан свои прежде неустанные перья. А среди молодых писателей многие ещё только ищут свой путь в литературу, требующую к себе зрелого подхода. Да и ряды читателей поредели. Одни, кто прежде сметал с прилавков книжные новинки, брезгливо отпрянули от магазинных полок, поражённые обилием низкопробных произведений в крикливых обложках. Для других, при нынешних пенсиях и средних заработках, книга стала предметом роскоши. Кто помоложе, занырнул в интернет, наивно надеясь выловить там ответы на все вопросы.

Но мы были убеждены, что журнал ярославцам нужен. И тем, кто пишет, и тем, кто читает.

Приятно осознавать, что мы не ошиблись. В двух первых номерах увидели свет произведения как давно зарекомендовавших себя писателей, так и тех, кто приходит им на смену. Радостно видеть, как молодые один за другим берут высокую планку, установленную нами для того, чтобы попасть на страницы журнала. И несмотря на то, что вы держите в руках всего лишь третий номер, наше издание и его авторы уже замечены не только на региональном, но и на общероссийском уровне. Так, повесть Алексея Серова «Вавилон», опубликованная в первом номере журнала, вошла в лонг-лист

© Г. В. Кемоклидзе, 2012

общероссийской литературной премии Белкина.

Однако интерес профессионального сообщества не единственная цель издания регионального литературного журнала. А что же читатели? Многие из них приняли «Меру» как долгожданное явление. В этом мы убедились на презентациях издания, прошедших и в Ярославле, и в Рыбинске, и в Данилове, и в Угличе, и в других местах. К нашему удивлению, региональный литературный журнал вызвал заметный интерес далеко за пределами области. После выхода и первого, и второго номеров «Меры» нам не раз приходилось слышать: почему ваш журнал не выложен в сети? Многие из тех, кто сегодня проживает в других областях и даже за рубежом, в Европе, США, на Ближнем Востоке, хотели бы читать его. Так вот сообщаем: наш журнал стал доступен более широкому кругу читателей, так как его электронный вариант размещён на сайте газет «Ярославский регион» по адресу: http://yarreg.ru/mera/. Здесь можно познакомиться с текстами всех вышедших в свет номеров, оставить своё мнение о том или ином произведении.

Первые отклики читателей уже поступили на форум.

«Держа в руках толстый журнал, с любопытством просмотрела содержание, — пишет Гожалимова Оксана. — В издании присутствуют проза и поэзия, зрелость и молодость. Журнал предназначен для думающего читателя: разнообразные рубрики, разные литераторы. Меня, как историка, заинтересовала рубрика «Литературное краеведение». Вроде бы известные факты, биографии известных писателей поданы под другим углом. Особенно запомнилась статья Сергея Овсянникова «Эх, дороги» о творческом пути Льва Ошанина через призму личных воспоминаний автора. Рубрика «Публицистика» заставляет задуматься, поделиться мыслями с близкими, подискутировать. Обзор литературы, выходящей в местных издательствах, позволяет выбрать необходимую книгу.

Хочется отметить, что работает редколлегия и происходит отбор произведений (а это значит, что есть из кого выбрать и всё не так уж плохо с литературой в нашем крае). Приятно была удивлена стихами для детей Анастасии Орловой. Тут же захотелось прочитать стихи ребёнку, и мой непоседа, который не может высидеть на месте больше минуты, прослушав «Происшествие в ванной», попросил прочитать ещё, с удовольствием их выслушал.

В целом журнал производит благоприятное впечатление. Пожелаем удачи в таком важном начинании — найти своего читателя не только на Ярославщине, но и в стране в целом, а во «всемирной паутине» попасть в «Живой журнал».

Между тем, несмотря на то, что до недавнего времени «Мера» существовала только в печатном варианте, в интернете появилось уже немало отзывов о журнале — некоторые из них мы хотим здесь процитировать.

Кандидат исторических наук Д. Ф. Полознев работал директором музея-усадьбы «Карабиха», затем возглавлял Ярославскую областную универсальную научную библиотеку им. Н. А. Некрасова. Ныне он доцент Ярославского государственного театрального института, член Российской национальной комиссии Международной комиссии по сравнительной истории церквей, член Ассоциации менеджеров в сфере культуры, член экспертного совета Общественного комитета содействия развитию библиотек России, член редколлегии электронного научного журнала «Вестник краеведения». Вот что он пишет:

«Выход в свет журнала “Мера” — безусловно, важное и знаменательное событие. И дело не только в том, что оно стало результатом общей инициативы писателей. Не только потому, что финансовая поддержка изданию была оказана из областного бюджета, а коллектив редакции сформировался вполне удачно. Всё это хорошо. Но гораздо важнее то, что в области оформилась площадка для публикаций литературных текстов.

Особо отмечу повесть Бориса Гречина “Бамбино”. Она привлекла какой-то неуло-

вимой светлой энергетикой текста, которую не возьмусь описать в канонических терминах литературной критики. Как историк не могу не приветствовать раздел хроники литературной (или шире — культурной) жизни, в которой, к сожалению, и известия о кончине писателей и литераторов. Событий сейчас много, сменяются они стремительно, поэтому важно зафиксировать происходящее хотя бы в кратком упоминании.

Как бывшего библиотекаря порадовали аннотации новых книг. Я прекрасно представляю, как сложно сделать отбор, как непросто в краткой форме описать издание и как в любом случае этого недостаточно для презентации новой книги

В качестве пожелания хотел бы высказать мнение о необходимости усилить и развить раздел публицистики. Самое же решительное возражение вызывает издательское оформление нового журнала. Если к формату ещё как-то можно притерпеться (А-4 — это «наше всё»), то расположение прозаических текстов на длиннющей горизонтальной строке вызывает заведомое раздражение. В колонтитулы желательно выносить не только имена авторов, но и название произведений. Не совсем уместно, на мой взгляд, анонсирование содержания на обороте обложки…» (с полным текстом можно познакомиться на сайте «Культурная эволюция»: http://yarcenter.ru/content/view/47698/163/).

Бывший главный редактор телеканала НТМ Антон Голицын на своей страничке в Facebook от 12 января 2012 года пишет:

«Вот и до меня дошёл новый ярославский литературно-художественный журнал “Мера”, издающийся на деньги областного бюджета. Что я раньше знал об этом журнале? То, что ярославские писатели на встрече с губернатором этот журнал “выбили”. “Вытрясли”, если хотите. И, честно говоря, вся эта затея особых восторгов у меня не вызывала. Ну кто такие они, эти “ярославские писатели”? Те, кто пишет что-то интересное, с губернатором не встречается, так уж повелось. А на бюджетные деньги, как правило, издаётся макулатура. Но тут, похоже, случилось чудо — примерно как у Булгакова… Лично для меня самым большим открытием стал Борис Гречин с повестью “Бамбино”. Пожалуй, это первый текст ярославского прозаика, который мне действительно интересно было читать. И который я дочитал до конца, смакуя удачные находки (вроде “это был их солнечный месяц”), слегка расстраиваясь от менее удачных мест, но проживая всю историю. Да что там — порой я был уверен, что всё это написано про меня и многих героев я знавал когда-то лично, и если мы пили портвейн не в одном подъезде, то в соседних, и говорили об одном и том же. Ярославские реалии — смело, свежо, отлично. Вот я всегда считал, что не надо стыдиться своей провинциальности…

Любовь Серикова. С чем-то из её творчества я был знаком и раньше. Но в “Мере” представлена действительно сильная подборка… Тимур Бикбулатов. Стихи его изящны до самозабвения смысла. Читал с удовольствием и напряжением собственной тыквы. Олег Горшков. Читал впервые. Ну что там говорить. Поэт. Большой. Надо перечитывать. Ещё понравилась Ирина Перунова.

Понятие “провинциальный автор” долгие годы было чем-то вроде клейма. Признаком второсортности. И мы здесь, в Ярославле, Костроме, Тамбове, Вологде, всегда как-то не ценили и не умели ценить то, что есть рядом с нами. Ну как поверить, что в паре кварталов от тебя живёт гений? А сами творцы были одержимы одной идеей: хочешь чего-то добиться — в Москву, в Москву!.. Сколько их сгинуло, туда уехавших, или медленно растворилось в кислотной среде бытия в ожидании этого отъезда или хоть какого-то понимания или признания здесь.

Но ведь сегодня нет ни провинции, ни центра, ни первых, ни последних. Всё уравнял интернет. Или почти всё. Ничто не мешает пророкам и в своём отечестве чувствовать себя более или менее комфортно. Я надеюсь, “Мера” позволит им это сделать. Стать центром притяжения наших, родных талантов. Ну её, эту Москву. Грязно там как-то, шумно, неуютно. Хотелось бы, чтобы журнал

действительно стал новой, адекватной *мерой* степени одарённости ярославских авторов.

P.S.: Ну, а Сергею Алексеевичу спасибо, конечно. Наверное, звёзды сошлись так, что бюджетные деньги попали на этот раз к нужным людям» (полный текст: http://www.facebook.com/profile.php?id#!/profile.php?id=100003269590107).

Конечно же, среди читательских материалов есть критические, и мы очень внимательно относимся к ним. Критика всегда полезна, если она конструктивна. Каждый имеет право высказать своё мнение о журнале, определяемое собственными пристрастиями и собственным представлением о литературе.

Например, частному предпринимателю из поселка Пречистое, начинающему литератору М. Халилову, выразившему своё мнение на одном из частных блогов, повесть Б. Гречина «Бамбино» не пришлась по вкусу, ему «не хватило упорства и мужества дочитать её до конца с первой попытки — одолел лишь с третьей». И поэзию Олега Горшкова он считает лишь «добротно выполненной работой канцелярского служащего», и «не вызывают восхищения ни графомания Ирины Перуновой, ни развязная эйфория Тимура Бикбулатова». Зато предпринимателю понравились в журнале стихи Валерия Мутина и Евгения Гусева, о которых другие участники обсуждения не обмолвились и словцом. Мы убеждены, что творчество одних писателей никак не должно отменять творчества других. Только такой здравый подход, на наш взгляд, может обеспечить долгую жизнь региональному литературному изданию.

Не скроем, больше всего редакцию порадовал отзыв кандидата искусствоведения, преподавателя и редактора Анастасии Масловой:

«У меня в руках первый и второй номера, ждём третьего. “А можно посмотреть? Можно взять почитать? А где его найти?” — так реагируют на его представление студенты-журналисты. Причём разного возраста: и уже практикующие, и совершенно молодые, те, кого обычно подозревают, что они вообще ничего не читают и не знают, кроме своих айфонов, айпадов и прочих айпонтов… Студенты не записывают под диктовку фамилии наиболее ценных, по версии преподавателя, авторов и не упражняются, по моей указке, в критическом разборе тех, кто этого, по справедливости говоря, заслуживает. Свою задачу я вижу в том, чтобы объяснить: произведения вообще делятся не на хорошие и плохие, а на те, которые нравятся нам или кому-то другому. Это надо держать в голове, когда судишь о современной литературе, и надо разбираться, почему так.

Каждый номер “Меры” даёт юным умам не только пищу для чисто художественного восприятия. Юношество, с высоты своего космополитично-виртуально-неформального понимания жизни, с интересом открывает для себя сюжеты и отношения вокруг самой журнальной кухни. Оказывается, что писатели в провинции, увы, тратят силы не только на творческое вдохновение, но и на хронические распри: собранные под одной обложкой, “почвенники” не любят “интеллектуалов” и “авангардистов” и наоборот… И что, в общем-то, важно не это. А важно и хорошо то, что этот журнал у нас, наконец, появился. Потому что привыкли мы называть себя культурным центром, а для этого нужны постоянно подтверждаемые основания… И можно поздравить редакционную коллегию, можно поздравить опубликованных авторов: молодёжь действительно читает “Меру”» (Культурная эволюция, 2.02.2012: http://yarcenter.ru/content/view/47826/163/).

Раз читает молодёжь, значит, у журнала есть перспектива на многие годы. А к тому времени уже подрастёт и новое поколение. Стало быть, и задача у нашего журнала определена далеко вперёд: соответствовать возрастающим требованиям времени, а значит, и читателей. И мы должны сделать всё, чтобы выполнить эту задачу.

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ,
главный редактор журнала «Мера»

П Р О З А

Сергей КУЗНЕЧИХИН

Родился в 1946 г. в Костромской области. Детство и юность провёл в поселке Октябрь Некоузского района Ярославской области. Первые стихи напечатал в газете «Голос льновода». После окончания Ярославского политехнического института уехал в Свирск, потом в Красноярск.
Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Наш современник», «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дети Ра» и др. Выпустил семь поэтических сборников и четыре книги прозы. Член Союза писателей России.
Мы публикуем главы из большой повести Сергея Кузнечихина «На торфу», в которой автор с мягкой иронией рассказывает о послевоенном детстве наших с вами земляков — обычных поселковых мальчишек, об их приключениях, взрослении и становлении характеров, о том, кто и как вписывался в тогдашнюю жизнь, из сегодняшнего дня обманчиво кажущуюся очень простой и незамысловатой.

На торфу

Главы из повести

Точное время

А начались мои приключения ещё до появления на свет. Тут и прапра, и дедушка, и папаня — все понемногу постарались. Наследства от Петуховых не остаётся, а от наследственности никуда не денешься. Чем богаты, как говорится…

© С. Д. Кузнечихин, 2012

Родился я в поезде, но это ничего не значит и к приключениям не имеет никакого отношения. Поезд — вполне нормальное место для рождения человека, которому суждено всю жизнь болтаться по вокзалам и гостиницам. Это ещё не начало приключений. Вся закавыка в том, что меня вообще быть не должно. Судите сами: отец вернулся с фронта первого сентября сорок пятого, а тридцатого декабря сорок пятого года я уже родился. Теперь отнимите. Странная цифра получается, не так ли? Пусть и записали меня на первое января нового года — всё равно не складывается и не вычитается. Правда, знал я одного химика, не из тех, что над пробирками колдуют, а из тех, что определённый отрезок жизни отдают на строительство химкомбинатов. Химик рассказывал, что родился четырёхмесячным и до получения паспорта его держали в банке со спиртом, потому он якобы и распохмелиться никак не может. Но химикам я никогда не верил и к спирту равнодушен — пиво предпочитаю. К тому же появился на белый свет, имея почти пять килограммов живого веса. Это я сейчас поисхудал, а тогда пухленький был, щёки со спины проглядывались, и крикливый — все проводницы сбежались. Так что походил я больше на десятимесячного, заждавшегося свободы. Но каждый лишний месяц был против меня.

В такой арифметике без алгебры не разберёшься.

И все-таки батя насчет моего происхождения не сомневался. Он знал, что появился я на свет благодаря жене майора Воскобойникова.

А история получилась такая.

Заняла батькина часть польский городишко. Вошли и остановились. Немцы, грешным делом, тоже умели воевать и отступали не так быстро, как нам хотелось бы. И вот заклинило. Время идёт. Победа близка, а смерть ещё ближе. Оттого и завелись шашни у командира части майора Воскобойникова с настоящей полячкой. Не выносил командир простоя. Да и полячка была с глазищами в пол-лица и волосами ниже колен. На войне — день за два, а военная любовь и того круче. Да тут ещё месяц март. Майор свою подругу подарками заваливает. Солдатам тоже кое-что перепадает. И муштры никакой. Хороши деньки — ни длинны, ни коротки, — только жаль, что мало их. Прошёл слушок, будто наступление готовится. Майор для прощания с панёнкой ящик шампанского раздобыл. Но тут уже заседания одно за другим пошли, майора туда-сюда теребят, вызвал он батьку моего и велел отвезти ящик по адресу. Сел батя в танк и погнал. У него эта игрушка с пушкой послушнее лошади была. Он на ней и за водой ездил, и вдовам пахать помогал, и по снабжению мотался. Снабженец на такой машине намного обаятельнее выглядит, ему и отказать не у каждого язык повернётся.

Дорога до командирской крали была знакомая. Едет батя, соображает, как погалантнее подарок преподнести. В переулке перед домом притормозил, ящик, перевязанный бантом, подвесил к стволу своей элегантной машины и подкатил так, чтобы подарок аккуратненько повис над подоконником — протягивай руки и бери... да помни блестящих русских офицеров и русских солдат-умельцев.

Жест изобразил, а оценить некому. Панночка моцион совершала. Посидел батя на крылечке, покурил — нет хозяйки. Что делать? Обратно везти? Но приказано было вручить, а военные приказы должны выполняться, иначе не победишь. Взял он тогда гвоздик, поковырялся в замке, и дверь открылась. Для хороших рук — это пара пустяков. Занёс шампанское в хоромы панские, огляделся — лепота. Только порядку маловато. В стенку огромные часы вмонтированы, амурами да венерами разукрашенные, а не тикают. Мастеровой человек мимо сломанного механизма редко пройдёт, а если механизм ко всему ещё и диковинный, ненашенский какой-нибудь, тогда к любопытству и бахвальство примешивается. Что греха таить, есть такая слабость у моих предков. И решил батя удивить

командирскую зазнобу, повторить подвиг Левши и показать ей, что русский солдат не только стрелять умеет.

Голова у моего батьки шестьдесят первого размера, с такой, если даже на треть заполненной, можно в большие люди выйти, а у батьки значительно больше, чем на треть. Только образования серьёзного не хватает. Времена сложные были, дедка наш дома не сидел, воспитанием не занимался, и помощь от него нерегулярная, а семья большая, прокормиться трудно... Однако батя пять зим подряд бегал в волостную школу. Девять вёрст туда, девять — обратно. Учителей там было всего двое. Один вёл русский язык, историю и географию, второй — арифметику и физику. Просветители были братьями и, плюс ко всему, близнецами. Оттого у батьки и знания получились немного путаными: Пифагор у него вместо Ганнибала с римлянами воевал, а Исаак Ньютон папуасов от проказы лечил. Только и поправить его в том захолустье некому было. Мать хвасталась, что охмурила самого грамотного парня, который не только читать-писать — велосипеды умел рисовать. По тем временам велосипед был всё равно что для нас нынешних космический корабль. После братьев-близнецов отец ещё на курсах поучился, и этого ему хватило, чтобы стать великим специалистом по тракторам и заодно — первым парнем на селе. Благодаря стальным лошадкам он и в тридцать седьмом на свободе удержался, когда деда и дядьку, бывшего командира полка, посадили. Кочевал из одной МТС в другую. Где ремонт, где посевная, где уборочная — специалист везде нужен. Дело сделал — и дальше, пока любознательные товарищи присмотреться не успели. Так и уцелел. Вышел из окружения с минимальными потерями. Один раз патефон в спешке оставили, потом сундук в дороге не укараулили. И сестра потеряла полтора года.

Каким образом, спрашиваете?

Самым нелепым. Она родилась в тридцать шестом. А в тридцать восьмом маманя по неграмотности растопила печку её метриками. С перепугу чуть в слезах не утонула. И немудрено — попадёшь в милицию, а там за потерю документа возьмут да и припаяют лет пять, если не больше... Батя, конечно, храбрился, утешал как мог. Только много ли сможешь, если не сегодня, так завтра в казённом доме поджидают. Но всё-таки придумал: переехали в соседнюю область, и он, ещё до устройства на работу, прямо с вокзала, заявился в больницу, выпил с кем полагается и получил справку, что в дороге у него родилась дочь. Восемнадцати месяцев как не бывало. Сестрицу такая потеря пока не удручает, омолаживает, можно сказать, но ближе к пенсии — как знать, там своя арифметика, и счёт в другую сторону пойдёт.

Но батя в той суматохе о её пенсии не думал, он и до своей-то не надеялся дожить. Одного посадили, другого сослали, третий без вести пропал... И надежда только на стальную лошадку, у которой черепашья скорость, и на госпожу удачу.

Однако вернёмся к часам, они, конечно, не велосипед и не трактор, но очень уж захотелось бате себя показать.

Открыл, значит, дверцу и прикидывает, как бы в механизм заглянуть: один шурупчик отвёрткой потрогал, другой — покрутил... и вдруг стена подалась.

Представляете?

Чуть нажал, и она поехала, как турникет на проходной, вокруг оси. Не вся стена, разумеется, а часы, вмонтированные в дверь. Повернулись, открыли проход, а дальше — ступеньки в тайник.

Завалилась суббота за пятницу.

Батя чуть было не сунулся туда, но вовремя унюхал запах табака, запах благородный, а майор Воскобойников кроме махорки ничего не признавал. Да и зачем ему в тайнике прятаться на завоёванной территории? Значит, кто-то чужой... Батя потянулся за автоматом да вспомнил, что в танке его оставил — неудобно же к даме с оружием.

Как быть?

На столе — патефон и ящик с шампанским. На полочке перед зеркалом — ножницы и одеколон.

Кстати, об одеколоне. Выпил батя на День танкиста. Нет, не одеколона. Наружные напитки он употреблял строго по назначению. Выпил нормальной русской водки. И захотелось ему ради праздника постричься. А парикмахерша сдобная, как французская булка. Пока простынёй окручивала, нечаянно прижалась. Потом ещё раз. При её работе без этого не обойтись, особенно если выпуклые места в избытке. А много ли пьяному надо, чтобы воспылать. Облапил за талию — и на колени. Да просчитался — дамочка оказалась чьей-то верной супругой, и с характером. На его невинную шутку своей шуткой ответила. Сначала постригла под пионерскую чёлку, а потом вместо одеколона обрызгала какой-то вонючей пакостью. И батя с детской причёской и странным ароматом отправился в гости. Хорошо ещё не домой. Маманя бы растолковала ему, с чем едят французские булки. Друзья-однополчане выручили, обрили под Котовского, а запах попробовали одеколоном перебить, но не получилось. С неделю благоухал. Но это уже после войны было… А что там, скажете, с тайником, в котором прятался неизвестный враг, а под рукой у бати всего и были только ножницы. Как, думаете, он выкрутился? А вот как.

Поставил немецкую пластинку. А сам бутылку в руки — и к часам.

Спрятался за ними и ждёт. Ждал недолго. Немец услышал свою музыку и понял это как приглашение: всё, мол, спокойно, прошу любить и жаловать. Он даже насвистывал, поднимаясь.

Ну а дальше, главное, не перестараться, рассчитать удар так, чтобы бутылку об голову не разбить и память из «языка» не вышибить.

Это у бати аккуратненько получилось.

Пленника связал, шампанское выпил.

Через неделю к ордену Красной Звезды представили. Батя, когда ещё патефон заводил, понял, что там офицер прячется, — не будет же командирская краля с солдатнёй путаться, но, чтобы в тайнике целый оберштурмбанфюрер сидел, да ещё с важными стратегическими документами, этого он не ожидал, это чистое везение.

Кстати, и майору Воскобойникову повезло — окажись немец по чину ниже, чем он, суда офицерской чести не миновать, быстренько бы подрыв авторитета пришили. Но майор и без суда скис. Мало того, что шуточки свои всегдашние позабыл, он и материться перестал. Всё чего-то думает, думает. А чего думать? Ордену завидовать не должен — свои в три ряда. Из-за крали расстраиваться — тоже не в его натуре. Но что-то с мужиком случилось. Смотреть больно. Того и гляди, под пулю подвернётся. Посоветовались солдаты, которые из старичков, — жалко терять боевого товарища в конце войны, — и велели бате переговорить с майором, снять камень с его души.

Майор словно ждал его. Без всяческих прелюдий налил две кружки до краев и говорит: «Езжай, Лука, в командировку в город Сыктывкар, живет там у меня жена законная, и есть подозрение, что не очень она скучает обо мне, езжай и разведай, у тебя нюх на этих тыловых оберштурмбанфюреров».

Но время-то военное, просто так не проедешь, поэтому выписали батьке командировку на Урал, не помню точно, в какой город, а по дороге он должен был заглянуть куда следует.

У жены майора Воскобойникова в городе Сыктывкаре никакого оберштурмбанфюрера батя не застал, и тайника у неё в квартире не было. Да и не шибко-то он искал, не в его характере шпионить за чужими жёнами. Тем более что благодаря этой прекрасной женщине выкроилась ночка домой заскочить. Рискованно, конечно, было, могли и за дезертира принять. Поэтому затемно пришёл и до рассвета вышел. Как будто и не было его.

Оттого и принялись соседи и кумушки считать да пересчитывать мои месяцы. Для мужиков аргументы найти нетрудно, а завистливой бабе рта не заткнёшь. Мать, бедняжка, на улицу выйти боялась. Сидит и ревёт целыми днями. Тут уже и батька испугался, как бы от такой нервной перегрузки дурачок не родился. С маленьким приветом. Для нас, Петуховых, вроде как норма, но чтобы совсем дурак — это уже перебор. И плюнул он тогда на всю сплетённую свору одним плевком, погрузил свой табор в вагон — и айда в стольный город Москву.

Самую малость не доехали, всего триста километров. И во всём я виноват, потерпел бы немножко — и родился столичным жителем. Куда там — свободушки захотелось. Видать, и вправду маманькино нервное напряжение сказалось на моих умственных способностях...

Пришлось выходить на первой же станции. Ещё по дороге в больницу увидел батя, как трактор на буксире полуторку тащит, и понял, что работа для него найдётся. На торфоразработке без трактора не обойтись, а трактору без механика... и подавно.

Здесь и завязли. В посёлке. На торфу.

Охота на моржа

Кто-то из мудрецов, Пушкин вроде, а может и Шопенгауэр, точно не помню, сказал, что слава — это яркая заплата на грязной одежде. Им, конечно, виднее, хотя одежда, если очень грязная, она и без яркой заплаты в глаза бросается. Забавнее, когда наоборот. Ходил вроде нормальный аккуратненький человечек, а прилепили ему эту самую заплату, — и понеслось... и одежда чистая вроде не к лицу, и портки через голову натягивает, и валенок вместо шляпы примеряет.

Медсестра в посёлке жила. Приехала после училища. Два года уколы ставила, и никто внимания не обращал. И вдруг по центральному радио объявление: «По заявке медицинского работника Веры Терликовой исполняется “Песенка Дженни”». Слышали такую песенку? Так-то вот! Она знала, что заказывать. Попросила бы — «Марина, Марина, Марина, приди на свиданье ко мне» — не больно бы разбежались, таких просителей и в городе полно. А в «Песенке Дженни» только название простенькое, даже вроде игривое, на иностранный манер, зато слова — самые те: «Там, где кони по трупам шагают, где всю землю окрасила кровь — пусть тебе помогает, от пуль сберегает моя молодая любовь». И припев подходящий — «Если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его». Как для медицинского работника такую песню не исполнить?

Не все, конечно, концерт слышали, в рабочий день случилось, но свидетелей хватило. Сам директор предприятия позвонил в амбулаторию и поздравил. Вечером в клуб пришла — сеанс на полчаса задержали. Володька-киномеханик вылез из будки и никак не мог пробиться к ней, чтобы расспросить, каким образом в передачу попала. Почтальонша потом рассказывала, что за неделю из посёлка на радио восемьдесят четыре письма отправилось. И все, разумеется, с заявками. Да без толку. Там, видно, решили, что для нашего посёлка достаточно Веры Терликовой. Ни одной песенки не спели. Хорошего понемногу. А водичка-то на Веркину мельницу — единственную уважили! Каждый вечер у общежития почётный караул под её окнами. Здоровенные парни в амбулаторию толпой на уколы валят. Да припоздали чуток. Состав уже скорость набрал. Теперь уже догонять надо и на ходу прыгать, а для этого и смелость нужна, и ловкость. Нет бы раньше угадать, когда она два года подряд на танцах в углу скучала, а в будние дни готовилась поступать

в институт и зубрила: уж, замуж, невтерпёж... А теперь новые правила и новые исключения. Разборчивая стала.

За неполный месяц дюжину женихов перебрала. И остановилась на инженере-конструкторе. Не сказать, что самого видного или самого ловкого выбрала, она дальше смотрела. Через год у жениха срок отработки заканчивался и собирался он уезжать в родной город Златоуст, а может и в Лихославль, сейчас уже забыл, да какая разница — из нашего болота любая дыра с красивым названием столицей казалась. Конструктор поначалу сутулился от постоянного ожидания разговора с неудачниками. Дело понятное, могли встретить и проучить, а приезжего — сам бог велел. Но всё обошлось мирно. Радио все-таки, неизвестно, какие там порядки. Короче, успокоились. У конструктора уже и спина стала распрямляться, и в кино на последний сеанс не боялся ходить. Да и поселковая шпана в те годы незлопамятной была. Беда подкралась совсем с другой стороны.

В посёлок приехали снимать кино для телевидения. Человек пять прикатило, но особенно бросались в глаза двое: оператор с тоненькими усиками и в красном берете, весь из себя приблатнённый, и девица с огромной рыжей гривой, разгуливающая по улицам без платка. Не торопитесь с выводами — оператор на Верочку Терликову не позарился, а рыжая на конструктора и подавно.

Вы, наверно, думаете, что они приехали снимать какого-нибудь ударника семилетки? Начальство тоже так думало. А они направились к Лёхе-пожарнику. Мужик этот каждый день в проруби купался. Кто бы подумал, что за такую дурь в телевизор можно попасть? На посёлке к нему давно привыкли, а для городских оказалось в диковинку.

Узнали.

Раскудахтались.

Прикатили.

Пока они в доме приезжих размещались, председательница поселкового совета прилетела, Никодимова Прасковья Игнатьевна. В те годы она ещё сама бегала, а не к себе вызывала, молодая была, да и гости не совсем обычные. Прибежала и с порога: «Как так... почему пожарника, а не маяка производства?»

В маяках по добыче торфа Вовка Соловьёв числился, он и сейчас, как я слышал, из президиумов не вылезает — железный мужик, ведь знает, что всему посёлку известно, на чём держится его слава и сколько народу на эту славу горбатится, всё знает и хоть бы раз покраснел. Но приезжие на Соловья не клюнули. Их такими баснями давно закормили, до оскомины наелись. Тогда Никодимова побежала к пожарнику, чтобы успеть подготовить к съёмкам, научить, о чём говорить, — проинструктировать, а заодно и определиться, есть ли у него в чём к незнакомым людям выйти, а то он и на работу, и в кино в одной и той же фуфайчонке, в пожарке выданной. Прасковья думала, что он пальто бережёт, а у него такого излишества и вовсе не оказалось. Ему-то и начхать, а ответственному работнику опять суетись. Денег на покупку Лёха, конечно, не дал. Тогда она побежала в магазин, выбрала дорогое пальто с каракулевым воротником, точно такое же, как у собственного мужа, а деньги велела высчитывать у пожарника из зарплаты в течение года. Потом её личная портниха до утра подгоняла обнову к нестандартной фигуре неожиданного героя. Зато на съёмку пожарник заявился, как заправский барин, в пальто, надетом на голое тело, и в заграничных плавках, которые люди с телевидения привезли специально для него.

Съёмку назначили на два часа. Срок сообщили только активистам под строгим секретом, но разве такое утаишь?

Никодимова пришла намного раньше операторов, чтобы порядок навести, и всё равно опоздала. Народищу на водоёме собралось, аж лёд потрескивал. И не только мы, пацанва

любопытная, даже мужики из механических мастерских вывалили, прямо в спецовках, благо, что мастерские рядом. На этом Прасковья их и подловила: «Почему в рабочее время на улице прохлаждаетесь?» Достала блокнотик и давай прогульщиков переписывать. А куда против блокнотика?

Ванька рядом с прорубью место забил, чуть ли не с утра мёрз, а она его за ушко и на солнышко, остальные сами потеснились, чтобы возле проруби достойные люди встали, ну и Никодимова со своим благоверным в их числе. Мужичонка у Прасковьи щупленький, на голову ниже её, зато в белом кашне и при шляпе. Другие активисты тоже принарядились. Дело понятное: к фотографу идут, и то самое лучшее надевают, а здесь вся область любоваться будет, а может, и вся страна. Расфуфырились — ну и ладно, но толкаться-то зачем. Я место для знати освободить не успел, а мужик Никодимовой торопит, пихается, я поскользнулся — и бултых в прорубь, не с головой, слава богу, но валенки едва не утопил. Так я же и виноватым оказался. Обидно, стою, носом шмыгаю. Мужики на Никодимова, за грудки хватают — почто, мол, ребёнка обижаешь, его трясут, ну и мне пинкаря, чтобы под ногами не вертелся, не мешал справедливость восстанавливать.

У Никодимова же свои понятия о справедливости, ему дядя Вася Кирпичёв, милиционер наш, срочно понадобился. А тот, недолго думая, за кобуру схватился. До стрельбы, к нашему пацанскому сожалению, дело не дошло, зато крику было на все лады. Ум за разум у народа заехал. Один только Лёха-пожарник не волнуется. Стоит на краю проруби в плавках канареечного цвета, пузо волосатое почёсывает и милиционера успокаивает, пусть, мол, всем же сфотографироваться охота.

Пока готовились, пока прицеливались, кинокамера застыла, или ещё какая авария с ней приключилась, я в этой области не секу. Они, видать, тоже не самые великие специалисты, а если не к рукам, то и варежки снимать бесполезно. Бедного Лёху раз пять в прорубь гоняли. Другой бы и с первого раза околел, а нашему пожарнику хоть бы хны. Здоровенный мужик был. Двухпудовкой, как детским мячиком, играл. Ручищи что бревна.

Глянула Верка на новую знаменитость и поняла, что поспешила с выбором. Конструктору сразу отставку — и всё своё очарование нацелила на пожарника. Не посмотрела, что и староват он для жениха, и с женой больше десяти лет прожил. Жена, как в народе женском говорится, не стена... Да и кто она такая — обыкновенная бабёнка, разве пара для человека, которого по телевизору собираются показывать? Кого из поселковых баб рядом с таким героем поставить можно? Некого, одна Верка Терликова достойна.

И загулял пожарник с медсестрой.

В то же самое время случилась в посёлке кража. Была при бане забегаловка, и кто-то её обчистил. Воры выдрали замок вместе со шкворнем и унесли три ящика водки. Кроме алкоголя, грешным делом, там и взять было нечего. Ночь для налёта выбрали метельную, следов никаких не осталось. Дядя Вася Кирпичёв покрутился возле бани в поисках вещественных доказательств, под прилавок в забегаловке залез, однако ни оторванных пуговиц, ни записных книжек, ни подозрительных окурков не нашёл. Выпил три кружки пива, потолковал с мужиками — на том и успокоился.

Налёт списали на заезжих воров. А в народе поговаривали, что напроказничал не кто иной, как Лёха-пожарник. Во-первых, замок с мясом выдрать — силёнка нужна. Во-вторых, никаких подозрительных незнакомцев в те дни никто не видел. А в-третьих, баня стояла рядом с пожаркой, и тот водоём с прорубью, в которую Лёха лазал, как раз между ними. Ну и самое главное — пришла одна тётка белье полоскать в солнечный денёк, когда вода насквозь просвечивалась, глянула в прорубь, а на дне — бутылки закупоренные. Спустить их туда нетрудно, каждый смог бы, а кто, кроме Лёхи, достанет?

Уравнение с одним неизвестным. Закалочка, получается, шла по всем правилам: сначала ледяная водичка, потом — огненная. О таких опытах научную статью можно писать. Но поселковый фельдшер Филипп Григорьевич Недбайло писать не любил, у него другими заботами голова была забита. И дядя Вася Кирпичёв с прохладцей к писанине относился, стеснялся своей орфографии. А разговорчик по посёлку свободно гулял, и трудно было его не услышать. Но Прасковья сделала вид. И дядя Вася Кирпичёв увернулся. Не думаю, что со страху. Скорее всего, пожалели. Лёха на посёлке вроде балованного ребёнка был. Редко какая гулянка без него обходилась. Он и драку всегда разведёт и помирит. Он и силушкой потешит: вытащат мужики четыре двухпудовки, свяжут канатом, а Лёха выйдет и всё это хозяйство зубами поднимет — и в цирк ехать нет нужды.

Короче, народ поговаривал, а власти помалкивали. И все вместе ждали передачу по телевизору, каждый надеялся себя увидеть, пусть даже с самого что ни есть краешку.

А влюбленным было не до сплетен. Они и трезвые словно под хмельком. Живописная парочка организовалась. Он — квадратный, как канистра, и она — стройненькая, как рюмочка. Гуляют, милуются, но про передачу тоже не забывают, боятся, как бы не пропустить.

В то время на весь посёлок три телевизора было: один, неработающий, у директора школы, второй у Никодимовой, а третий у Вовки Соловьёва, на него все и надеялись.

Верка Терликова о свадьбе уже поговаривала. Да случилось происшествие. Возвращался пожарник с гулянки и уснул на дороге. Закалённому человеку всё равно где спать, никакие простуды не страшны, и всё бы ничего, если бы не мотоциклист. Какая уж нелёгкая занесла его ночью на дорогу? Только прокатилась коляска по сонному лицу пожарника. Пока Лёха в себя приходил, мотоциклиста и след простыл. Исчез как не было. И передних зубов как не бывало. Представляете, такой гигантский организм — и вдруг без зубов. Он целого гусака за один присест уминал, а ему великий пост устроили. На тридцать килограммов похудел!

Но Верка держалась мужественно. Да и нельзя ей по-другому. Сама же заказывала — «Если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его», — на том и прославилась. А слава — обязывает. Ну и любовь, конечно.

Медсестра готовила пожарнику питательные бульоны, а народец гадал, что за дьявол сидел на мотоцикле. На конструктора не грешили — не тот характер, да и на мотоцикле ездить не умеет. Перебрали мотоциклистов — может, у кого зуб на пожарника имелся. Не нашли. У Лёхи вообще врагов не было. Все понимали, что виноват нелепый случай. Ни мести, ни умысла... Но кто-то все-таки наехал.

Пока гадали да рядили, не заметили, как Лёха зубы вставил и улыбаться начал. А если пострадавший оттаял, то и другим дрожать бессмысленно. Обошлось — и слава богу.

Вот тут-то мотоциклист и проболтался. Сказал по пьяной лавочке одному. Один — другому. Услышал пятый. А десятый уже и пожарнику шепнул. И этот божий человек, который за всю жизнь пальцем никого не тронул, взял ружьецо, заявился к мотоциклисту и саданул в него глухариным зарядом из шестнадцатого калибра, а потом с повинной к дяде Васе Кирпичёву.

Мотоциклист выжил, половина заряда в мебель ушла, однако моржа нашего отправили поближе к Ледовитому океану. Передачу про него так и не показали. Никодимова специально ездила узнавать, и ей сказали, что передача запрещена и пленка уничтожена.

А Верочка Терликова осталась в гордом одиночестве. Привезла из города пластинку с песенкой Дженни и крутила целыми вечерами. Ни на танцы, ни в кино, только на работу, и то в чёрном платке, а потом и чёрное платье купила. Конструктор, от греха подальше,

сбежал в свой Лихославль или Златоуст. Другие парни тоже не отваживались. Понять их, в общем-то, нетрудно. Срок у пожарника хоть и приличный, но не бесконечный. Только пацаны бегали под окна слушать: «Там, где кони по трупам шагают, где всю землю окрасила кровь...» — военная песенка. До хрипоты пластинку загнала.

И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не жена Лёхи-пожарника. Пока Верочка на работе была, забралась через окно к ней в комнату и растоптала пластинку на мелкие кусочки, а патефон, между прочим, не тронула — женщины, даже потерявшие голову, сохраняют уважение к дорогим вещам. Да и не виноват патефон, во всем виновата песня, песня и поплатилась.

После этого Верочка за неделю собралась, уехала и адреса никому не оставила.

Плакучие ивы

Песня у Высоцкого была, где здоровенные жлобы порубили все дубы на гробы, там ещё леший поблизости промышлял и вопил своей лешачихе: «А коры по скольку кил приносил?» Я как раз и хочу спросить: что это за кора и для какой надобности лешачок таскал её, надрывался издаля?

Для еды, говорите?

Нет, что вы, кое-какого пропитания и без коры хватало: рябчиков, зайчатинки, рыжичков, боровичков — да мало ли в лесу деликатесов. Правда, козы осиновую кору любят. Но я не знаю, держал ли леший козу, а если и держал, то зачем ей кору из лесу таскать, проще саму в лес выпустить, и грызла бы свеженькую, на выбор. Речь совсем о другом.

Были времена, когда за ивовую кору платили деньги, а если точнее — копейки, но в конце пятидесятых и копейкам счёт вели. Взрослые мужики этим промыслом почти не занимались, разве что в случаях, когда нищета не просто за горло брала, но и пальцы сжимать начинала. Зато у подрастающих да ранних имелась хорошая возможность заработать первые деньги.

Работёнка была не пыльная, если понимать в самом прямом смысле, — откуда в лесу пыли взяться. Но это единственный плюс, после которого тянется длиннющий ряд минусов. Ива — дерево болотное, а на болоте главный хозяин — комар, насекомое коллективное, дружное, между собою они не грызутся и всю злость для людей берегут. Кора с ивы сдирается легко, проще, чем с березы или осины. Но ведь и картошку нетрудно почистить, если уху с товарищем варить собрался, а если для пюре на полковой кухне — то-то и оно. Ободрал ствол, за второй принимаешься, а после сорок второго — сорок третий стоит. Он стоит, а тебе шевелиться надо. Потом всё, что надрал, — через кусты, по кочкарнику на дорогу вытащить, потом — до дома довезти. Серьёзные пацаны искали себе участки поближе к узкоколейке. И сушить старались в лесу, чтобы легче вытаскивать было. Утром на мотовозе с рабочими — туда, вечером — обратно. Полноценный взрослый рабочий день. Без перекуров, потому что пока ещё некурящими были.

Поработает старательный парнишка пару недель на одном месте, и остаётся после него внушительная делянка ободранных деревьев. Голенькие стоят. Белым-бело. Только на кончиках веток зелёненькие листочки трепещут. Кажется, что ёжатся от холода. Потом стволы сереют и не так бросаются в глаза, а поначалу — жутковатая картина. Плакучими ивы совсем по другой причине назвали, но когда натыкаешься на такую делянку, и перед тобой возникает скопище, напоминающее толпу скелетов с растопыренными руками… Помните, в школе учили: «Плакала Саша, как лес вырубали…»? Так и там. Только не

вырубленный, а ещё на корню, вроде как живой, но изуродованный. Правда, когда рожа пылает от комариных укусов, разъеденных солью пота, в голову даже не приходит, что с живых деревьев кожу сдираешь. Все эти жалостливые мыслишки появляются почему-то на чужой делянке. В неё и заходить-то страшновато, кажется, обступят тебя эти скелеты, сплетутся ветвями в хоровод и не выпустят…

Чтобы заработать на часы, приходилось упираться около месяца. А если захочется велосипед, то в одиночку не управиться, вот если на пару с братом, да ещё и папаня перед баней в выходные подключится, тогда и велосипед можно осилить.

Мы с Ванькой о часах ещё не мечтали, маленькие были. Ему хотелось лобзик, чтобы красивые полочки выпиливать на продажу, а я спал и видел спиннинговую катушку. Таких предметов роскоши в поселковом магазине, разумеется, не водилось, но их можно было выписать через посылторг.

Недели на две нас хватило. Откуда силёнке взяться в двенадцать лет! А упорством я и сейчас похвастаться не могу. На большое болото мы, конечно, не ездили, сшибали вокруг посёлка, но всё равно полтора-два километра в один конец приходилось отмеривать. В первый день надрали по здоровенной вязанке. Пока на опушку выбирались, выдохлись до самого донышка. Скреби не скреби — бесполезно, сил нет. А до посёлка ещё топать и топать. И оставлять страшно — мало ли кого в лес понесёт, посёлок-то рядом. Да не совсем. Рядом для того, кто с бидончиком за малиной направился, а с корьём на горбу — не очень. Судили-рядили, спорили-вздорили, и все-таки жадность победила. Ванька остался караулить, я побежал за отцом. Хотелось, конечно, щегольнуть самостоятельностью, но Ванька разнылся, а у меня не хватило характера. Батя упорство оценил, но посоветовал оставлять корьё в лесу на просушку. На другой день взяли с собой топорик, нарубили тех же ивовых жердей, оказалось, что срубленные и обдирать легче. Устроили вешала и всё, что надрали за день, оставили сохнуть.

Ночью, правда, дождик прошёлся, и всё равно — подвялилось. Рискнули ещё на ночь оставить. Прихватили по тощенькому пучку для конспирации, чтобы враги видели, что мы выносим корьё из лесу. Хитрющие ребятишки росли.

Пока драли, кое-чему научились. Корьё с тонких веток сохнет быстро, но слишком усыхает. А если с толстого дерева, да ещё с комля и до самых корней снять, — тогда намного увесистей. Это Ванька у больших пацанов подглядел, какое выгоднее драть, только для выгодного — ручонки покрепче наших требовались. Но мы старались. И комаров покормили. Устроили им праздник. Детская-то кровушка, наверное, поприятнее будет, не прокуренная и злостью не пропитанная.

Надрали.

Перетаскали домой.

Оставалось сдать.

Принимал корьё Аркаха Киселёв. Жил он на станции, но не в путейских домах, а в деревне. Работал заготовителем. Ездил по всему околотку, скупал шкуры, сухие грибы, может, кто-то и ягоды сдавал, но наши, поселковые, возили клюкву в город — выгоднее, да и не любили его. Вроде бы и обходительный мужичок, голосок медленный, сладенький, всем улыбается, со всеми здоровается, а народу его приветливость почему-то в тягость. Все, разумеется, знали, что Аркаха, если не обвешает, так обязательно сортность занизит или обсчитает, но сторонились не только из-за этого. Что-то другое отталкивало, не запах изо рта, скорее — душонка его дурно пахла, и люди это чувствовали. А что касается умения объегорить, тут ничего не скажешь, работа такая. Но в ней он был виртуоз, ни совести, ни жалости не ведал. Кроличьи шкурки, например, требовал только с головой. А голову обдирать сплошная мука, обязательно где-нибудь дрогнет рука. Прорежешь.

А он только этого и ждёт, сразу в третий сорт списывает. Взрослых вокруг пальца обводит, а с пацанами вообще не церемонится. У кротовых шкурок вроде и придраться не к чему, так принесёшь тридцать, а он двадцать пять насчитает. Вроде всё на глазах, а начнёт перетасовывать, и пяток куда-то испарился. Ручки быстрые, глазки скользкие. А на корьё для него вообще раздолье — гуляет, как Стенька Разин по Волге: то непросушку найдёт, то грязь прилипшую, то замшелость слишком густую. И весы у него, конечно, дрессированные — сколько пожелает, столько и покажут.

Но это других пацанов облапошить легко, а мы-то с Ванькой хитрые. Идём возле огородов, видим, дядя Лёша-пожарник грядки полет. У него в ту пору как раз любовь с медсестрой кипела и пенилась. Вот и решил перед законной женой оправдаться, горе её облегчить. Но у него же руки, как брёвна, и пальцы, как поленья. Для дёрганья травинок такие конечности явно не приспособлены. И нагибаться, с его животом, удовольствие ниже среднего. Кряхтит старательно, а сорняки почти не убывают. Оно и понятно: кнута в оглобли не заложишь. Ванька толкает меня в бок и говорит, давай, мол, поможем ему по-тимуровски, а потом попросим, чтобы сходил с нами корьё сдать.

С огородом меньше чем за час расквитались. Видели бы наши маманьки такую прыть, то-то бы удивились. А потом сделали бы соответствующие выводы. Но обошлось без лишних свидетелей.

Тачка с корьём была увязана ещё вечером. Мы дружненько впряглись и потащили, самостоятельные огольцы. От дяди Лёши требовалось только проводить нас до склада и постоять рядышком, пока Аркаха взвешивает. Но добрый мужик посмотрел, как мы упираемся, засмеялся и велел нам ложиться на корьё, чтобы потом скопом на весы закинуть — всё лишние килограммы, хоть и весу в двух тимуровцах не больше пуда. Но это он, конечно, недооценил, так не в обиду же. С шуточками да с таким помощником не заметили, как добрались. На чужом горбу дорога всегда короче.

Аркаха посмотрел на нас, посмотрел на пожарника. Заулыбался — шире некуда. Но дядя Лёша не хуже других знал, почём эта вежливость. Он даже принаглел слегка, форса ради. Вроде как по рассеянности руку на корьё положил, пока приемщик гирьки на весы добавлял. Аркаха всё видел, мимо него и мышь не проскочит, однако промолчал. Несподручно волку грызть медвежью холку.

Короче, сдали. Денег получили и на лобзик, и на спиннинговую катушку, и даже на пряники осталось. Идём хохочем. Ванька на радости признался, что в каждый пучок по железному костылю подложил. Не знаю, правда железяками нашпиговал или хвастался, как обычно. На такую мину и самому недолго нарваться. Аркаха частенько заставлял развязывать пучки и, если находил что-то лишнее, сразу становился серьёзным и заявлял: «Ну что, милицию будем вызывать или сами разберёмся?» А какой нормальный пацан захочет связываться с милицией? И приёмщик с прежней улыбочкой бросал оштрафованное корьё мимо весов на свою кучу. Ванька чувствует, что я не очень-то верю его трескотне, и начинает упираться, рассказывать, как всё предусмотрел. Аркаха, дескать, шерстит корьё только у взрослых ребят, а маленьких просто обвешивает, потому что не догадывается, что и маленькие трутни горазды на плутни. Дядя Лёша хвалит его, хитрована. Ванька героем себя чувствует, а герою — награда полагается. Сворачивает к магазину пряников купить.

Рядом с магазином чайная. Туда пиво привезли. Мужики на крылечке курят. Пожарника увидели, к себе зовут по кружечке пропустить. А у того денег с собой не было. Он к нам: «Выручай, мелюзга, с получки верну». У Ваньки карман глубокий, руку засунул, а вытащить не может. Понятное дело — очень хочется лобзиком поработать. Мне катушка тоже позарез нужна, чтобы щуку с реки выловить, но пока посылторг раскачается, реки

замёрзнут, в ноябре пришлют или в марте — разницы никакой. Получка у пожарника через две недели. А деньги у меня в нагрудном кармане рубашки, там рука не застрянет при всём желании.

Но до получки Лёха-пожарник недоработал. Случилась эта дикая история со стрельбой, и его посадили. Тут уже грех о катушке вспоминать.

Пожарника увезли на Север, а через два года утонул и Аркаха Киселёв. Дом у него стоял на берегу пруда. Не ахти какие хоромы, при его-то деньгах. Поговаривали, что он давно в городе приценивается к жилью, да никак сторговаться не может. Или не хочет. С хлебного места сорваться нелегко. Пруд возле Аркахиного дома старый, барский ещё. За долгие годы какого только хлама в нём не скопилось, и деревья, что на берегу росли, в него падали. С бреднем туда не сунешься, поэтому карасей много. У Аркахи в пруду всё лето стояла морда. И вот пошёл утром перед работой проверить. Потянул за проволоку, но снасть зацепилась за корягу. Решил сплавать. Нырнул, а вынырнуть не смог.

Жена знала, что он на пруд собирался, но хватилась не сразу, думала, не заходя домой, на работу подался. Забеспокоилась только к вечеру. Когда искали, заодно и морду вытащили: карасей — больше ведра и все как на подбор. Место не глубокое было. Как он умудрился захлебнуться?

От дурной славы и в могиле не укроешься. Сразу же появились шуточки. Одни говорили, что нырнул Аркаха, увидел богатый улов и захлебнулся от жадности, а другие уверяли, что морда пустая была, и захлебнулся мужик от расстройства, а караси уже потом со всего пруда на падаль собрались. Кстати, над самой водой росли настоящие плакучие ивы, но плакали они, конечно, не по Аркахе Киселёву.

Жена его с детьми ещё до зимы в город перебралась. Хороший дом купила. Вот только сын в тёмную историю вляпался, посадили за изнасилование. Статья, конечно, скользкая, но кому-то там, Вверху, было угодно, чтобы поскользнулся на ней именно сын заготовителя Аркахи Киселёва.

Уже в Сибири рассказал я эту некоузскую историю ребятам с работы, и двое мужиков стали уверять, что в их деревнях жили точно такие же заготовители, и оба плохо кончили, и что характерно, у детей жизнь наперекосяк пошла. После этого что хочешь, то и думай…

Мститель

Сейчас в школе вроде и на второй год не оставляют, не говоря уже про третий, а в наши времена у некоторых шестиклассников усы росли. Вся эта послевоенная безотцовщина не очень тянулась к знаниям, да и с чего бы, если в питании не хватало сахара, а в воспитании — ремня в твёрдой мужской руке. Но это к слову.

Учился в нашем классе Толик Южаков. Нет, не второгодник, почти отличник, на математическую олимпиаду ездил. Но олимпиада была потом, а для начала его искупали в этом самом… продукте, на который все мы перерабатываем окружающую нас фауну и флору. Короче, в сортире искупали. Заскочил первоклашка на переменке, а там второгодники махрой дымят, кольца пускать учатся, ему интересно, засмотрелся ребёнок. А те:

— Чего уставился? Чинарик ждёшь?

— Нет, — говорит, — не жду, маленьким курить вредно, они от папирос расти перестают.

Оболтусы в хохот. Видят, что мальчик домашний, паинька, значит, пора к жизни приучать. Просмеялись и спрашивают:

— А тебе вырасти быстрее хочется?

Пацанёнок доверчиво соглашается. Те ему объясняют, что без удобрений даже картошка чахнет, растолковывают как могут, на доступных примерах — без навоза, дескать, ничего не растёт. Пока Толик соображал, куда они клонят, его в четыре руки взяли за шиворот и окунули в самую гущу. Полюбовались на картинку и смылись, оставили на потеху другим. Висит перепуганный мальчишка в «очке» и едва слышно хнычет, даже громкость прибавить боится.

Утонуть, конечно, не дали. Пришли какие-то старшеклассники, вытащили и отвели в учительскую. А у справедливых педагогов тоже ума палата — домой бы пацана отправить, чтобы отмыли его там да переодели, так нет, им следствие необходимо, вовремя отреагировать. Пацана опять за шкирку и повели по классам, чтобы хулиганов опознал, будто те дожидаться станут. Да если кто и не сбежал с уроков, всё равно перепуганный первоклассник никого опознать не смог. Тащат горемыку из класса в класс, как учебное пособие или наглядную агитацию, с него каплет нечто зеленокоричневого цвета и по всему пути следования шлейф сортирных ароматов тянется. Обидчиков не нашли, а жертву всей школе показали. Устроили представление. Такое кино и зрители-то не сразу забывают, а что говорить про того, кому роль клоуна досталась!

На другой день мамаша в школу пришла. Грозилась нажаловаться. А куда? Кому жаловаться? Да и на кого? На лоботрясов, которых так и не выявили? На учителей? Просидела в кабинете директора целый урок, вышла вся в слезах и смирно отправилась восвояси. Толик по этому случаю два дня школу пропустил, а на третий выпроводили — деваться-то некуда. Образование всеобщее и обязательное.

У нас и взрослое народонаселение не слишком перегружено хорошими манерами, а откуда им взяться у пацанов. Необязательно со зла, чаще ради глупой шутки иной дурак, проходя мимо Толика, возьмёт да и закрутит носом — откуда, мол, запашок. А мальчишка терпит. Если человек не обижается, то и дразнить его неинтересно. Не сразу, конечно, но постепенно о его крещении в сортире стали забывать. Мы, но не он.

Всё помнил. Не вырвал эту занозу. Наоборот, нянчил её и холил. Но скрывал. Он вообще никогда не выпячивался. Не из каких-то там хитроумных расчётов, просто от природы незаметным был. На физкультуре стоял в середине и в игрищах наших серединки держался. В заводилы не лез, но и под мамкину юбку не прятался. А если в математике всех перещеголял, даже самых активных отличников, так опять же не потому, что старался обойти, не из кожи лез, а с такой головой родился. И когда олимпиаду выиграл, заноситься не стал — к нему с поздравлениями, а он отмахивается.

Медленно тянется школьное время, а выпускной вечер подкрадывается вроде как и неожиданно. Да и не вечер это вовсе, а целый выпускной день. Торжественная часть началась после обеда. Пока нам толкали напутственные речи и вручали аттестаты под туш, предки наши, которые в президиуме сидеть не любили, готовились к гулянке: вытащили столы в школьный коридор и завалили их разной снедью. Забавный такой натюрмортик составился. Из напитков на клеёнку выставлены только лимонад и кипяток в трех самоварах, а на закуску к ним — и селёдочка, и грибочки, и огурчики. Так что и за столом от батькиных щедрот можно остограммиться креплёным лимонадиком, и в скверике своё припрятано было. Толик в этот день первый раз в жизни откушал. И... был один Толик Южаков, а стал совсем другой. Нет, даже не так. Поначалу, как только выпил, он вроде ещё тише сделался. Чудеса начались из-за Вовки Митина.

Что такое Митин? Да так себе, не парень, а недоразумение в брюках, в армию уходил дураком, а вернулся ещё дурнее. В любом посёлке водится порода любителей ошиваться возле массовых пьянок и клянчить, чтобы стакан вынесли, — он именно из таких.

Вышли мы на крылечко проветриться. Митин с мужиками на тротуаре топтался. Темнело уже, но Толик его высмотрел. И с разбегу, ни слова не говоря, — по роже. Мы аж остолбенели. Никогда не видели, чтобы он дрался. Может быть, первый раз в жизни человека ударил, но во вкус быстро вошёл. Пока Митин глазами хлопал, Толик и справа, и слева приложился. Мужики, что рядом стояли, вмешиваться не захотели, видно, смекнули, что за дело бьют. Мы же своего решили все-таки оттащить. Не из жалости к Митину — с чего бы его жалеть, — просто настроение недрачливое выдалось. Да и за Толика испугались, говорю же, первый раз его таким увидели. Оттаскиваем, а он брыкается, кипит весь. Утихомирили кое-как и, само собой, допытываемся, какая муха его укусила. Зачем драться с мозгляком, которого соплёй перешибёшь, — не можем понять такого геройства.

И Толик раскололся, напомнил, в чём его выкупали десять лет назад. Оказалось, что Митин был одним из той пятёрки «крёстных». Парень рассказывает, а слезы унять не может. Сам заводится и нас заводит. Градусы, конечно, тоже подогревают. Он ещё и выговориться не успел, а мы уже на благородную месть его подбиваем, на святое дело. Уговариваем срочно изловить Митина и освежить ему память таким же купанием. Жалеем, разумеется, что на месте школьного сортира разбили большую клумбу, но почти такой же скворечник остался на стадионе, значит, оттащим поганца туда и окунём, чтобы знал, как над маленькими издеваться. С Митиным разберёмся и дальше пойдём.

Кто ещё там был — пытаем Толика. А друг наш уже и сам не рад, что открылся. Никого, мол, не осталось, по большим городам расползлись все, кроме Митина и... Замолчал. Мы наседаем. Толик мнётся, мычит. И все-таки вытянули из него — был в той компании и Володька Соловьёв. Вот именно — тот самый, маяк производства. С человеком из президиума разбираться сложнее, это не какой-нибудь забулдыга, которому отвесишь оплеуху, и никто заступаться не станет, ещё и спасибо скажут, даже мать родная благодарить придёт. Соловей — другой коленкор. Он и сам бугаина порядочный, да и заступников рота набежит — желающих защитить сильного всегда предостаточно. Однако и это нас не остудило. Заяц во хмелю — смелее самурая. Кипятимся: никаких поблажек, никаких уступок, если маяк напакостил, значит, и маяк обязан ответить, разберёмся с Митиным — и прямым ходом к Соловьёву!

Сколько нас было, трое или четверо, не помню, но справились бы с любым. И, главное, всех переполнял справедливый гнев. Всех, кроме Толика. Тот уже выплеснул всю обиду, успел поостыть и нас урезонивать начал. Спасибо, мол, ребята, за сочувствие, но моих не троньте, я с ними сам разберусь. И убедил. По нашему доморощенному кодексу чести чужого врага, как чужую скотину, без разрешения бить не полагалось. Быстро загорелись и так же быстро остыли — выпускной вечер всё-таки, танцы в полные обороты, потом провожания...

Спать ложились хмельными и неразумными, а проснулись обладателями аттестатов зрелости. Сидим, значит, свежесозревшие, рассуждаем, как поведёт себя Толик Южаков, будет ли мстить Соловьёву, а если будет — какими средствами и методами. На всякий случай сходили к нему и предложили помощь, заверили, что в обиду не дадим. Да лучше бы не тревожили пацана, не бередили. Только в краску вогнали. Нос в книжку воткнул и бормочет, чтобы мы отстали и забыли поскорее о глупой выходке. Получалось, что утро действительно мудренее вечера.

Но недели через две выпили перед танцами и, как на грех, встретили Митина. Толик оторвался от нас и опять без разговоров — по сопатке. Мы не встревали — пусть парень

душу облегчит, чтобы дальше не мучиться. Драться он не умел и ударил неуклюже, побабьи как-то, а тот придурок крутанулся юлой и — носом в землю. Толик стоит над ним и не знает, что делать. Кто-то из нас подсказал, чтобы ногой добавил. Толик послушался и пнул. Митин тут же сообразил, что отлежаться не получится, вскочил — и деру, да с такой скоростью, что на велосипеде не догонишь. Убежал, ну и ладно. Толик вдогонку пообещал ему встречу на узенькой дорожке, но мы поняли, что угроза для острастки — сколько можно один и тот же урок повторять. Посвистели вслед и затянули дружным хором: «Мы идем по Уругваю...» И Толик вроде как повеселел. Кончилась война.

Но на другой день собирались вместе в карты на пляже поиграть, а он не пришёл. Заглянул я вечером к нему, сидит кислый, разговаривать не хочет, делает вид, что к вступительным экзаменам готовится. А чего ему зубрить, когда и так любую задачку хоть по физике, хоть по алгебре на лету щёлкает.

Экзамены он сдал и не куда-нибудь поступил, а в МГУ — единственный из нашей школы за все времена. Когда из Москвы героем возвратился, с отцом событие отметил, потом вышел на улицу, отыскал Митина и набил морду.

Процедура начала приобретать болезненный характер. В сентябре, после колхозных работ, заглянул Толик домой на пару дней и устроил охоту. Подослал к Митину пацанёнка и велел передать, что кореша сгоношили на выпивку и ждут его на пруду возле пожарки. Тому, дубине, заподозрить бы, с чего это вдруг они такими заботливыми к нему стали. Куда там — губищи раскатал и вприпрыжку. А возле бани напоролся на кулак. Толик, разумеется, под газом был, послонялся, наверное, по улицам, не встретил, ну и закинул на всякий случай живца, а балбес, не раздумывая, клюнул, можно сказать, на заглот взял.

На ноябрьские праздники — опять двадцать пять. Хотя Митин и прятался, но в посёлке не в столице — и клуб один, и магазинов всего три, хоть пить бросай. Кстати, о выпивке. Мне кажется, Толик и поддавал-то с единственной целью, чтобы вдохновиться на акт возмездия.

А где-то перед Новым годом дядю Васю Кирпичёва отправили на пенсию, и на его место приехал новый участковый, наш поселковый парень Андрюха Кудрявцев. Он после армии школу милиции окончил, сначала в городе служил, а в посёлок перевелся уже с повышением. Тут же выяснилось, что и Андрюха был в той сортирной компашке. Митин увидел на бывшем подельнике милицейскую форму и воспрянул. На каждом углу трещал, что Андрюха его в обиду не даст и обязательно упечёт студента. Однако участковый заступаться не спешил. Толик и при нём в каждый приезд ухитрялся подловить Митина. Да и как заступишься — не охранять же никчёмного мужичонку, бросив все дела.

Канитель тянулась до лета. Толик приехал на каникулы и, естественно, после первой же выпивки отправился совершать ритуал. Встреча случилась возле пятачка. И Кудрявцев там был, но в драку вмешиваться не стал, дал возможность отвалтузить друга детства. Зато утром заглянул к Митину домой и, пока тот не успел опохмелиться, послал в амбулаторию на освидетельствование. Серьёзных повреждений, конечно, не обнаружилось. Говорю же, что Толик драться не умел. Захотел бы человек по-настоящему отомстить, он бы в боксёрскую секцию записался или кастет раздобыл — мало ли способов. Но фонарь под глазом у Митина всё-таки засвидетельствовали. Может, Андрюха сам дружку засветил для убедительности. Но фактов на лице Митина хватило, чтобы студент МГУ отбыл к бесплатному парикмахеру, а от него — на пятнадцать суток.

Волосы к началу учебного года успевали отрасти, только вряд ли допустили бы его до занятий. О том, чтобы нужная бумага попала в университет, Кудрявцев позаботился. По его рассуждениям, выходило, что хулигану высшая математика ни к чему, для него достаточно уметь считать до пятнадцати. Митин не то что гоголем ходил — самым натураль-

ным павлином! А как же, его всю жизнь ни во что не ставили, и вдруг за обыкновенный фингал под глазом отправили студента мести улицы районного центра.

Некоторые считали, что, если бы Митин не дразнил Толика, тот бы отступился. Может быть, и так. А может, и нет. Теперь гадать бесполезно. Митин, конечно, обнаглел, почуял силу за спиной и сам начал провоцировать. Или это была болезнь? Волосы ещё не отросли, а Толик снова выпил и подкараулил... А Кудрявцев тут как тут, даже свидетелей нашёл.

Два года парню припаяли. Учился на математика — сделали «химиком». А это уже совсем другая наука, совсем другие способности требуются, и, боюсь, не нашлось их у Толика. Мать, правда, говорила, что он после освобождения поступил в Новосибирский университет. Потому, дескать, и домой не вернулся. Но тот же Митин заверял, будто его заступник по своему милицейскому телефону узнал, что студент схлопотал новый срок. Попасть в тюрьму намного проще, чем в университет, дураку понятно. И опять же, студентам, в отличие от зеков, два раза в год каникулы положены, а Толик ни зимой, ни летом не приехал. Поэтому верили Митину, а не матери. Но радость его оказалась недолгой. Пошёл на двадцать третье февраля поздравить своего влиятельного подельника с мужским праздником. Пьянущий припёрся, но с бутылкой. А Кудрявцев его не пустил. Присел обиженный на лавочку выпить с тоски, и … нашли его только утром, замерзшего. Глупо жил и глупо умер. Но, может, Толик потому и не приезжал, что Митина не стало и мстить больше некому? Не исключено. Но мать-то ещё жива была — мог бы и навестить. Да, видно, не так всё просто, как со стороны кажется.

Торела

Поселковый народец по наивности своей полагал, что в советской стране таких мужиков не существует, исчезли вслед за князьями, графьями и прочими пережитками. Я старателей имею в виду.

Оно и понятно, посёлок завяз в болотах, а золото, как в песне поётся, роют в горах. Но не круглый же год его там роют. Любая работа отдыха требует. И вот заявляется к нам в посёлок отпускник из Сибири, и оказывается, что он самый настоящий старатель, причём не какая-нибудь там тёмная личность неизвестного происхождения, а наш поселковый парень, с братаном моим в одном классе учился. Служил на Дальнем Востоке и после армии угадал в старательскую артель. Отстарался сезон и явился во всей красе.

Были, конечно, и чемоданищи с подарками для родни, и местные любители выпить на халяву погужевали вокруг него, ну и рассказы про диковинную жизнь и настоящих мужчин через край лились. И не только о том, как пьяные старатели кабаки потешают. Там и на другие фокусы мастеров хватало.

Взрывник у них, например, насыпал полный стакан аммонала и делал направленный взрыв. При этом стакан оставался целёхоньким, только стекло от перегрева белело, правда, потом, когда его в руки брали, он моментально рассыпался в пыль. Но это уже после аплодисментов. А другой трюкач надевал на голову лучшего друга каску или обыкновенное ведро, а потом челюстями грейфера снимал. Какая там сила сжатия, сколько тонн на квадратный сантиметр черепа, я точно не скажу, но достаточно, чтобы при малейшей неловкости голова превратилась в лепёшку.

Многие наши мужики, конечно, сомневались, особенно насчёт взрыва в стакане, но мы, пацаны, верили, слушали, вытаращив глаза. И Торела тоже верил. Правда, в то время его звали просто Куликом, потому что фамилия такая была. Торелой он стал после отъез-

да старателя, когда каждому встречному обещал и не по одному разу: «Вот поднаторею немного и обязательно завербуюсь к старателям в артель». В одном поднатореть мечтал, в другом поднатореть собирался, а в третьем вроде как и успел поднатореть — так Торелой и прозвали.

А в чём может поднатореть тракторист? С какого красивого бока сумеет показать себя? На малых скоростях фокусы не проходят. Успевают рассмотреть. Но он всё-таки придумал трюк. Правда, не без помощи артиста Крючкова. Подсмотрел, как тот на танке через канавы прыгал, ну и решил повторить его подвиг на своём тракторе. Дело-то, в общем, нехитрое: надо перед канавой нажать на сцепление, а потом резко отпустить. Да и картовые канавы на торфяном поле не очень широкие. Так что риск не ахти какой. Прыгнул — раз, прыгнул — пять. Всё гладко. Хорошо, когда себе что-то доказываешь, но хочется и других удивить. И опять же хочется, чтобы эти другие были, как бы это помягче сказать...

Короче, дождался, когда на их участок заявится директор. И на глазах высокого начальства, а если точнее — перед самым носом, распугивая свиту, подкатил трактор Торелы к канаве, замер на пару секунд, потом взревел, как бык, и спланировал на другой берег. Чётко по расчёту. Вот только приземлился не совсем удачно. Попадаются на торфу зыбкие места, на первый взгляд почти незаметные, разве что чуть темнее, как пятно от бывшей лужи. Человека они выдерживают, а трактор — махина железная, с большим избыточным весом. Гусеницы гребанули под себя и зарылись. Чем сильнее Торела газует, тем глубже садится его летучий голландец, вернее — челябинец. Вылез из кабины, когда трактор уже по окна углубился. Выполз к ногам начальства, а встать стесняется. В ошметках грязи — с головы до подошв. Из блондина в негра превратился. К неграм в те годы у нас очень сочувственно относились, и тем не менее... Хотя могли бы и простить.

Кроме торфопредприятия в посёлке ещё и строительная контора существовала, вроде как независимая, со своим начальником. Но если одни власти сказали — слазьте, то и другие не подсадят. Власть, она женского рода и потому всегда с оглядкой на соседку живёт. Ну разве что из вредности может, под настроение, позволить себе поперечину, только в этом случае человек позаметнее Торелы нужен.

Прыгать научился, а прыгнуть некуда.

Хорошо, что посёлок в обжитом месте построили, в окружении трёх колхозов, а то бы пришлось манатки в дорогу паковать.

И стал Торела сельским механизатором широкого профиля, хотя старатель и объяснял, что у них в цене только узкие специалисты. Так было бы из чего выбирать.

Поставили его обслуживать зерносушилку. Для начала, чтобы себя показать, навёл хозяйский порядок на вверенном объекте, мужик-то не без рук, где капало — подтянул, где скрипело — смазал, где дребезжало — подрегулировал. И заскучал. От натуры не спрячешься. Работу для рук надо искать, а голова сама себе заботы находит.

Механизмы, как люди, одни тянут общее дело не жалея сил, а другие только видимость создают. Пригляделся Торела к вентилятору, и показалось ему, что этот бугай картину гонит — шуму много, а тяги почти нет. Весь пар, как говорится, в свисток уходит. День вокруг него походил, второй, третий и... догадался, как заставить его трудиться с полной отдачей: взял и наклепал на лопасти дополнительные полосы, увеличил поверхность захвата. Операцию проводил, конечно, в вечернюю смену без главнейших врагов изобретателя — без надсмотрщиков и без советчиков. Наклепал, закрыл кожух и врубил мотор. Соображал он правильно, только не до конца. Колесо оказалось тяжеловато для движка, да еще и расцентровка получилась...

Задымило.

Заискрило.

Вспыхнуло.

А пыль от зерна загорается как порох. Была у колхоза зерносушилка и не стало. Благо сам рационализатор живым выбрался. Случись такое во времена Иосифа Виссарионовича, как раз бы к старателям и угодил, лет на десять, если не больше, но уже без отпусков в межсезонье.

Почему Торела оказался в соседнем колхозе, объяснять, полагаю, нет надобности. К механизмам его, разумеется, не подпустили, но в пастухи сгодился.

Если дурная голова ногам покоя не даёт, то ноги, наоборот, успокаивают буйную головушку. Набегаешься с кнутом от восхода до заката, все великие мысли растрясёшь. Торела даже про артель заикаться перестал. Чему там между хвостов коровьих поднатореешь? Разве что мату многоэтажному. Но мат он не уважал. Ему интеллигентным хотелось выглядеть.

Успокоился вроде мужик, а народец всё равно ждёт, какой очередной фокус он выкинет. Милиционер дядя Вася Кирпичёв возьми да и спроси от нечего делать, что, мол, Куликов, новенького придумываешь, какую очередную диверсию? А Торела выпивши немного был, ну и рассказал, что собирается внедрить на болоте нашем новый вид крупного рогатого скота. Скрестил сначала овцу с быком, потом — тёлку с бараном, а теперь, дескать, ждёт потомства, должен получиться овцебык, только он пока не знает, у какой из пар овцебычата крупнее народятся. По расчётам, животные должны быть центнера по три, как минимум. Колхоз при таких показателях сразу в передовые выберется: и по мясу, и по молоку, и особенно по шерсти. Можно будет суконную фабрику в посёлке построить, а если шкуры в переработку пустить — не только полушубки, даже целые тулупы кроить, почти без швов можно обойтись.

Дядя Вася Кирпичёв мужик, в общем-то, не вредный, но юмора, как и положено милиционеру, не понимал. Всё принял за чистую монету и во избежание греха, опять же о Тореле заботясь, поспешил к его жене. Обратите внимание, не председателю стал названивать, а, не вынося сор из избы, можно сказать, что сделал предупредительный выстрел. Но грохоту было... От криков жены в квартире стёкла дрожали. Оно и понятно — устала баба. Прожить в мире приключений десять лет и сохранить спокойный характер не каждой по силам. А тут вроде бы и в нормальную колею попали, в доме сметана появилась, мужика же опять с работы выгонять собираются.

Шум этот до председателя колхоза докатился. И очень его развеселил. Он-то понимал, в отличие от милиционера, что у быка с овцой ничего не получится, а баран с коровой ни при каких обстоятельствах не совладает. Да и не собирался он Торелу выгонять. Желающих пасти скотину найти непросто. Это горным чабанам у нас почёт, уважение и награды, а свои пастухи — люди как бы низшего сорта. Кто же станет добровольно записывать себя в низший сорт? Только если деваться некуда.

На этот раз всё обошлось. Дядя Вася Кирпичёв, чтобы неловкость загладить, позвал Торелу по грибы и свозил в самый дальний лес на служебном мотоцикле. Теперь это называется компенсацией за моральный ущерб…

И всё-таки одно изобретение Торелы принесло ему пользу. Он сделал громоотвод собственной конструкции. Выточил на токарном станке бронзовый шар величиной примерно с гусиное яйцо, насадил его на никелированную трубку с фланцем и прикрутил эту хитрую штуковину к полу рядом с диваном. Высоту трубки сделал такую, чтобы можно было положить руку на шар, не вставая. Потом припаял к громоотводу провода и вывел их на улицу, а там закрепил на ветке дуба. До рябины было ближе, но он не поленился — если уж делать, так делать с запасом прочности. И вот, как только жена принималась на

него кричать, он садился на диван и опускал ладонь на бронзовый шар. Жена бегает перед ним, мечет громы и молнии, а он молчит, прикрыв глаза. Баба захлёбывается в ругани, а он сидит как истукан, вцепившись пальцами в бронзовое ядро. И откуда ей знать, что у него в голове и для какой цели предназначена блестящая трубка с набалдашником.

Так и отвадил.

В отдельно взятом дворе

В восьмом или в девятом классе заставили нас писать сочинение на тему «Родной поселок — двадцать лет спустя». Чуть раньше Никита Сергеевич пообещал, что наше поколение будет жить при коммунизме, вот нас и нацелили пофантазировать, какой будет малая родина в светлом будущем. Весь класс дружненько написал, что наш посёлок превратится в город. Юрка Батурин даже придумал, как над трубами гигантских заводов будут подниматься разноцветные дымы и окрашивать облака во все цвета радуги. Очень уж мы стеснялись своего тихого болота. Когда школу заканчивали, не помню, чтобы кто-то мечтал остаться дома: в институт, в армию, в ремеслуху — любыми путями, но в одном направлении, поближе к тем самым трубам с разноцветными дымами. Парни надеялись, что в городе они большего достигнут, ну а девицы мечтали о прекрасных принцах, которые на болоте не водятся: им снились артисты, выписывали по почте открытки с их портретами и вешали над кроватями в головах.

Через дорогу от меня жила Маринка Белоусова. На два года моложе была, но из ранних. Такая вся из себя цаца — не подступишься. На местных парней ноль внимания, фунт презрения. И вот приехал на первомайские праздники один тип из Питера показать нам, серятине, как твист танцуют. Брючки с мылом натянутые, кок набриолиненный и коры на каучуковом ходу, хотя, подождите, к тому времени, наверное, уже на остроносые перекинулись... На питерского стилягу поселковый люд смотрит с восхищением, а местного стилягу держит за придурка. Своему выпячиваться не дозволено. Будь, как все, иначе заклеймим и проклянём. В общем, красавица Маринка быстро оттаяла. На танцах познакомились, а на другой день побежала на свидание, назначила, разумеется, в самом людном месте, на «линии», чтоб все увидели, какого она кавалера отхватила.

И всё бы ничего, но на дворе-то весна: не только растительность оживает, но и грязь на дорогах просыпается и буйствует. Короче, без резиновых сапог на свидание не попасть. Но это к местным недотёпам можно и в сапогах на свидание заявиться, а к заезжему кавалеру надо в самом товарном виде. И тогда Мариночка положила в сетку туфельки старшей сестры, дошла до «линии», переобулась, а сапоги под кустиком у канавы спрятала. Толпа, конечно, оценила её трюк, и приезжий понял, что ему выпала честь прогуливаться с местной королевой.

И, кто его знает, может быть, через какое-то время и получила бы Маринка питерскую прописку. Если бы не бабушка Митрохова. Пошла старушка молочаю для кроликов пощипать. Вдоль по насыпи на пригреве он быстрее подрастает. Искала молочай, а нашла сапоги. Новенькие, без единой заплатки. Не пропадать же добру...

Вернулась модница переобуться, а переобуться не во что. На другой день бабушка Митрохова сама принесла сапоги. Старуха принципиальная: коли хозяйка обнаружилась — чужого ей не надо. Только это на другой день... А когда вездеходной обуви под кустом не нашлось, у девушки случилась натуральная истерика. Всем досталось, кто рядом

оказался; она решила, что сапоги специально спрятали. Кавалер попробовал на руки её поднять, а королева ему — затрещину.

Сняла туфли и — босиком. Грязь к Первомаю ещё не успела прогреться. Но лучше уж воспаление лёгких заработать, чем парадную, да ещё и не свою обувь испачкать. Два дня из дома не выходила, но это было воспаление гордости, а не лёгких. Болели мы редко. Воздух в посёлке чистый, с городским не сравнишь, потому и росли здоровыми.

В параллельном классе с Маринкой учился Вовка Бурмистров. Недотёпой рос, что греха таить. Никто из пацанов с ним не церемонился, в игры свои не звали. Возьмут, если сам напросится, но всё равно никакого толку. Учителя тоже за человека не считали, потому что учился неважно, а подлизываться не умел. Дотерпел парень до шестнадцати и устроился в гараж учеником слесаря, а потом от военкомата поступил на курсы шофёров. Но дело не в этом. Сразу, как бросил школу, Вовка заделался стилягой. Съездил в город, купил на барахолке галстук с пальмами и цветастую рубаху, а брюки заузил сам. Ходил и, не замолкая, распевал: «Марина, Марина, Марина, приди на свиданье ко мне...» Под эту песенку в те годы на танцах стиляли, то бишь танцевали, по-городскому. Особого успеха Вовка не имел, стилять чаще всего приходилось в одиночку. Но кличка — Марина — к нему прилипла. С ней и в армию проводили.

А через год его мамочка получает толстое письмо, вскрывает — и в слезы: фотографию сынуля прислал, да не простую, а цветную, на которой красуется в шикарном драгунском мундире, а может и в гусарском, — не до тонкостей, главное, что форма сидит на парне как влитая и к лицу подходит. Потому, наверное, и взяли нашего стилягу в кино сниматься, и не в какое-нибудь простенькое, а в «Войну и мир». Отплакалась мамаша счастливыми слезами, фотографию, чтобы не помялась, вложила в старый учебник и побежала гордиться. Если хочешь быть красивым — поступай в артисты.

Удивил Марина родной посёлок. Никто ещё из наших не залетал в такие диковинные высоты. Одни ахали, другие вздыхали. Надо же, кто бы мог подумать, что из такого непутёвого толк выйдет, вот, мол, что значит в хорошие руки попасть: армию надо благодарить и строгих отцов-командиров.

А у самых завистливых на все успехи чужих детей одна поговорка — дуракам везёт. С новостями в посёлке не густо, так что эту мусолили на каждом перекрёстке со всех сторон и не по одному разу. Она и корни пустила, и ветвями подробностей стала обрастать. Были, конечно, желающие обломать эти ветви да в грязи вывалять, но не успели — сам артист в отпуск заявился.

Приехал, пусть и не в гусарском мундире, но фотографий привёз целую пачку. Расспросов было... на все отвечать — язык от мозолей одеревенеет. Кому подробности про Тихонова вынь да положь, кому о Лановом подноготную расскажи. Марина слишком не завирался, друзьями их не обзывал, но давал понять, что встречаться доводилось частенько, даже выпивали иногда за общим столом. О планах на будущее отделывался туманными намёками: обещал, мол, ассистент Бондарчука, но… как бы не сглазить. По гостям таскали из дома в дом. И на улице подносят, и на кухню милости просят.

Заглянул стиляга и к Маринке Белоусовой. Она после школы ездила в медицинский поступать, но не прошла по конкурсу, вернулась домой и заполняла карточки в нашей больнице, стаж зарабатывала. Не знаю, сох ли Марина по красавице до армии, скорее всего даже мечтать боялся. Она-то наверняка его не замечала, вряд ли и помнила, каким он был. А тут сама пригласила. И артист подарил ей самую лучшую фотографию. Многие клянчили, а получила только она, единственная. И оказался этот подарок свадебным. Спелись голубки. Марина плюс Марина. Приехал в отпуск холостой солдат, а уехал женатым.

Ни в какие артисты после армии он не попал. Их там сотни, если не тысячи, в массовках снимались. Вернулся к беременной жене в родной посёлок. Не успел оглянуться, а она ему двойню принесла. А через два года и дочку состряпали, чтобы не скучно было…

Я в то время уже по Сибири путешествовал. И вот году в восемьдесят третьем приезжаю в отпуск. С утра, помню, за грибками сбегал, а вечером решил искупаться. Иду на пруд через Шанхай. Слышу, за оградой мужик с бабой скандалят. Надрывалась в основном баба, мужик сначала молчал, а потом запел: «Марина пишет, что сломала ногу. А я пишу — купи себе костыль и выходи почаще на дорогу, чтоб задавил тебя автомобиль. Марина, Марина, Марина, приди на свиданье ко мне...» Знакомая песенка. Встревать в скандал было неудобно, и я решил, что будет ещё случай встретиться и поговорить. Но они сами увидели меня и окликнули. Узнали, что я купаться направился, и дружно, будто и не собачились только что, закричали, что у них банька ещё не выстыла — давай, мол, попарься немного, а потом посидим, молодость вспомним. Тут я и понял, почему у них физиономии красные, поначалу-то, грешным делом, подумал, что распалились они, выясняя отношения.

Короче, уговорили. Пока я хвостался веником, на столе появилась скатерть, а на скатерти — чем богаты: грибочки один к одному, сальцо копчёное, чехонь жирнющая, ядрёный квас из погреба и настоечка в графине. В посёлке не принято закуску от гостей прятать.

Выпили по рюмашке.

Маринка так в больнице и прижилась, сестрой-хозяйкой назначили. Оттуда и спиртик: что сэкономила, что скоммуниздила. Зарплата не очень большая, но жить можно не хуже врачей, если хозяйство своё имеешь.

Выпили по второй.

А чего ругались-то, спрашиваю.

Они смеются. Утром Марина завёз жену на колхозное поле, чтобы нарвала викоовсяной смеси для кроликов, а сам поехал в район. Договорились, что мешки она спрячет под кустами и вернётся домой, а он на обратном пути их прихватит. В районе, пока экспедитор подписывал накладные на их груз, подвернулась шабашка. Нежданно-негаданно заработал центнер комбикорма для свиньи. Ну и забыл на радостях про траву. Да и Маринка не сразу хватилась. Только в бане, когда мужик заигрывать начал, вспомнилось некстати... Рассказывают, друг друга перебивают и закатываются от смеха.

Выпили по третьей.

Вышли свежим воздухом подышать. Дверь гаража открыта была, там два мотоцикла: один — не старый, второй — совсем новенький. В сарайке корова сопит, чушка хрюкает. Дом в резных наличниках, как терем расписной. Хозяева от спиртика разомлели, стоят в обнимочку....

И вспомнилось мне, глядя на этих Марин, как писали сочинение на тему «Родной поселок — двадцать лет спустя». Вот вам, пожалуйста, любуйтесь — коммунизм в отдельно взятом дворе.

Странный гость

Не знаю даже, как подступиться, с чего начать, всё как-то зыбко в этой истории. Впрочем, на болоте всегда и зыбко, и таинственно, а случилось это на болоте.

Прилетел в отпуск маманю проведать. Неделю отгостил. Собрался по грибы. Лето сухое стояло, так что не столько на добычу, сколько по лесу побродить, соскучился по родным осинкам, старею, наверное.

Вечером с товарищем засиделся, проспал, выбрался из дома перед обедом, торопиться вроде нет смысла, но на выходе из посёлка встретил мужичка. Я — по грибы, а он уже с грибами. Издалека видно, что человек тяжёлое несёт. В одной руке бельевая корзина, в другой — палка типа посоха. Меня, естественно, любопытство защекотало. Сворачиваю наперерез, присматриваюсь: в посёлке хотя бы в лицо, но, кажется, всех знаю. Может, подзабыл, думаю, или за время моих путешествий новосёл прижился. Но вид очень непривычный для наших мест. Здешние, пусть не регулярно, но всё-таки бреются, а этот — с бородёнкой и одет в длинную, чуть ли не до колен, рубаху навыпуск, выгоревшую аж добела и веревочкой подпоясанную. Возраста за волоснёй не разглядишь — тридцать ему или сорок, но не старик, глаза совсем молодые, и не сутулится, хотя высокий, сухой. Старика бы давно годы согнули, а здесь чувствуется, что мужик ещё в силе. Короче, если бы раньше встречал, обязательно запомнил.

Поравнялись. Заглядываю в корзину. А там… одни мухоморы.

Молоденькие.

Крепкие.

Ядовито-красные.

Ты что, кричу, с ума сошёл?! А он смотрит и молча улыбается, по-доброму так, по-отечески, вроде как успокаивает меня, чтобы крыша с перепугу не поехала. Выкинь, говорю, немедленно и руки с мылом вымой. Я на крик срываюсь, а он смотрит ласково и молчит, но я слышу — нет, мол, не бойся, ничего не случится. Потом достаёт из корзинки самый красивый мухомор и протягивает. А мне что оставалось делать? Блаженного обижать грешно. Взял у него красивую поганку, сказал спасибо и потопал, ускоряя шаги. Потом спохватился. Нет, думаю, надо отнять и выбросить, да ещё и растоптать, чтобы не собрал. Кто там — Ницше или Шопенгауэр — учил, что добро должно быть с кулаками? Оглядываюсь, а на дороге — никого. Успел куда-то свернуть. Я ещё подумал: не спрятался ли. Но с чего бы вдруг?!

Кстати, пару казусов с ядовитыми грибами мне уже довелось наблюдать.

Тогда ещё отец жив был. Сидим возле дома на лавочке, философствуем. Смотрю, одноклассник идёт. Тоже отпускник, только не сибирский, а питерский. Лет десять не виделись. Как тут мимо просквозишь, завернул перекурить. Ведро с грибами в тенёк поставил. Но похвастаться, что белых насшибал, не забыл. А батя, первый грибник в посёлке, днём раньше протопал по всем своим козырным местам и вернулся с десятком сыроежек. Тяжелее удара по самолюбию придумать трудно. Подхватывается с лавки — и к ведру. Посмотрел, вздохнул и говорит:

— Орёл, утёр деревне нос, хорошие грибы, только здесь не Питер, скорую помощь не вызовешь, а до районной больницы успеют ли довезти, не знаю.

Одноклассник такого юмора не понимает. Я — тоже. Отцу приходится объяснять, что не белых грибов он набрал, а сатанинских. Тут же опрокинули ведро на мостки, хотели рассортировать, а там сплошной сюрприз, сыроежки питерский гость из пижонства не брал. Батя для вида сочувствует, но видно, что доволен — и человека от смерти спас, и репутация великого грибника не пострадала.

Потом, года через два, опять же в родном посёлке, подхожу к лесу и на опушке нахожу горку аккуратно обрезанных сатанинских грибов. Кого везунчик встретил, кто его вразумил? И тоже, наверное, похвастаться решил. А почему бы и нет — сколько радости было, когда находил, срезал, любовался, уверенный, что держит в руках настоящий белый гриб.

И вдруг такое разочарование. Но здесь уж, как говорится, красивый кус, да повезло, что мимо уст. Хотя их действительно легко спутать. На первый взгляд, как близнецы-братья. Вот только на срезе мякоть у ядовитого синеет. Но опять же и у подосиновика похожая история... Короче, коварный подарочек природы, потому сатанинским и называется. Мухомор по сравнению с ним безобиден, даже ребёнок знает, что его брать нельзя, каким бы красивым ни был. Мухомор — поганка честная. Но нашёлся-таки блаженный, насобиравший полную корзину. И самое странное, что на дурачка-то он не похож: лицо умное, взгляд ясный…

Побродил я по лесу, грибов совсем не нашёл. Решил земляники матери принести, чтобы пустым не возвращаться. Землянику брать муторно, сами знаете. Щиплю по ягодке, а мужик с мухоморами из головы не идёт. Очень уж странный товарищ, если не сказать, что подозрительный.

Возвращаюсь в посёлок. И знакомый рассказывает про точно такую же встречу: увидел человека с грибами, заинтересовался, потом пытался вразумить его, что мухоморами можно отравиться, а тот лишь улыбался в ответ. И не он один его встретил, нас таких больше десятка набралось. И, что характерно, все встречи случились почти в одно время, но в разных местах, в разных закоулках — от кирпичного завода до барского сада. Бродил человек какими-то непонятными, необъяснимыми зигзагами, словно блуждал или искал кого-то, но хотел найти сам, ни у кого не спрашивая. Это мы один за другим лезли к нему с предупреждениями, учили, какие грибы можно брать, а какие — нельзя. Одни деликатнее, другие нахрапом, а он ко всем — с одинаковой улыбкой. Мы его пугаем, а он нас успокаивает. Пацаны гамузом бежали за ним два переулка, и смеялись, и дразнили, даже собаку пытались науськать. Другой бы палкой шуганул, а этот терпел.

Встречали многие, но никто не видел, откуда он появлялся и куда исчезал. Я даже на вокзал не поленился прогуляться. Расспросил кассиршу, с уборщицей поговорил. Нет, не приезжал, не уезжал.

Взять, к примеру, летающие тарелки: сколько о них говорят, но все повторяют чужие бредни, вычитанные в газетах, ведь ни один нормальный человек не станет утверждать, что он видел своими глазами летающую тарелку. Странник — другое. Странника видели не испорченные газетами люди, причём — трезвые. Сам я лицом к лицу перед ним стоял.

Что хочешь после этого, то и думай, строй любые догадки. Кто это был? Зачем он явился к нам с корзиной мухоморов? Может, какой знак подать хотел?

Не знаю.

Думайте сами.

Вы люди умные.

Александр АВДЕЕВ

Родился в 1966 г. в Ярославле. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в периодической печати, в коллективных сборниках, в том числе издательства «ЭКСМО» (Москва). Автор книг стихов «Невидимая птица» (2003) и «Долгожданный день» (2011). Член Союза российских писателей. Диакон храма Ярослава Мудрого (Ярославль).

«Свет своё берёт у тьмы»

* * *

Тепло, а ветер воет люто.
Есть дом родной, а бесприютно.
И мамка молится чуть свет.
Да Волгу вижу тридцать лет.
Здесь неизбежность постаренья,
И ожиданье вдохновенья,
И наблюдение примет,
Да Волги судорожный свет.
Грустят и радуются люди.
И мне дано понять, что будет.
И сколько б Волга ни текла,
И сколько б мать ни берегла —
И речка кончится как время.
И что со мной?! И что со всеми?
Лишь мамка молится в ответ
Да Волги нестерпимый свет.

© А. И. Авдеев, 2012

* * *

Я вспомнил: на старом пальто
Есть раны, а пуговиц нет.
Всё мглистей закат и рассвет.
В квартире свет люстры зато.
А вместо кастетов и шил
Я выбрал иголку и нить.
Мне кажется, долго б я жил,
Коль выйдет до снега дожить.
И вот у подъезда стою
В зашитом пальтишке, куря.
И тщетно встречаю зарю
Всего одного фонаря.
Из каждой тревожной ночи
Доносит мне образы звук:
То в арке мужик прокричит,
То звякнет колодезный люк.
Вернётся домой человек,
Свет люстры осветит окно.
Но будет ночами темно,
Покуда не выпадет снег.

* * *

Пришёл к своей любимой школе.
Открыл коричневую дверь.
Стою, большой, в притихшем холле,
Спокойный, чинный — лишь теперь.
Мне в память врезалось глубоко,
Как звонко здесь звенел звонок.
Конечно, радостный — с урока
И посуровей — на урок.
Ведром уборщица гремела.
Валялись корки дневника.
Я слышал стук о доску мела
И беспощадный звон звонка.
И вспоминалось мне — я школьник
И одноклассников смешу.
Закинув циркуль и угольник,
На парте глупости пишу,
Пока спокойно и умело,
Не глядя, что я там творю,
Учитель важно чертит мелом
Задачу белую свою.

* * *

Конечно, есть свой запах у стихов.
Не знаю я, какой сегодня в моде…
В домах, где запах водки и духов,
Могу я получить и дать по морде.

Но водка и духи ещё не зло.
Я запах зла совсем не различаю.
И мне, на вид неслабому, везло
В компаниях, где мало склонны к чаю.

Сияла люстра, плавая в дыму.
Удары по столу звенели шибки.
О чём-то, до сих пор и не пойму,
Все спорили, и каждый без улыбки.

Устав напрасно голову ломать,
Домой пришёл нетвёрдыми шагами.
И сразу улыбнулся — в доме мать,
Поскольку с кухни пахло пирогами.

* * *

Окна тёмные, скрип дверей.
Мелкий свет самой первой стужи.
Листья, ветер. И свет фонарей
Отражают волнистые лужи.

Тонким льдом покрывалась грязь.
Мимо лысых берёз, у барака,
Промаячив хвостом, пронеслась
И исчезла во тьме собака.

Скрип дверей, сигаретный дым.
Шум дороги доносится глухо.
И мечтается: это Бим,
Белый Бим — Чёрное Ухо.

* * *

То страх, то грусть. В лучах косого света
Следят за мной отжившие портреты.
Как долго за бутылкой лезу в шкаф!
Отныне верю в скорбные приметы.
Опять год високосный. Дождь с рассвета.
И трудно мне понять, где сны, где явь.

И нету для меня мрачней мелодий —
Отец в квартиру медленно заходит
И говорит, что сердце всё болит.
А я беру две карточных колоды,
А он часы настенные заводит,
И бабка, слышу, плачет, да навзрыд.
Ждут на крыльце меня единоверцы.
Я на закуску хлеб посыплю перцем,
Пиковых дам испачкаю в вине…
Опять скрипит часов усталых дверца,
Отец часы заводит, словно сердце
Моё… И бабка плачет обо мне.

* * *

Опускались ветвистые тени.
Догорал на окошках закат.
Над скамьями свисали сирени.
И текла под мостами река.

В сад, где слышалось соло гитары
И немного приглушенный бас,
Проходили весёлые пары,
Постояв у открывшихся касс.

На причалы речного вокзала
Вёл асфальт, пролегающий вниз.
Там река, потемнев, отражала
Рыжий свет фонарей-верениц.

Шёл июнь в его сонном начале
Светлым праздником нашей земли.
Оттого я смотрел без печали
На плывущие вдаль корабли.

* * *

Капели сыпались с карнизов.
По окнам плыли облака.
Поющий воздух был пронизан
Теплом сырого ветерка.

В ларьке с витриной застеклённой
Я видел жёлтые цветы.
А рядом очередь влюблённых
И шум торговой суеты.

И наводила радость слёзы
От всей весенней новизны.
И стало жаль, что те мимозы
Мне были вовсе не нужны.

* * *

Любимые с юности книги —
Стихи, наводившие грусть,
Не дай бог однажды над ними
Склоняться совсем разучусь.
И будут они позабыты.
И станет другой голова –
Отверю в чужие обиды,
В печаль, что рождает слова.
Не дай бог забыть о деревьях,
Избушках у леса вдали,
Минутах, когда над деревней,
Прощаясь, летят журавли.

* * *

Открыла дверь, и улыбнулась,
И прошептала: «Заходи…
Ну, заходи же…» Оглянулась,
Как будто кто-то позади.
Так получилось, что ни разу
Мы раньше не были вдвоём.
Друг друга знали по рассказам
Знакомых общих. И притом
Всегда смотрел я, словно мимо
Тебя, коль рядом проходил.
А нынче непреодолимо
Пришёл к дверям и позвонил.
Открыла дверь и улыбнулась.
И прошептала: «Заходи».
И как в проулке — оглянулась
Так, словно кто-то позади.

* * *

Сын родился в час зарплаты
На последний день зимы.
Потеплело на закате —
Свет своё берёт у тьмы.

Пусть весна врачует тело —
Отойдёт озноб ветров,
Чтоб супруга не болела
И сыночек был здоров.

Много будет хлеба, неба.
Православный звонкий храм!
Как цветочки из-под снега,
Улыбнулась жизнь и нам.

Купим обувь без заплаты,
Да минуем гнёт сумы…
Сын родился в час зарплаты
На последний день зимы!

Надежда
КУДРИЧЕВА

Родилась в 1978 г. в Ярославле. Окончила Московский государственный университет культуры и искусств по специальности «Режиссёр любительского театра». Работает во Дворце культуры «Магистраль» (Ярославль). Публиковалась в журналах «Пролог», «Новая юность», в «Ярославском альманахе» (1996, 1997, 2001). Автор пяти поэтических сборников и сольного диска.
Один из организаторов поэтического фестиваля «Logорифмы», который ежегодно проходит в Ярославле, привлекая поэтов со всей России.
Дипломант фестивалей авторской песни и поэзии «Созвучие» (2009, 2010), «Заозерье» (2010). Дипломант фестиваля поэзии «Серебряная даль» (2008). Победитель конкурса «Правда жизни», проходящего в рамках фестиваля «Русская ярмарка талантов-2010».
Член Союза писателей России.

«Любить напропалую и бежать...»

Бег

Триптих

М. А. Булгакову

1

Любить напропалую и бежать
по всем граблям с восторгом идиота.
Пытаешься сменить маршрут, но что-то
толкает на знакомый в доску круг.

© Н. Н. Кудричева, 2012

Смени район, религию, страну,
пойди найди хоть Шамбалу в Тибете —
бессмысленно. В твоём менталитете
любить напропалую и бежать.

Куда? Зачем? У Гоголя спроси,
какой езды не любит всякий русский?
Купи коттедж, желательно в Бобруйске,
футбольный клуб и пару мокасин
железных и ступай искать её —
свою судьбу, историю, отчизну.
Когда твои теории провиснут —
найди Толстого, сядь, поговори
за мир, войну, но мыслями по древу
не растекайся, житиё твоё
подвержено значительному крену,
Прекрасную премудрую Елену
культуры разменяли на троих:
политиканство, шоу-бизнес, спорт.
«O tempora, o more!», плачет эхо,
застой науки — временная веха,
развеет ветер дым пустых шутих,
и над громадой каменных оград
поднимется искомый Китеж-град.

2

Выйди из дому, лицо в круговерть окуни
снега — пушистые звёзды ложатся на щёки,
Господи, свет мой, за что же мы так одиноки?
Мягкие складки лучистых туник
ангелов ночи, вальсирующих фонарей
треплет борей, разбирая прозрачные ткани,
ласковый луч подкрадётся, нырнёт, заарканит —
и полетишь над проспектом Московским быстрей
света и тени. Года, города и дороги
снежный буран собирает в тугую спираль.
Господи, свет мой, за что же мы так одиноки?
Где твой обещанный вечно сияющий край?
Бешеной пляске созвездий, светил и планет
темп задаёт сумасшедшее фортестокатто,
ритм бытия ускоряя стократно
до кульминации, и исчезает на нет
резко. Пульсирует тишина,
тело распято покоем паденья
сквозь невесомость. Чьи это владенья?
Господи, свет мой, ты смотришь на нас?

3

Нам от века бежать по бескрайним просторам России,
припадать на подбитую критикой правую лапу.
Не отчайся, мой мастер, учуем, догоним, осилим
по дороге дадим от мигрени настойку Пилату.

Слышишь, ангелы замерли — приняты крайние ставки
или меры, но нам положительно по барабану.
Генерал, мы бежим не от ставки до ставки
командующих. Босиком по такому бурьяну,
что шипастые звёзды к нам рвутся сквозь тернии сами
и врастают в горячие плечи, ладони и стопы,
собираются крови кораллы в нежнейшие строфы,
золотятся ажурные главы писаний,
быть поэтом на этой планете, мой сон, катастрофа.

Запах

Пахнет снегом, смехом, светом,
поцелуем и арбузом,
хрупкой музыкой Карузо
день последний октября.

Холод, страх ещё не ведом,
но невыразимо грустно
отдаётся в шаге хрустком
нежность тихая твоя.

Обними меня покрепче,
обожги дыханьем щёку,
и рассыплются по шёлку
горяченные слова.

Шелест речи, чайный вечер,
звёздочки рисунок тонкий
на перчатке, лай болонки
звонкий. Жизнь во всём права.

Дорожный блюз

Доброе утро, мой баламут,
перепутала время на час проводница,
и стая больших перелётных минут
больше не снится.

Видишь — седыми крылами взмахнув,
тают в серебряной тайне рассвета,
вправив октябрь в антрацитовый клюв
нынче навек. Та
тонкая стрелка вела в тишину
мимо угрюмых вокзалов,
казалось,
на старой пластинке наладив иглу
в сумраке зала,
поезд ведёт нескончаемый тур
венского? Всевселенского вальса
раз-два-три — в ритме колёс сердца стук
не прерывайся
вечный, вневременный путь.

Время

Тише, ещё не время —
шепчет последним листьям
ветер и осторожно
пробует первый снег.

Время забытых истин,
рыжего настроенья,
скачущего безбожно
бликом свечи в окне.

Время простых мелодий,
нежных стихов, прозрачных
песен, улыбок, взглядов,
прикосновений щёк.

Время удачных дачных
встреч, когда плоть от плоти
сводит с ума наядой
под золотым плащом.

Время уснёт под снегом,
время не тронет этих
глупых, смешных, влюблённых,
певчих улётных птиц.

Поле

Куда плывёт, над августом качаясь,
большая опалённая звезда?
Туда, куда суда и поезда
уже ушли по волнам иван-чая?

Сухая медуница тишиной
и нежностью пропитывает кожу,
тихонечко лепечет: «Не тревожу
покой земной…»

Откуда гул? Прислушайся — шумит,
а может дышит, поле под затылком?
Пушистым одеялом — тёплой дымкой
окутывает. Невесомый миг —
уютно мама подоткнёт края
лоскутного, душистого тумана:
«Спокойной ночи, дурочка моя….»
Как мало мы друг друга любим, мама.

Летающий дом

Вчера со мной говорил дом.
Не люди, которые жили в нём,
а сам. Фрамуги глазниц открыв,
давай, говорит, рванём в отрыв.
Махал карнизами вверх и вниз,
по-рыцарски мне подставлял карниз
крыла — летели куда хотели,
куда глядели и не глядели,
Луну задели, Казбек раздели,
из белоснежной его кудели
напряли шерсти, соткали плед,
связали нежной зимы куплет,
кормили смехом костёр зари,
хвостом виляли нам пустыри,
гнездился дом, поправлял крыльцо,
бодрился, выглядел молодцом,
шепнул смущенно «До завтра?» дом.

А кто-то знал, что его на слом…
Зачем мне радость всея земли,
раз мой летающий дом снесли.

Улёт

Перелётные бабочки ломких берёзовых листьев
стаей летят за косую черту октября,
тлеет заря, сентиментальный добряк —
дождь удрал, ветер носится зол и неистов.

Угадай, улови — кто из рыжих, порхающих мог
подарить тебе лето на долгую зимнюю память.
Не понять, не поймать, не догнать, не прибавить-убавить,
и мохнатые крылья в груди расправляет комок,
рассыпается звонко иззябшее хрупкое тело,
и летит золотая мечта за листвой
над земной суетой, над молвой, с головой
распрощавшись.
Что, в общем-то, тоже не дело.

Сашбашное

Александру Башлачёву

Пейте, пойте, жрите, рвите,
собирайте в антологии,
в поэтической орбите
днём с огнём отыщешь логику.

1

Белее мела,
синей стекла
над мартом стела
в туман легла,
облокотилась
о неба край.

— Скажи на милость,
кто свет украл?
Откуда горечь
в родных глазах?
А вся его речь
лишь ох да ах.

— Ответь мне, отче,
о чём живу?
Ещё короче
контральто:
— Уууу…

Вопросы вышли,
на снег пластом.
Он эхом:
— Слышь ли?
Ещё постой.

И земляничные
снегири
за шкирку:
— Ишь мы где!
Из перин.

— Не до лазури
истончена,
поэтской дури
одна цена.

2

Свет серебряный, сон земной,
задержись на моём крылечке,
по колечку на каждый пальчик
ни к чему, помолчи со мной.

Сон серебряный, свет очей,
научи не читать печали,
плачут ангелы за плечами,
правый в пятом ряду ничей.

Свет сиреневый, сон в ладонь,
утоли маету земную,
облака переименую,
ты одно наречёшь — юдоль.

Сон сиреневый, свет строки
обнимает, кошачьим шагом
мы уходим по-над оврагом,
и звенят колокольчики.

3

Музыка — последний верный друг,
рыжая, патлатая дворняжка,
плачущая зло, протяжно, тяжко,
вместо шерсти — клочья рваных струн.
Присмотрись — запёкшаяся кровь
на колючих колтунах собачьих.

Знаешь, чья? Конечно, знаешь. Значит,
для себя на шкуре пласт готовь.

Музыка — чистейший первый дождь,
с улиц грязь стирающий вуалью
радужной, святой бескрайней далью
успокаивающая дрожь
пальцев, нервов, голоса, смычка,
поднимающая над рутиной
серенадой непереводимой,
издревле летящей с облучка.

Музыка — размеренный полёт
верящего трём ветрам Икара
джаз играла звёздного накала
лампочка, когда на землю лёг
истиной раздробленный поэт
звонкого, высокого размаха.
Плаха глухо плавилась от страха
тишины. А нот в помине нет.
Ждут тебя.

15.03—17.03.11

Валерий ТОПОРКОВ

Родился в 1969 г. Окончил Ленинградское высшее военно-топографическое училище им. генерала армии А. И. Антонова, затем философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру Института государственного управления и социальных исследований МГУ. Кандидат философских наук. В 2000 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького, став впоследствии его вольным слушателем. Преподаёт в вузе.
Автор двух сборников стихов: «Раменье. Стихи 1997—2000 гг.» (М., 2001) и «Сердцем на флагштоке. 2001—2002» (М., 2003). Стихи и литературоведческие статьи представлены в ярославской периодике.
Член Союза писателей России.
Живет в п. Петровское Ростовского района.

«Что ещё вам сказать...»

* * *

Ни строки о мирской суете.
О безумии века — ни слова.
Да пребудут в нас радости те,
Что отмерены чаще еловой:

Высота многолетних стволов,
Их смолистый, пронзительный запах,
Груды лунных и солнечных снов
На дремучих раскидистых лапах;

Вся прохлада и весь полумрак;
Всё подраменья влажное лоно
Да пребудут в нас, вечностью в знак
Чистоты претворённые словно;

© В. С. Топорков, 2012

Да пребудет в нас мысль о Кресте,
Православная наша основа!
Ни строки о мирской суете.
О безумии века — ни слова.

Что ещё вам сказать...

1

Что ещё вам сказать,
Чем ещё вас, друзья, удивить,
Или локти кусать —
Это проще, чем весело жить,
Чтоб, сорвав тормоза,
Чтоб, летя под счастливый откос,
Прошибала слеза
От силлабо-тонических грёз;

2

Но никто бы не знал,
Как твой разум натруженный скис,
Пропуская в финал
Сокрушительный агностицизм:
«Что за свет, что за пыл,
Что за дым расточала, клубя,
Жизнь, в которой ты был,
Жизнь, в которой не будет тебя!»?

3

Тишина к тишине,
Сердце к сердцу, к закату — закат.
Славно вместо кашне
Подарить мне текстильный канат!
Я его подвяжу
Под всеобщий такой потолок,
О котором сужу,
Как о том, с чем ужиться б не смог;

4

А зажить довелось.
И я вновь на московском пути:
Скоро станция Лось,

И я чувствую, надо сойти,
Чистоганом сполна
Расплатиться за кровь твоих звёзд,
О, Лосиха-страна,
Что легла под калиновый мост;

5

На семи берегах
За превечный и мастерский лов
Не на хлеб, а на страх
Умной рыбы — речных дураков,
Где рыбацким сачком
Только мойрам махать не с руки,
И несёт тухлячком
От Большой человечьей реки;

6

Впрочем, дух ещё жив
И, терпя баснословный урон,
Тянет чудный мотив,
Что, когда и за краем времён
Соловьи запоют
И сирень зацветёт навсегда,
Страшным будет не суд,
Страшной будет ненужность суда!

7

Что ещё вам сказать,
Чем ещё вас, друзья, удивить,
Или кузькину мать
Мы не можем, как Кузька, любить,
Чтоб не в игры играть,
А, трезвея надеждой скупой,
Не по-детски страдать,
Если мамка зашилась с судьбой?

Ты увидишь

До *Кончанского* доеду — и умру.
Положи меня в ближайшую нору;
Вход землицею присыпь и тёплым мхом.
Стань, прошу, моим последним худруком!

Тем единственным, кто жил и будет жив!
Репетиции на вечность отложив,
Ты увидишь, что и я смогу начать
Странно думать и божественно молчать.

Cogito, ergo?..

Я мыслю...
«Я» — в позиции субъекта.
Так о себе не я, но
Мыслит
Некто.

Так, невзначай,
Разъединяя звенья,
Я заключаюсь
В цепи
Раздвоенья!

Удел мой зверем,
Зверем душу гложет:
— Твой день тобой, а ты —
Бог весть кем
Прожит.

Апология

Всё разумное сводят на нет
Те, кто страстью, как ветром простужен…
Если верить Платону, поэт
Совершенному строю —
Не нужен!

…Теза, в общем, не странна ничуть.
В самый раз помянуть о Варавве:
К торжеству справедливости путь
Не всегда справедливости равен.

Впрочем, есть философский резон
В том, что сделать во благо не поздно.
Потому-то и требует он
Доказательства собственной пользы!

…Ты растерян?
Оставь эту блажь!
И, пускай сомневаясь отчасти,
Как же много, признайся, ты дашь
За своё стихотворное счастье.

И подумай: за гранью земных,
Горьких лет,
Что ещё тебе светит?!
А стихи, как ни сетуй на них,
И смолчат за тебя,
И ответят.

Владимир
ЭЛЬ

Родился в 1972 г. в Рыбинске. Окончил бухгалтерскую школу.
Публиковался в городской и областной периодике, в литературной газете «Очарованный странник», в журналах «Московский вестник», «Новый берег», а также в коллективных сборниках «Вдохновение», «Окно».
Участник IV Форума молодых писателей в Липках (2004), финалист конкурса им. Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2008).
Живёт в Рыбинске.

«Ничего не поздно...»

* * *

Это было ещё в январе.
Год делился на три и на два.
Я гадал на твоём словаре —
Выпадали чужие слова.

Я не ведал санскрит и латынь,
С древнегреческим не был знаком.
И тогда ты сказала: «Остынь,
Говоришь не своим языком».

Долго-долго смотрели в глаза,
Часто-часто дышали в ответ.
За окном бесновалась гроза.
В январе. Почему бы и нет?

© В. А. Синицын, 2012

* * *

Это будет другой Первомай.
Непременно посыплется снег.
Остановится чёрный трамвай.
Увезёт сорок пять человек.

Ты коснёшься рукою стекла,
Ты увидишь вечерний салют,
И внезапные волны тепла
Нас с тобой поцелуем замкнут.

И не будет ни окон, ни лиц,
Только синий мерцающий фон,
Словно нас в ускоритель частиц
Занесло, а не в первый вагон.

И как только — один за одним —
Пара встречных звонков прозвенит, —
Мир за окнами станет другим,
И никто нам его не простит.

* * *

Над вокзалом вороны вьются,
Под ногами сверкает слякоть.
Ты стоишь под фонарным блюдцем.
Ты готова вот-вот заплакать.
Поздороваюсь с первым встречным
И спрошу у него совета.
Он не сможет сказать, конечно,
Он и сам не нашёл ответа.

Хочешь — сумерки, хочешь — звёзды?
Хочешь — пыльную быль вагона?
Всё равно ничего не поздно,
Если ты не ушла с перрона.
Всё равно наше время — вечно,
Как захочется — так и длится.
Это только весна конечна.
Это только снежок кружится.

* * *

Ты впечатлительная очень,
Сегодня это ни к чему.
Ночь коротка — ещё короче
Дорога к дому твоему.

Не происходит листопада,
Не ожидается дождя.
Всё это — выдумать бы надо,
Всё это будет погодя.

Само собой, возникнут строки —
И в них блеснёт листвою сад,
Сойдутся тучи на востоке,
Начнётся ранний листопад,

И грянет гром… Не прерывая
Круженье бабочки лесной,
Что нарисована — живая! —
В твоей зелёной записной.

* * *

Вот так и пишешь — без просвета —
Про скверик бледно-золотой,
Про ускользающее лето
И осень с тёмною водой.
Сюжетец незамысловатый,
С чертовской дюжиной имён…

И вдруг — о коннице крылатой
И блеске ангельских знамён,
О звоне лат и треске стали,
О роковом звучанье сфер…
Две строчки были.
И пропали.
Подобно солнцу, например.

* * *

Мне кажется — я не был молодым.
Родился я печальным и седым.

Ровесники мои — мои же внуки —
Зовут на двор, дают лопатку в руки

И предлагают новую игру,
В которой я ни разу не умру.

Какая безысходная игра.
Я сам её и выдумал. Вчера.

Александр КОСТЮШИН

Родился в 1950 г. в Ярославле. Первые публикации появились в областной молодёжке «Юность». В творческом багаже — рассказы, повести, пьеса в стихах, стихотворения, сценарии, миниатюры, афоризмы, сценки для эстрады. Количество публикаций приближается к шести тысячам. Публиковался в десяти странах, в 223 изданиях, в том числе в журналах «Крокодил», «Чаян», «Крестьянка», а также в «Мире новостей», «Вокруг смеха», «Литературной газете», «Литературной России», «Парламентской газете», «Аргументах и фактах», «Вечерней Москве», «Московском комсомольце» и др. Публиковался в сборниках Верхне-Волжского и московских издательств («Антология авторского анекдота», «Талан», «Афоризмы», «Тринадцатое чувство», «Самые смешные рассказы» и т. д.), в коллективном юмористическом сборнике о перестройке, вышедшем в 1989 г. одновременно в Германии, Австрии и Швейцарии.
Сотрудничал с телеканалами ОРТ («Первый»), НТВ, «Московия», с радиопрограммами «С добрым утром!», «Опять 25», «Пятачок», с известными эстрадными исполнителями — Евгением Петросяном и Яном Арлазоровым. Писал сценарии для сатирического тележурнала «Фитиль».
Автор книг «Опережая время» (1988), «Голая истина» (1990), «Парад команд» (1991).
Лауреат журнала «Крокодил» (1980). Лауреат премии «Литературной газеты» — «Золотой телёнок» (2005). Победитель internet-конкурса «Чудесные истории о деньгах» (2001). Член международного объединения юмористов «Чёртова дюжина».
Живёт в Ярославле.

Мы представляем читателям произведение такого рода, какие редко встречаются в русской литературе. В отличие от нынешней выморочной моды, диктующей курс на развал, распад и медленное угасание всего и вся, это — насквозь позитивное, победительно-мужское, плейбойское повествование о человеке, у которого «всё хорошо, а дальше будет ещё лучше», о человеке, который, кажется, стоит на пороге счастья. Между тем ирония живёт здесь в каждой первой строчке, самоирония — в каждой второй. Череда неожиданных событий, следующих одно за другим, а также искромётные диалоги и остроумные внутренние монологи не дадут читателю заскучать ни на секунду. Автор талантливо и честно раскрывает перед нами реалии непростой современной жизни и даёт возможность совершить экскурсию в не менее богатое на приключения прошлое своего героя.

© А. А. Костюшин, 2012

«Расскажи мне о себе»

Повесть о делах обыденных и не очень

Контора плюс

Раньше Ген Геныча у нас на службу никто не является. Не потому, что он один у нас в Конторе ударник капиталистического труда, а все остальные — разгильдяи, хронические опозданцы и злостные нарушители трудовой дисциплины. Нет, совсем не поэтому! Просто по неписаному закону нашей удивительной фирмы появляться в офисе раньше генерального директора считается дурным тоном, граничащим с карьеризмом на уровне преступного выпендрёжа. Кто знает, что там на уме у этого шустряка? Может, он босса подсиживает? Может, является штатным агентом конкурирующей организации? Может, гад такой, в одиночку пончики нямкает и курит дорогущие сигареты, а потом стреляет у сослуживцев «L&M» и лепит со слезою горбатого про парализованную любовницу и тяжёлое материальное положение родного микрорайона? Но среди нас таких не было, нет и не будет! Работу свою мы любим и о личном трудовом реноме печёмся из последних производственных сил. Хотел бы я посмотреть на того идиота, который своими руками готов похоронить мечту всего прогрессивного человечества — ничего не делать и зарабатывать ого-го! По крайней мере — не меньше нас.

Честно говоря, я не знаю, что производит наша обожаемая Контора, какой конечный продукт выдаёт на гора, какова конкретная сопричастность каждого из нас в деле процветания кормящей организации и за что нам, чёрт возьми, платят деньги? Нельзя сказать, что я на работе вообще ничего не делаю — ведь что-то я, наверное, вытворяю, если получаю за это действо вознаграждение плюс премии плюс отгулы плюс подарки на торжества. Так что в своей полезности я почти уверен, но не подойдёшь же от фонаря к тому же снобу Владику Остробольскому и не спросишь его, каким путём он собирается схлопотать на службе свою трудовую грыжу? Да мне его и спрашивать ни к чему — я и так вижу, что этот лощёный boy с незаконченным полусредним образованием жилы свои не рвёт, хотя имеет оклад, равный месячной подачке роте академиков в условиях, близких к битве за выживание.

Ладно! Что-то я в такие дебри полез, из которых не сразу вылезешь.

У нас в Конторе всё хорошо! Коллектив пашет пчёлками на благо своей необъятной родины! План перевыполняется регулярно! Наряду с отдельными достижениями имеются ошеломляющие победы! У меня буквально кости хрустят от неимоверного напряжения! Генеральный директор направляет и координирует фирму с мудростью великого кормчего! Да здравствует самый генеральный из всех генеральных

мира! Viva Victoria! Сяо бяо! No passerine! Но являться в Контору раньше Ген Геныча у нас не осмеливается никто! Вот поэтому-то мы и подтягиваемся на службу на час-полтора позднее.

Во вторник я примчался на работу за пять минут до прихода шефа. Секьюрити Коля Галкин только ойкнул, увидев меня.

— Сидеть! — рявкнул я, как считаю нужным согласно статусу. — Руки за голову! Где ключи?! Ключи где? Твою мать, свекровь и кузину скопом!

— Что с вами, Александр? — спросил Галкин, подавая мне ключ.

— Заболел! — чистосердечно признался я. — Вчера был у нейрохирурга. Головотяп предлагает ампутацию черепной коробки. По ценам значительно ниже рыночных. Ночью дешевле. Никогда себе не прощу, если я на этом не сэкономлю пару тысяч заморских баксов!

— Тогда — конечно, — согласился охранник.

— Коль, будь другом, если Ген Геныч спросит, когда я пришёл, скажи, что в восемь! «Метрополь» не обещаю, но пивко гарантирую.

— О'кей! — согласился Коля, не вдаваясь в подробности.

Не надо думать, что у нас в Конторе принято снисходить с заоблачной высоты своего элитного положения до каких-то рядовых, прошу прощения за высокомерие, сотрудников безопасности, — дистанцию у нас соблюдают строго. Но я — исключение из правил по всем пунктам жёсткого этикета, и это принимается всеми как истина в последней инстанции. Таков мой образ жизни, и тут мне бесполезно что-то доказывать! Иначе можно нарваться.

Наш офис представляет из себя ёмкое помещение, набитое под завязку различной техникой. Надеюсь, всем понятно, что деталей тракторов у нас не найти, да и бензопила нигде не валяется, но техника не уступает аналогам всех приличных офисов мира. Разделён офис на восемь закутков, в которых торчат штыками восемь руководителей отделов. Я руковожу отделом моделирования. Остробольский — отделом развития. И т. д. Подчинённых у руководителей нет, так что руководим мы сами собой, что обеспечивает нас возможностью компромисса в самой неуправляемой ситуации. Ген Геныч сидит в отдельном кабинете с бронированной дверью. Длина кабинета равна ширине офиса. С обеих сторон разделительная стена сработана из тонированного стекла, но мы уверены на все сто процентов, что в любое время Ген Геныч может открыть окно в наш внутренний мир. А ещё мы знаем, что это стекло обладает пуленепроницаемостью и гранатостойкостью. Один тут как-то надумал в отсутствие шефа раздолбать стекло наличными боевыми средствами, сломал три стула и на другой день на службе не появился. Это навело нас на мысль, что офис оснащён скрытыми камерами слежения. Впрочем, их с успехом может заменить любой из нас, так как у каждого есть родственники, которые с удовольствием внедрились бы в нашу процветающую Контору. Вот вкратце и всё, что достойно внимания и огласки относительно интерьера помещения нашей дружной, но малолюдной семьи.

До прихода шефа оставалось совсем мало времени, и я скоренько навёл рабочий беспорядок в своём закутке, вылил из термоса в кофейник напиток бодрости, плеснул немного кофе в трудовую пиалу, вывел на экран монитора один из проектов, взъерошил волосы и сделал оптимально творческий вид. Добро пожаловать, ваше превосходительство!

— Здравствуй, Геннадий Геннадьевич! Как погодка на улице? — встретил я шефа прямым тараном. В Конторе только я один имел право обращаться к нему на «ты», так как был старше его на восемь месяцев, по коридорам университетов вежливости ранее не болтался и всегда оставался самим собой, будучи железобетонно уверенным в том, что иной раз смазливым выканьем можно смертельно травмировать любого силовольного

человека. При желании, господа, при желании. А? О! А как вам импровиз про погодку? Тонко? Козе понятно!

Конечно, шеф уже был в курсе того, что сегодня кто-то осмелился оставить его в кильватере, тем не менее, мой напор не прошёл бесследно. Шеф снял клёвые солнцезащитные очки, протёр их белоснежным платком и подошёл ко мне для разбора полёта.

— Македонский, здравствуйте! У вас всё в порядке? — вынужденно пожав мою протянутую не за подаянием руку, спросил Ген Геныч.

— Как всегда! Вот проект макета заканчиваю. Ночью такая грандиозная мысль меня взбутетенила, еле до утра дотянул. Как насчёт посмотреть?

— И это всё?!

— А что ещё со мной может случиться? Запоями и запорами не страдаю. Так что только работа способна сотворить из меня одержимого.

— Без четверти двенадцать жду вас, Александр, в своём кабинете!

— С макетом?

— Без.

— В лепёшку расшибусь, но пожелание выполню!

— Распоряжение.

— Что?

— А?

— Сегодня?

— Позавчера.

— Бу сделано!

— Сидите-сидите! — Ген Геныч сделал мне трижды ручкой и шмыгнул за танковую броню.

Я отправил компьютер на перекур и деловито покинул офис. Не люблю бесцельно утюжить стриты и авеню, но торжественная встреча приходящих сотрудников меня совершенно не вдохновляла.

— Меня здесь не было! — бросил я Коле Галкину, проходя мимо поста.

— О'кей! — согласился Коля.

Вторник уверенно набирал привычные обороты. Население прилежно топтало импортные подошвы, разрезало пространство «тачками», хрустело костями в транспорте и споро торговало разными разностями. У газетного развала я тормознул.

— Сударыня, свежий номер «Человек месяца» у вас есть?

— «Человек месяца»? Извините, но я о таком издании даже не слышала!

— Жаль! Весь номер посвящён одному великому человеку. Хотите знать, что там обо мне написано?

— Иди-иди, придурок, опохмелись! — вклинилась в диалог хриплая торговка жареной шелухой. Почему-то среди этого контингента культурных и симпатичных леди, как правило, не встречается. Отвечать таким — себе дороже, но я не преодолел искушения:

— Пардон, мамзель! А вы не пробовали вместо ваших вяленых пауков подмешивать в семечки жареных тараканов?

Газетная сударыня весело рассмеялась, а торговка наполнителем для аппендиксов поперхнулась собственным криком. Я купил пару газет, послал газетчице воздушный набор умопомрачительных поцелуев и направил стопы к знакомому мини-парку, где всегда можно было рассчитывать на кусок скамейки и добрый шмат прохладной тени в самое нестерпимое пекло дня.

В Конторе я появился в одиннадцать тридцать пять. Встретили меня почти как обычно. Только Валентина Игнатьевна чему-то вздохнула, а Лёшка Селиванов показал мне ку-

лак. Всё ясно: где-то произошла утечка. Впрочем, другого ожидать было просто глупо! Ладно: всё нормально, господа, всё путём, всё в пределах разумного!

Без четверти двенадцать я стоял на ковре перед светлыми очами (тёмные очки в расчёт не берём) господина Ген Геныча.

— Садитесь, пожалуйста, Александр! Рассказывайте.

— О чём?

— Ну, что там у вас случилось?

— Где?

— Что?

— Ах, вы об этом? Понимаешь, Геннадий Геннадьевич, я сегодня в 15.00 должен, кровь из носа, быть у гинеколога. Вопрос жизни и смерти!

— Пол меняете?

— Беременность желаем предотвратить. Вот ради этого я и вышел сегодня раньше. Все дела переделал с хвостиком. Отпустишь?

— Отпущу. А может, вы всё-таки не лишите ребёнка последней жизни?!

— Да я-то согласен — Лоран не хочет. Она работает первым планом в парижском варьете, снимается в мюзиклах и не хочет ради моего наследника рисковать карьерой. Прилетела вчера вечером. Я тут же договорился об операции. Послезавтра она уже выступает.

— Познакомите?

— А когда? Обедать она завтра хочет в столице Франции.

— Александр, а вы, оказывается, не последний человек в этом мире!

— Возразить ничем не могу. Но прошу учесть, что мои положительные качества цельной, всесторонне развитой личности отнюдь не ограничиваются одними тривиальными сексуальными достижениями и при умелом подходе от такого индивидуума можно получить баснословные дивиденды!

— Это вы о чём?

— Да всё о том же.

— Хорошо, я подумаю!

— Так я завтра и послезавтра не выхожу?

— Как вам будет угодно.

— Mersi!

— Please!

Я пробкой вылетел из кабинета, промчался мимо измученного вопросами коллектива, показал Лёшке Селиванову кулак, дал щелбана дежурному секьюрити Коле Галкину и вылетел на свободу.

Обычный вторник резко трансформировался в явление уникальное: я ехал к Лене!

Мальвина

С Леночкой Травиной я знаком уже целую вечность. Когда их семья въехала в наш дом, вся ребятня столпилась у подъезда. Пожитки новосёлов нас не интересовали, — изъяны нажитого добра оценивали местные аксакалки, — мы выискивали в новосёлах своих людей. Таковой оказалась хрупкая девчонка с большими голубыми глазами и с чёрным пуделем на руках. Её мы тут же окрестили Мальвиной. Пока тщедушные мужики таскали

на горбах пожитки Травиных, Мальвина выгуляла без разрешения по нашему (!) двору своего барбоса. Пёс тщательно пометил новую территорию, облаял доминошников и расшвырял по деревьям всех аборигенных котов, обеспечив Травиным лютую неприязнь со стороны старожилок нашего региона.

А нам Мальвина понравилась! Девчонки, конечно, нашли в ней кучу минусов, но пацаны имели на этот счёт своё мнение, и уже через неделю все были влюблены в неё отчаянно и бесповоротно. Все, кроме меня. Во-первых, я был старше Ленки почти на два года и не считал возможным тратить пыл души на всякую мелкоту. А во-вторых, она быстро подружилась с моей сестрой Оксанкой, часто бывала у нас дома, стала чуть ли не членом семьи, и я относился к ней не более нежно, чем как к двоюродной родственнице.

Шустрыми стрижами летели годы. Многие мальчишки уже совершенно открыто мусолили сигареты, брились отцовскими бритвами и хрипели под гитару в беседке неофициальные романтические хиты. Девчонки весьма удачно повырастали в модных невест, среди которых Мальвина считалась наипервейшей. А для меня она по-прежнему оставалась настолько своей, что весь двор утвердился во мнении, что между нами уже что-то произошло. Оксанка не пыталась разубеждать общественность, но мне она как-то сказала, что таких дураков, как я, на свете больше не наблюдается и что когда-нибудь я о своей лопоухости здорово пожалею! Я сделал вид, что мне чихать на её намёки, и сестра от меня отцепилась на веки вечные.

Потом Травины переехали в более престижный район. Я тоже получил от своего умирающего НИИ однокомнатную квартиру у чёрта лысого на куличках. Ленка Травина регулярно звонила мне по праздникам и в дни рожденья, но дальше поздравлений и пустого трёпа дело не шло. Да я к этому и не рвался — слишком много всегда было рядом со мной симпатичных, раскрепощённых женщин, желающих общения с перспективным специалистом, представляющим, по его мнению, авангард отечественной науки. Так что Мальвина автоматически была вне игры, тем более что как-то она позвонила мне и со звоном в голосе сказала, что выходит замуж.

— Поздравляю, но не завидую! — изрёк я, имея за плечами горький опыт своих бракованных знакомых подруг. — На свадьбу, Мальвина, не позовёшь? Осень кусать, однако, хосется!

— Дурак! — подтвердила чужая невеста застарелый диагноз моей сестры.

— Не груби, детка, взрослым! Могу и в угол поставить! — Короткие гудки оборвали моё взрослое словоблудие на самом интересном месте и почему-то кольнули сердце тысячами иголок.

Прошло ещё пяток взъерошенных лет. Несколько раз я пытался по каким-то датам испортить Мальвине замужнее настроение. Но каждый раз в трубку басили инородные существа, и я позорно выдавал абоненту что-то типа: «Академик Королёв спрашивает, куда вы положили третью ступень от “Союза-244” и будет ли сегодня аванс?» Мужики на другом конце провода извинялись и объясняли, что на Байконур нужно звонить по другому номеру. Я искренне возмущался и бросал трубку: ну что такое — опять на космодроме с телефонами кавардак!

И вот Ленка позвонила сама. В воскресенье, во второй половине дня.

— Могу я поговорить с академиком Королёвым?

У меня уже слипались после пива и копчёной куры глаза, к тому же за эти годы её голос слегка забылся, и поэтому я пробурчал в высшей степени недовольно:

— Академик Королёв будет ожидать вас для разговора каждый пятый вторник в три часа ночи внутри кремлёвской стены.

— А Макендонский ему компанию не составит? — спросила Ленка.

— Представляться надо! — неожиданно разозлился я сам на себя.
— С каких это пор?
— С тех самых, как вышла замуж!
— Ой! Кажется, мы ревнуем?
— С кем это вы там кого-то ревнуете?
— Македонский, ну зачем же так передёргивать?!

Да, время неумолимо наносит свои сокрушительные удары: раньше она никогда не называла меня по фамилии! Я проглотил эту горькую пилюлю и бодро, даже слишком бодро, спросил:

— Чем могу помочь, госпожа Мальвина?

Ленка и сама уже поняла, что слегка перегнула палку. И хотя годы лихо сглаживают разницу в возрасте, и я сам давно предпочитаю ухлёстывать за девами юнее подружки моей сестры, но для Ленки Травиной я по-прежнему оставался недосягаемым Эверестом. Так мне хочется думать. Впрочем, таких остолопов, как я, можно, при желании, объехать на любом повороте жизни. К моему великому сожалению!

— Саш, а Саш! — сбавила обороты Мальвина.
— Слушаю.
— Мне с тобой поговорить срочно нужно!
— Говори.
— Это не телефонный разговор.
— Тебя прослушивают?
— Возможно.
— Ты под колпаком у АБВГД?
— Не исключено.
— А по рупору?
— Батарейки сели.
— А по мегафону?
— Доступа нет.
— А по…
— Ну, хватит, Саш! Приезжай, пожалуйста! Вопрос жизни и смерти!
— Если — смерти, то скоро буду.
— Как — скоро?
— Ну, что тебе, Мальвина, сказать…
— Ничего мне не говори! Приезжай немедленно!
— Немедленно не могу. Слушай, давай — во вторник.
— Почему во вторник?
— Завтра я сдаю шведам развёрнутую панораму совместного бизнеса, и сегодня у меня нет времени даже на один чих. А после сдачи будет банкет, на котором моё присутствие просто необходимо. Так что — только во вторник!
— Договорились. Жду тебя в любое время не позднее полуночи.
— Почему такие жёсткие рамки?
— Ночью я сплю.
— Оригинально! Не устраивает полночь, буду у тебя после полудня.
— Фиксируй координаты.
— Это мы запросто!

Я записал адрес, уточнил удобный маршрут и пожелал Мальвине успехов в труде и в личной жизни, на что она неопределённо хмыкнула и, по-английски, не прощаясь, повесила трубку.

Да, я мог бы отложить в сторону все дела. Да, я мог бы опрометчиво предоставить «Спартаку» и «Зениту» право крушить друг друга без моего бдительного надзора за битвою по ТВ. Да, я мог бы сто раз плюнуть на Internet и сломя голову лететь в туманное, но реальное далёко. Да, я многое мог бы. Но! Интересно: ради какой такой радости и ради каких утех я должен вычёркивать из хроники жизни пару любимых кадров?! Это — во-первых. А во-вторых, цена на услуги первой необходимости набивается только во время торга. Эта аксиома мною давно проверена, и поэтому я привычно положил между сытным куском воскресного пирога и ломтиком интриги встречи во вторник небольшую прослойку масла из грядущего понедельника. Я такие бутерброды делаю одной левой, и они мне по вкусу!

Лоран и Галка

В понедельник в моей планиде интересностей не было. Никаких шведов (только их мне и не хватало!), никаких глобальных проектов — ничего примечательного. Была хмурая дорога на службу, бесконтрольный рабочий день, усталая дорога домой и тесное общение со Спиллейном. Я его раз пять уже перечитывал. Ну что про Микки сказать? Отлично владеет штампом на потребу затюканной бытом публике! Уважаю и не стыжусь своей библиофильской ориентации! Зачем стыдиться сугубо личных пристрастий?! Впрочем, все плевать хотели на мой стриптиз. Ну и ладненько!

Хотел рассказать о понедельнике чуть больше, чем было на самом деле, но вижу, что особо не разбежишься. Стоп: из-за кактусов и роз вышел дедушка склероз! Как это — в понедельник не было интересностей?! А Лоран! Она же не на гастроли прилетела в Россию — она прилетела именно ко мне и ни к кому больше! Если не считать моего знакомого гинеколога, но его я считать не хочу. Он по старой дружбе мне столько, наверное, насчитает, что слабо, с гарантией, не покажется. И зачем Лоран решила привести себя в порядок в Москве, хоть убей, не могу понять! Одно я знаю наверняка: женщину понять невозможно!

Ой, ещё чуть было не забыл один фрагментик из первого дня недели!

Лоран позвонила мне в двадцать с хвостиком. А у меня в это время гостила на софе соседка Галка из тридцать пятой. Без одежды, но после душа. Так сказать, готовность номер один. Да и я уже на подходе был. И тут раздался звонок. Сколько раз говорил Галке, чтоб не трогала телефон, чтоб шарахалась без меня от звонков, как нечисть от ладана, — без толку! Только мой бордовый аппаратик «дзынь-дзынь», Галка сразу трубку — хап-хап: «Алё! С вами говорит телефонный секретарь Александра Македонского. После длинного гудка назовите, плиз, своё имя и суть звонка. Македонский перезвонит вам при первом удобном случае». И тут же — в трубку, как мышка: «Пи-и-и-и-и».

Я уже в такие идиотские ситуации попадал из-за непреодолимой тяги Галки к телефонизированному эфиру — не высказать! Один раз её муж Сергей позвонил. Никогда не звонил, а тут сподобился. Галка трубочку заграбастала, поговорила автоответчиком, быстренько оделась, через подъезд к подружке смоталась и оттуда позвонила законному. Тот не поверил, что она у Татьяны и побежал к подруге с проверкой. Прибегает, а супружница там. «А кто мне от Македонского только что ответил?» — спрашивает Сергей. «Кто?» — таращится на него Галина. «Ты!» — «Не я!» — «А кто?» — «Кобыла в манто!» Сергей побежал ко мне, чтоб проверить автоответчик, а Галка мне позвонила, и я отсоединил за шкафом провод. Сергей прибежал, а телефон у меня вообще не работает. «Как это не ра-

ботает! — закричал рогатый. — Только что работал, а тут не работает!» — «А ты откуда знаешь, что он работал?» — «Так я же только что сюда звонил. Галину искал» — «А ты её здесь терял? Выходит, это после твоего звонка телефон мой сломался! С тебя теперь причитается новый аппарат — с автоответчиком и определителем номера!» — «Это кто это такое сказал?» — «Кобыла в манто!» — отчеканил я свой фирменный лейбл, и у Галкиного Сергея глаза на лоб вылезли. Оба два. Ну, умора: я ж не знал, что его жена уже вовсю таскает у меня словечки из моего же вольного лексикона!

Да бог с ним, с Сергеем! Я же не об этом местном олене хотел вам кое-что рассказать, а о явлении народу моей Лоран.

Когда Лоран позвонила, а Галка начала прикидываться телефонным секретарём, Лоран ей так там что-то сказала, что у Галки задрожали губы, и она судорожно протянула мне трубку: «Тебя! Какая-то».

Сказано это было таким тоном, что моя всё возрастающая готовность к любовным подвигам пропала сама собой.

— Алло. Македонский на проводе.

— Македонский, я тебе устрою такую битву при Ватерлоо, что ты забудешь, как тебя звать! — обрушилась на меня Лоран.

— Здравствуй, милая! Да будет тебе известно, что твой Македонский выше всякой битвы при Ватерлоо и даже выше сраженья под Аустерлицем, так как путешествия во времени им ещё не освоены.

— Ну, хватит, Алекс, мозги мне пудрить! С врачом договорился?

— Как дважды два, умноженные на два.

— Ну — и?

— Всё будет так, как тебе удобно.

— На вторник?

— Oui.

— Во второй половине дня?

— Oui, madame.

— Полиглот, однако!

— Сам шокирован! Ты откуда звонишь?

— Из «Орли». Скоро буду в Москве. Встречай!

— В лепёшку расшибусь!

— В лепёшку не надо! Расшибись в блин!

— Заказ принят!

— Ещё бы — нет! Надеюсь, у тебя хватит сообразительности и такта заказать мне номер в гостинице, встретить в аэропорту и сопроводить потом к своему любимому гинекологу Васе?

— К Эдику.

— Что — к Эдику?

— Киллера, мадам, зовут Эдиком.

— Да хоть — педиком! Мне важно, чтобы всё состоялось!

— Всё будет чётко!

— Надеюсь!

— И не напрасно!

— До встречи!

— Естественно.

Вот такой диалог. Ни «здравствуй», ни «целую». Ну, Галка! Ну, чертовка! Ну, подставила хорошего человека! Представляю, какой глупый вид имел я во время этого разгово-

ра! Вообще-то, Лоран такою бывает редко. Но бывает. И я тогда немного теряюсь и порю чушь. Правда, я быстро вхожу в привычную колею, но ощущение неловкости ещё долго терзает моё травмированное сознание.

— Ну, и кто это такая была?! Что это за телефонная хулиганка такая тут объявилась?! И по какому, скажи мне, праву она на меня наехала?!

Вижу, Галка уже пришла в себя и теперь не прочь помахать своими симпатичными кулачками. Святое дело — после драки показать свою прыть! Кто на свете всех сильнее, всех зубастей и зверее?!

— Галчонок, я сколько раз тебе уже…

— Нет, ты всё-таки мне скажи!

— …говорил…

— Да если бы я захотела, я бы её одним словом размазала по стене!

— …что не надо трогать мой телефон!

— Да если она ещё раз…

— Фурия!

— …сюда…

— Фурёныш!

— …позвонит…

— Вах, вах, вах! Какие мы вани грозные!

— Да ну тебя! Ну не трогай меня! Не трогай, кому сказала! Не трогай меня, мерзавец! О боже мой! Ну, что же это такое…

Я не понимаю: ну как это можно было её не трогать?! Пока я разговаривал с Лоран, Галка на софе такие демонстрировала фигуры, в такие позы «лотос» себя закручивала, такое изъявляла отъявленное желание, что организм мой оказался сильнее стечения обстоятельств, и я окунулся в женщину с неосознанной решимостью опытного пловца, уверенного, что камень на шее и связанные за спиной руки не помешают ему пройти свою коронную дистанцию с новым рекордом мира…

Я уже был почти готов покинуть квартиру, когда Галка вышла из ванной. На этот раз — в трусиках.

— Ты, кажется, куда-то, милый, спешишь? — удивлённо вскинула брови моя противная.

— Галь, нельзя ли поторопиться?!

— А мне это надо?

— А ты как думаешь?!

Галка быстро заглянула в моё бушующее нутро и оделась с такой нереальной молниеносностью, что можно было подумать, что передо мною крутят ускоренное кино. Умеют всё-таки женщины заглянуть туда, куда и сам заглядывать не всегда могёшь. Умеют — если хотят. Ну, так на то же они и женщины!

— Не сердись на меня, пожалуйста! — попросила Галка в прихожей.

— Привет — Сергею! — наотмашь ударил я её фразой, прекрасно понимая, что сказал подлость.

Галка вздрогнула, а я похолодел от собственной безобразности.

— Галчонок, прости! — чуть не закричал я и рывком прижал к себе её пружинное тело. — Прости засранца!

— Да ладно тебе, беги!

— Бегу, любимая!

Я открыл квартирную дверь, глянул в глазок наружной, тихо вышел на площадку, прислушался — не дышит ли кто за соседскими дверями, выпустил на свободу Галку и

дал ей небольшого шлепка: лети спокойно в своё гнездо. Галка покрутила пальцем у виска и юркнула в вызванный мною лифт. Я поехал отдельным рейсом.

Лоран

Сто тысяч миллионов раз мной замечено, что если я нахожусь в цейтноте, то моя машина из принципа не заводится. Такой у неё характер. Точнее, норов. Нет, тачка у меня путёвая, и я с ней дружу. И она со мной дружит, помогает в передвижениях и даже иногда выручает в безвыходных ситуациях. Мы с ней — одна семья, и как это часто бывает в нормальных семьях, кто-нибудь из нас иногда бьёт копытом, раздувает ноздри и требует к себе особого отношения. Чаще всего фордыбачит моя Роднуля. Мне-то что перед ней выламываться — не я же её везу, а вот она иной раз капризничает. Вероятно, намекает на то, что к иностранке я должен относиться гораздо чутче, чем к каким-то «Волгам» или «Ладам» тольяттинского разлива. Да какая она, к чертям, иностранка, если мы с ней с полуслова понимаем друг друга. Нам даже и полуслова не надо, и так всё между нами тип-топ. И лично я отношусь к ней как к любимой женщине, выполняя без напоминаний любые её желания и случайные прихоти.

Но это всё — лирика, а по физике Роднуля иногда тормозит. Вот и сейчас, с чего бы это ей решилось вдруг заартачиться?

— Ну, что же ты, Роднуля, упрямишься? Ну, мне же надо, на самом деле! Ну, поехали, Роднуля, скорей! Я тебя умоляю! По-жа-луй-ста!

Волшебное слово сказано. Мотор тихо заурчал, и мы тронулись. Не умом, само собой, а лихо рванули с места и помчались встречать Лоран.

Лоран уже прилетела и покорно ожидала меня в зале ожидания. На то он и зал ожидания, чтобы меня там скромно ожидала Лоран. Правда, насчёт её покорности я малость преувеличил. Была бы её воля, она бы разорвала меня на куски: мол, не надо, дружок, опаздывать! Конечно, с волей у неё всё в ажуре, но мы же с ней уже настолько культурные люди, что не будем в аэропорту рвать меня на мелкие части. Я очень уповал на её культурность, но на всякий случай решил не приближаться к Лоран ближе, чем это требуют правила ТБ общения с хищниками.

— Привет, Лоранчик! Как долетела?

— Быстрей, чем тебе хотелось бы!

— Пардон, конечно! В такую пробку, милая, угодил, что думал, просижу в ней до пенсии.

— О, ля-ля: только Саша Македонский может угодить ночью в пробку на бескрайних степных просторах!

— Мне кажется, что кто-то мне плохо верит!

— Интересно, а кто тебе может верить хорошо? Кстати, а что один?

— А с кем я должен тебя встречать? С кем? С гвардейцами из почётного караула? С камерным ансамблем песни и пляски, что ли?

— А где твой писклявый автоответчик?

— Не понял?!

— Промчались мимо! Ну, здравствуй, Сашок!

В глазах Лоран уже не метали икру пираньи, антихристы, громовержцы и линчеватели, и я спокойно вздохнул: мне сохранили жизнь!

— Ну, здравствуй, звезда Парижа!

Лоран обхватила меня за шею и так сочно поцеловала, что мои руки с её лопаток непроизвольно поползли вниз.

— А вот этого, Сашуля, делать не надо! — пресекла Лоран развитие моих сексуальных спонтанных фантазий. — Поехали скорее в гостиницу. На лету засыпаю.

— А может, лучше — ко мне?

— Исключено! Мне нужен нормальный отдых.

— Тогда поехали.

— Привет, Роднуля! Как поживаешь? — на правах старой знакомой поздоровалась Лоран с моей верной тачкой. — Я сяду сзади. Лады? Вздремну чуток, а то немного поташнивает.

— Могу сказать, откуда это идёт.

— И всё-то ты, Македонский, знаешь! Прямо не Человек Два Уха, а «Что? Где? Когда?» с заготовленными ответами!

— А ты как думала! Ладно, рванули! Можешь не пристёгиваться. Надеюсь, что обойдётся, и ты никого по дороге не покалечишь. Би-би-и!

— Угу. — Лоран свернулась французским калачиком, и уже через минуту с ней можно было поговорить лишь только через Морфея.

Моих знакомых нового поколения интересует, где я впервые столкнулся с этим нереальным созданием? Я об этом всегда помалкиваю. Или плету им кружева о Елисейских полях, о канализационных люках Парижа, о тавернах Марселя, о закоулках Дижона, о секретной прочности пуансона и о злачном вкусе крюшона. Во Франции я, к сожалению, пока не бывал. Хотя мог бы там даже жить. Лоран меня туда постоянно зовёт. И в Бельгии я тоже, к сожалению, не бывал. И в Италии, к сожалению. Вы можете мне не верить, но я даже в USA пока ещё не бывал. Хотя теперь не принято контачить с теми, кто ни разу не просадил в Лас-Вегасе полсотни тысяч зелёных денежек. Да нигде я до сих пор не бывал. Хохлятский Крым и Анталью считать не будем — это зоны отдыха любого и каждого. Почему-то я с детства считаю себя невыездным и стараюсь соответствовать этому своему считательству. Хмурю брови, когда речь идёт о круизах. Таинственно замалчиваю вопросы о моих секретных свершениях на ниве производственных отношений. Туманно точу лясы о произволе внешней разведки. Возмущаюсь диктатом внутренних органов. Ну и тому подобное, что касается моих странных отказов от выезда за рубеж и контактов с народами глобуса непосредственно на местах. Собеседники не верят, что в наше время существует термин — «невыездные», но ведь я же есть, и я даже разрешаю отдельным леди потрогать меня руками. Честно говоря, меня за кордон не тянет. Не потому, что я на турпоездки жалею money, а потому, что боюсь умереть там со скуки. Ну, посмотрю я на лавочку, на которой когда-то сидел какой-нибудь Авраам, ну, пройду от стойки бара до сортира, в котором ни разу не отметился какой-то Людовик, — и что с того? Неужели я от этого резко похудею в своих глазах? Наверное, нет. Уверен даже, что этого не случится! Вы только не подумайте, что перед вами какой-то воинствующий апологет отечественных ухабов, но я люблю отдыхать там, где люблю, а не там, где престижно. Как говорят дедули, извините — не современен! А вы можете бывать где угодно, и я ваш выбор действительно уважаю: живи как нравится и не мешай жить другим! Хотите посетить Таиланд? Битте-дритте — там очень дешёвые проститутки! А я сгоняю на Озерну — по слухам, там лещи хватают мотыля буквально из рук! Мечтаете посетить Арабские Эмираты? Скатертью дорожка! Там евнухам и наложницам всегда радёшеньки! А я махну на Рыбинку, где меня заждался судак и где с одной лесной опушки я сниму багажник боровиков. Короче, вы меня поняли.

А с Лоран я учился в школе. Я не знаю, как я оказался в этом элитарном учебном заведении, где гранит науки грызли дети очень, даже очень даровитых родителей. Возмож-

но, правительство столицы и лично министерство образования решили, что моё присутствие подтянет интеллект потомков сливок общества до уровня мировых стандартов. Такой вариант я не исключаю. А сначала я учился в обычной школе по месту жительства, но, когда в шестом классе я играючи выиграл несколько олимпиад по точным и гуманитарным наукам, меня насильственно перевели в элитку, и мне там понравилось. Училки в каждом школьнике видели человека, а их эрудиция превышала программный максимум средней школы. С ребятами я сошёлся легко, и никто из одноклассников не смотрел на меня заносчиво. Лишь однажды Стасик Чуркин (ну не Чуркин, не Чуркин) сказал при всех ни к селу ни к городу, что мой отец его папочке не годится даже в портянки. Ребята напряжённо притихли, ожидая моей реакции, а я отреагировал на эту гадость одной лишь буквой «о». «О-о-о-о-о!» — сказал я в такой тональности, что все от смеха буквально распластались по партам и по проходам. И смеялись все, козе понятно, не надо мной. К чести Стасика должен сказать, что он опомнился и тут же передо мной извинился, чем частично искупил свой случайный идиотизм, и в дальнейшем мы с ним были настоящими, большими приятелями. С той поры прошло много лет, но до сих пор я никак не могу понять: что смешного в кругленькой букве «о»?

О том, что к нам в класс приходит француженка, мы знали заранее. И вот наша классная дама Екатерина Михайловна Трубецкая (ну как вам такая фамилия?) представила нам Лоран. «Салют, ребята!» — приветствовала класс по-русски французская подданная. Класс ответил молчанием. «Салют», он везде — «салют». Даже в Черкизово. «Вот твоё место!» — показала Екатерина Михайловна француженке на парту у учительского стола. «Я буду сидеть вот с этим!» — в свою очередь, показала Лоран пальчиком на меня. А я уже двести лет сидел на последней парте у окна с Ирой Гладышевой, и Ира, естественно, возмутилась: «Ещё чего!» И тут Лоран разродилась такой тирадой на своём прононсе, что мы утухли. Звучали там и знакомые слова типа «шарман, маман, требьен, жюльен, бульон, лосьон и дискриминациньон». «Ирочка, пересядь, пожалуйста, на другое место! Зачем России нужен международный конфликт из-за места под школьным солнцем?» — попросила Иру Екатерина Михайловна. (Если вдумчиво проанализировать ситуацию, то, говоря про «место под школьным солнцем», наша классная имела в виду меня. По крайней мере, я вправе был тогда думать в таком разрезе.) Гладышева фыркнула, дёрнула плечиком и возмущённо уступила место Лоран. Та победительницей уселась рядом со мной. «И так всегда! — сказала она мне и чётко разделила фломастером стол. — За границу не залезать! Это территория Франции». Мне достался меньший кусок жизненного пространства под моим же слепящим солнцем, но я промолчал: дипломатия порою требует жертв. Да и на кой ляд мне сдался международный конфликт с девчонкой, которая уже оккупировала блицкригом почти всё моё влюбчивое сердечко?

Можно многое рассказать о Лоран — каким ветром занесло её на парту ко мне, о её родителях, о привычках, об особом французском шарме, о группе крови и прочее, прочее, прочее, — но оставим это повествование в стороне и остановимся на тех моментах, которые мне наиболее интересны.

Прочерченную ею же границу Лоран сама нарушала тысячи раз. И это были не вылазки контрабандистки за верным решением уравнения, не случайное нарушение границы заплутавшей в лабиринте науки добытчицы самородков знаний, это были откровенные демарши агрессорши, носившие неприкрытый сексуальный подтекст. Лёгкое прикосновение её горячей груди к моему плечу до конца уроков лишало меня способности ориентироваться в пространстве. Я и сейчас не могу найти полноценную замену затёртому штампу — «прикосновение горячей груди». Лифчик Лоран, разумеется, не носила, и соски её упругой груди буквально протыкали майку или платье насквозь, и была эта грудь

всегда столь горяча, что при касании прожигала меня едва ли не до отруба. Смешно сказать, но однажды я остановил на перемене мальчишку младше себя и попросил его посмотреть, нет ли у меня на плече ожога. Он сказал, что ожога нет, и я сделал вид, что ему поверил.

А ещё Лоран терзала меня вопросами. «Македонский, а что бы ты со мной сделал, если бы мы остались с тобой на ночь в одной постели без ничего?», «Македонский, а ты ещё разве девственник? Ну и когда ты хочешь избавиться от изъяна? И с кем?», «Македонский, о чём ты думаешь во время эрекции?» Вот такое вот безобразие иногда шептала мне на ухо Лоран, и, хотя я был на тот момент эротически начитан и насмотрен не по годам, вопросы из её уст постоянно загоняли меня в тупик. И лучшее, на что я был способен, так это глупо отмолчаться или буркнуть: «Да пошла ты, Лоран!»

Но самые жестокие муки я испытывал, когда Лоран, как бы случайно, клала руку мне на бедро и, как бы совершенно случайно, доводила её до паха. Юный организм мгновенно реагировал на эту ласку, и мне приходилось маскировать сладкий стон, нещадно стукаясь головой о парту. «Что с тобой, Македонский? Зачем ты ломаешь парту?» — тревожно спрашивал меня кто-нибудь из преподавателей. «Да в боку вот что-то кольнуло. Аппендикс, что ли!» А один раз я так застонал, что Владимир Петрович распорядился доставить меня к врачу. Чтобы привести организм в порядок, мне пришлось ещё разок долбануть по парте лобешником, и к врачу меня повели без уродливо оттопыренных брюк. Наталья Львовна внимательно осмотрела меня, пропальпировала, приложила к паху в тряпице лёд, посоветовала брать в школу запасные плавки и меньше думать об ЭТОМ. Мои уши тут же вспыхнули спичками и мгновенно сгорели до головешек, и я удивляюсь, что со временем они отросли опять. «Да это, Александр, всё нормально! — сказала Наталья Львовна. — А в журнал я запишу, что у тебя был лёгкий приступ аппендицита». «Спасибо, Наталья Львовна!» — с удивительной для себя естественностью поблагодарил я замечательную врачиху и чуткую женщину. «Живи, мужчина!» — разрешила Наталья Львовна.

После возвращения в класс я попросил Лоран не ставить меня больше в неловкое положение. Да Лоран и сама уже поняла, что переборщила. Она поклялась, что больше не будет терзать меня на уроках. А ещё Лоран многозначительно пообещала с лихвой компенсировать мне мои моральные и физические издержки. Сердце тревожно ёкнуло и пугливо сжалось в твёрдый комочек. Под ложечкой сладостно засосало.

Но вернёмся из прошлого в настоящее. Три, четыре: уже вернулись.

Люблю гонять по ночным дорогам! Врубишь дальний — и полетел! Вот только ушами ночью не надо хлопать. А я и не хлопаю — не мой стиль.

У гостиницы я тихо притормозил и собрался терпеливо ждать, когда Лоран проснётся без моей помощи. Она проснулась почти сразу, как только замолк движок.

— Уже приехали? Как быстро! Я даже не успела прикрыть глаза.

Ты смотри: глаза она не прикрыла, а кто сопел и всхрапывал за моей спиной? Неужели Роднуля пригрела в себе автодорожного барабашку?

— Пока, Роднуля! — попрощалась Лоран, вылезая из лайбы.

Роднуля ей не ответила. Мы прошли в холл гостиницы и оформили все формальности. Номер Лоран располагался на четвёртом этаже и значился под номером 4103, что в сумме равнялось восьми. Очень знаменательное число, и я о нём вам как-нибудь расскажу отдельно. Тут есть о чём рассказать! Кстати, я опять поймал себя на неуклюжем изложении мыслей: «Её номер значился под номером» — воистину нет предела возможностям русского языка! Как в сторону плюсов, так и в сторону минусов. Но это вовсе не страшно!

— Саш, не провожай меня до места, пожалуйста! — попросила Лоран у лифта. — Тебе скоро на работу, да и я не хочу рисковать покоем, пуская тебя к себе. Ты же знаешь, что я сама не всегда управляю своими собственными желаниями. Поезжай, Сашуля, домой!

Лоран быстро поцеловала меня, и коварный лифт разлучил нас до скорой встречи.

Я принюхался к поцелую: кайф чистейшей воды!

Ладно, поехали по домам. Денёчек намечался — будьте любезны!

Мальвина-2

Домой я приехал в третьем. Перекусил балыком с пивком, пощупал глазами прессу, сполоснулся под душем. Завёл будильник на семь и плахой плюхнулся в люльку. Хотелось спать, но сон упорно не шёл. Вот так бывает всегда: когда чего-то хочется, то этого не бывает вовсе. Или — случается, но не сразу. Ладно, со мной такие фортели не проходят! Я включил телек, поставил таймер на час пятнадцать и тупо уставился на экран. Через минуту меня уже не было среди неспящих не только в Сиэтле, но и в Москве.

Утром я вскочил по звонку, выполнил необходимые процедуры, сделал правдивый вид, что сделал усиленную зарядку, зарядил себя двойной дозой кофе, проглотил тройной бутерброд и отправился на работу.

События первой половины вторника я уже изложил чуть выше, и если у кого-то прогрессирующий склероз, то это, извините, его проблемы, а я с остальными поеду дальше. С остальными мы опять займёмся моим вторым днём недели — с того момента, когда я бросил свою фирму-кормилицу на произвол судьбы и поехал к Леночке Травиной, моей очень давней знакомой, известной мне с детства под дворовым псевдонимом Мальвина. Поехал к той самой Леночке, для которой мой приезд был вопросом жизни и смерти.

Дорогу описывать не имеет смысла. Остановимся на том, что Лена открыла дверь и сказала мне «Здравствуй!» «Здравствуй!» — ответил я и переступил порог её квартиры, отметив для себя, что на прежнюю Ленку нынешняя Мальвина похожа лишь отдалённо. Так, в глазах ещё что-то есть, а во всём остальном — не очень. Да какая там, пардон, Ленка, если встретила меня Елена Прекрасная!

Тут меня должно заклинить на глупой восторженности, и слова типа «блеск очей», «ланиты», «шёлк волос» и так далее и тому подобное просто обязаны низвергнуться водопадом из моих заскорузлых уст, но я оставлю эту словесную бижутерию начинающим графоманам и перейду непосредственно к сути дела. Не в том смысле, что я деловой, но что-то примерно близко.

— Мальвина, что случилось? Обидел кто-нибудь? Бандиты «наехали»? Менты окружили? Жилищники сорок лет не латают крышу? Противный дворник ненормативной лексикой оскорбил? Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей! Кто за мной стоит, тот в огне горит! Кто не спрятался, я не отвечаю! Что случилось, Мальвина?

— Ну что ты, Саша! Ну, так же, право, нельзя! С порога. С места. В карьер. Галопом.

Ого! Ого-го! «Ну, так же, право… В карьер… Галопом…» Нет, нет и нет, определённо хозяйка этого дома уже далеко не Ленка! Мальвине эта дама по-прежнему соответствует, но Мальвине — взрослой и очень красивой! Впрочем, открыто планку мне так сразу высоко поднимать не следует, пусть всё пока останется на своих давнишних местах. Так сказать, для страховки.

— Так что же, Лена, случилось?

— Может, чайку попьём? — подавая новые тапочки, спросила Мальвина.

Нормальный ход! К моему приходу Травина подготовилась капитально! Даже разорилась на новые тапочки мужского фасона! Ай да Мальвина! Такое впечатление, будто она знала, что большие, но затоптанные домоходы я под дулом пушки ни за что не надену. Интересно: а Новая пижама Моего размера висит в шкафу? А нежёваную зубную щётку, которая идеально подойдёт к полости Моего жевательного устройства, она уже положила в стаканчик на ванной полочке? По крайней мере, меня бы это порадовало!

— Чайку, говоришь? А с чем?

— А с чем ты любишь?

— А с чем я люблю?

— А что, разве я обязана это знать?

Лена повернулась ко мне спиной и прошла на кухню. Я чуть не упал от её походки, от её спины и от всего остального прочего. Кажется, со мною может случиться кома или что-нибудь даже хуже! Держись за воздух, мин херц Македонский! Посмотрим, чем закончится чаепитие?

— Если ты не против, я ладони свои рабочие сполосну. Сама понимаешь: весь день с навозом, с грязью, с многотысячными купюрами, с иностранными компаньонами, с поддельными векселями…

— Споласкивай что угодно. Это входит в оплату твоего визита. Твоё полотенце с зайчиком.

— Могу я сбегать домой за мылом?

— Можешь. Если выйдешь из квартиры живым!

Про мыло я спросил Мальвину лишь для того, чтобы ни один мускул случайно не дрогнул на моём мускулистом лице после того, как я услышал про полотенце. Надо же: она уже и полотенце мне приготовила! С зайчиком! Мама, мамочка, я пьипьигал! Где, мамуля, моя морковка?

Напевая «Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”», я прошёл в ванную. Увидев меня, полотенце с зайчиком приветливо шевельнулось. Оно меня заждалось. Зубной щётки в стаканчике не было. Стаканчик был. Там два стаканчика стояли на полочке. Один — Мальвины. С тремя непохожими друг на друга щётками. Ну, это понятно: на утро, на вечер и на всякий парадный случай. А второй стаканчик был настолько новым, что на нём даже наклеечка изумлённо сверкала: а что это меня никто ещё не содрал?! Ладно, Травина, намёк понял, но я про «понял» ничего тебе не скажу. Поняла?

Чай Мальвина подавала с ватрушками. Именно от них я балдею всю свою гурманную жизнь. Спору нет: женщина, если ей это почему-то вдруг стало надо, всегда может угодить любому чревоугоднику супротивного пола! А если ей известны его пагубные пристрастия, то тут она вправе требовать от нужного ей мужчины мгновенной безоговорочной капитуляции без аннексий и контрибуций! Домашние ватрушки я обожал с пелёнок, и Мальвина об этом помнила. Ах, ватрушки, мои ватрушки! Слегка сыроватые! С деревенским творогом! С изюмом и с мелко рубленной курагой! Три-четыре раза в году! На очень большие праздники! Не потому, что дорого или хлопотно, а потому, что много праздников — обычный набор надоевших будней.

Сладкие воспоминания детства смешались с реальным запахом, и я голодной волчьей стаей набросился на поднос с ватрушками.

— Посторонись, болезные! Затопчу и проглочу! Чу-чу-чу.

Мальвина зазвенела счастливыми колокольчиками. О боже, как она заливается! О боже, какие очаровательные ватрушки! Ничего подобного я не ел уже пять столетий! Или — девять. Но не меньше семи.

— Мальвинка, ты не против, если я тебя сейчас расцелую? — запивая очередной кусман ароматным и крепким чаем, спросил я знатную кулинарку.

— Возражаю категорически! Ты весь в крошках и в твороге, а я вся в макияже и в ожидании.

— В ожидании чего?

— Дальнейших событий и разговоров.

— Каких событий?

— Какие будут.

— А разговоры?

— А что — не надо?

— Конечно, надо. Да, кстати, а где твой любимый муж?

— Любимый?

— Ну, ладно — не так спросил. Так ты ещё замужем или — как?

— Да совсем никак. Я же с мужем не прожила и месяца.

— ???

— С чужими живётся скучно.

— Значит, и с другими мэнами тебе было без меня скучно?

— Са-а-аш!

Голос Лены наполнился хмурым скрипом. Ну что хоть я за садист такой! Тут такие ватрушки, такое радостное предчувствие, а я опять за свои издёвки. Иной раз не хочу, а раню, но чаще я людей травмирую автоматом — привык подкалывать всех и вся, оно и стреляет. А вот эта фраза: «…без меня скучно» — вылетела из меня настолько случайно, что я не успел её подхватить и проглотить обратно. Сдаётся мне, что она уже давно сидела на выходе и ждала, когда я открою дверцу, а сам по дурости отвернусь.

— Мальвинчик!

— Что — Мальвинчик?!

— Не обращай на меня внимания!

О! И это у меня во мне что-то новое: я только что без боя отошёл на вторую линию оборонительных укреплений. И это не было тактическим отступлением. Стрелять за такое надо!

— А на кого мне, Саш, обращать внимание?

— На прогноз погоды, на курс валют, на международное положение, на перипетии спортивных баталий, на новости ТВ и кино, на…

— …Македонского Александра, на…

— …соседа по этажу. У него такие бронированные двери, что я бы на твоём месте давно бы начал осаду.

— Оставлю это удовольствие для спецназа.

— Мне на улице спецназ засветил ногою в глаз, и теперь в кромешной тьме с фонарём не страшно мне!

— Из интернета скачал частушку?

— Обижаешь: экспромт!

— А я всегда знала, что ты — поэт!

Да какой я к чертям поэт?! Временами балуюсь от скуки рифмовкой, но это — далеко не поэзия.

— Да какой я, Мальвин, поэт?! Но как каждый интеллигент, я вполне могу в любое время замечательный глагол «пить» усилить восхитительным глаголом — «любить».

Подтекст, по-моему, получился что надо!

Мальвина тихо вздохнула. Так тихо, что никто бы и не заметил, но у меня на эти дела глаз намётан.

— Чай пить больше не будешь?

— Спасибо, нет.

— А когда мы перейдём ко второму глаголу?

Ты гляди, как всё повернулось! Что-то я перед таким зигзагом жизни оказался без малейшего намёка на контратаку.

— А можно ещё ватрушки?

Лена улыбнулась открыто и понимающе: глухую оборону сломать непросто, но это лишь дело времени.

На радость осаждённого загудел радиотелефон.

— Алло! Привет! Подожди немного! — сказала Лена в трубку и — мне: — Извини, я выйду поговорить.

Мальвина вышла, а я взглянул на часы. Время не стояло на месте, и мне пора было сматываться. Конечно, я уже больше не буду спрашивать Травину, кто её обидел и какая роль отведена мне в её спасении. И так всё ясно. И я согласен её спасать. Нет, тут надо брать круче — я желаю её спасти! Но время! Это чёртово время просто не оставляет мне достойного выхода — хоть в стакане с чаем топись! Одна надежда на импровиз.

Мальвина вернулась скоро. В кимоно. А уходила из кухни в платье. Очень даже симпатичное кимоно. Но! Япона мама, под цветной тряпицей не было ничего! Я заштопорил в стену взор. Мне не надо смотреть на женщину, чтоб увидеть, что у неё под верхним одеянием нет белья — я такие вещи не вижу, а чувствую. У Мальвины под кимоно белья не было, там на данный момент находилось только голое шикарное тело. Нечего сказать — ситуэйшен: моя дама ударила меня ниже пояса!

— Подруга звонила. Её не переболтать. Я сказала, что меня ждёт такси. Шеф, мы едем или не едем?

Я поперхнулся воздухом.

— Стоп, Мальвина! Стоп, стоп, стоп! Не говори ничего сейчас! Я очень тебя прошу! Позволь, я скажу в открытую. Мы оба знаем, что должно между нами произойти.

— Подожди!

— Нет, милая! Не я «подожди», а — ты! Пожалуйста! Мы оба знаем, что ЭТО должно случиться. Мы стремимся к ЭТОМУ, и ЭТО произойдёт! Я не буду просить у тебя прощения, но сейчас я спешу. Куда и зачем — не важно. Мне, действительно, очень надо! Но я к тебе обязательно вернусь, и вернусь очень скоро. Верь мне, Мальвина!

Я свободно выкрутил из стены взор и взглянул Мальвине в глаза: Мальвина мне верила! Верила, но страдала. Страдала, но уже жила ожиданием скорой встречи.

Я встал из-за стола, шагнул к милой женщине, по-домашнему отогнул запах кимоно и по очереди поцеловал встревоженные соски. Два длинных поцелуя и дважды два — быстро. Точка — тире, точка — тире. Потом я прижал Мальвину к себе и поцеловал долго в губы. Так долго, что даже чуточку испугался: не задохнулась бы!

Я уже выходил на лестничную площадку, а Мальвина всё ещё не могла отдышаться. Ха: и мы умеем, если хотим!

— Пока, любимая!

— Пока-пока!

И тут она двумя рывками распахнула и запахнула полы кимоно. Мама родная, я убит! Погиб поэт, невольник чести! Трата-тратататата-трата…

Я угрожающе поднял лапы и шёпотом зарычал на весь белый свет:

— Я сожру тебя, дорогая!

— Приятного аппетита!

Не дожидаясь прихода лифта, я кубарем (опять какой-то поблёкший штамп!) скатился по лестнице и пробкой (ну всё — заклинило!) вылетел из подъезда. Солнце заговор-

щиком подмигнуло мне с высоты. Перебьёшься, моё любезное! Прохожие мужского пола с нарочитым безразличием шагали по своим мужицким делам, но я-то видел, что они в любой момент готовы оказать мне свою посильную половую помощь. Ещё чего: обойдёмся как-нибудь без помощников! Я сел в машину.

— Не ревнуй, Роднуля! Это совсем не то, что у нас с тобой.

Роднуля капризно фыркнула и шагом тронулась с места.

Лоран-2

До гостиницы от дома Мальвины было всего два шага. Ну, пять-шесть. Ну, больше, больше, но всё равно где-то рядом. Так что через семь секунд я уже входил в холл гостиницы. Вести себя в таких приличных общагах нужно не абы как, а так, как надо конкретно. У них там посторонних к постояльцам пускают лишь по слёзным мольбам гостей и по великому снисхождению ответственных за порядок. Возможно, это и правильно. Возможно. Но если некогда канючить у стойки и ждать от надзора милости, тогда как быть? Вот тут-то и необходимы человеку навыки особой ходьбы и специфического общения с тружениками гостиницы. Мне эта наука знакома, и в холле я даже не тормознул. Деловито прошёл мимо администратора и сделал приветливо даме ручкой. Администратор с готовностью распрямилась и ответно мне помахала. Всё это не могли не видеть два одушевлённых шкафа, стоящих до последней капли крови у дверей лифта. На шкафах были бирки — «Охранное агентство “Nord-Ost”».

— Вы куда? — спросил меня один из шкафов, намекая на то, что я должен показать ему карточку гостя.

— Тащить из брифинга верблюда! — отрезал я, делая ударение в слове «верблюда» на последнем слоге.

— Не положено! — подключился к разговору второй габаритный шкаф.

Я презрительно посмотрел на мебель, поморщился и высокомерно оттопырил губу.

— Не положено грубить ведущему акционеру фирмы «Nord-Ost»! Но если вам вдруг надоело у нас трудиться, то я в один момент устрою вам такие рекомендаловки, с которыми вас никогда не примут на работу даже на охрану совершенно бесплатного туалета! Вопросы есть?

— Не признали! Простите!

Не признали — и славненько! Не больно мне и хотелось! Я вошёл в лифт и нажал четвёртый этаж.

Напрасно, кстати, у нас все думают, что в охране служат только дубы, осины и баобабы. Этот имидж им любезно состряпала дебильная эстрада и прикольные СМИ. А на самом деле, там пашут очень разные люди. Лично я давно знаком с одним чистокровным секьюрити, который известен всем читающим как автор редких, но читабельных детективов. Фамилию писателя называть не буду, оставлю конкретику для биографов. Тут важен факт. А дубья хватает везде. И то, что мы порой встречаем в жизни молчаливых охранников, так это от них требуется по службе. Пардон, пардон за ремарку!

Я прервал сам себя на том, что зайцем ехал в лифте к моей Лоран.

Лоран меня уже поджидала.

— Поехали, поехали, поехали! — после поцелуя выстрелил я.

— Поехали, поехали, поехали! — ответила мне очередью Лоран.

Мы спустились вниз, прошли мимо застывших в почтении часовых, сели в авто и помчались на приём к Эдику Глазовскому, большому доке по женским органам.

В приёмной мы были в 14.48. Прошли и сели в жёсткие, но удобные кресла. Наверное, мягкая мебель в приёмной гинеколога просто исключена. Ну, не знаю. Лично я вообще впервые пришёл к такому специалисту. Между прочим, к Эдику мы пришли не одни. Тут уже сидели дамы в возрасте от пятнадцати до очень преклонных лет. Но меня и Лоран эта очередь не интересовала ни капельки: у нас была своя проблема, и нам было назначено на 15.00. Не раньше. Но и не позже.

— Молодой человек! — обратилась ко мне очень крашеная блондинка. — А почему вы не спрашиваете, кто тут последняя.

— Извините, леди! А кто тут у вас последняя?

— Я! — с готовностью информировала блондинка, давая нам понять, что теперь мы должны записать эту информацию на своих ладошках и держаться строго-настрого за её спиной.

— Искренне соболезную! Но не всем же быть первыми! — горестно вздохнул я и скорбно положил подбородок на узел галстука.

— Тых-пых-дых-гых! — негодующе запыхтела блондинка, беспомощно замахав руками.

— Молодой человек! Скажите, пожалуйста, а вы с каким заболеванием пришли к гинекологу? — поспешила на помощь блондинке другая дама.

Флюиды агрессии и ехидства буквально окатили меня с головы до пят.

— С венерическим, мадам, с венерическим.

— Сифилитик!

— Ну что вы, что вы — я на мелочи не разменяваюсь. Меня ниже СПИДа ничто не интересует! Позвольте вашу ручку поцеловать!

Я сделал лёгкое движение, словно собираюсь покинуть кресло. Дама пронзительно завизжала. Блондинка схватилась за голову. Очередь от пенсии до пятнадцати приготовилась разбежаться. Лоран неудержимо захохотала.

Дверь кабинета торжественно распахнулась, и в приёмную царственно выплыла медсестра.

— Что случилось, дамы? Что за шум?

— Да вот, тут мужчина!

— Ни за что не поверю, что вы видите живого мужчину первый раз в жизни! Сохраняйте, дамы, порядок! Господин Македонский с дамой, пройдите к Эдуарду Аркадьевичу!

Мы с Лоран поднялись и протопали в кабинет. Уже на входе я услышал затылком, как очередь дорвалась до свободы слова.

— Так этот хам к тому же и Македонский!

— Да не Македонский это, а хан Батый!

— Не хан Батый, а хам Наполеон из шестой палаты!

— Педик!

— Шмедик!

— Спидик!

— Урод какой-то!

— Не урод, а очень даже симпатичный мужчина!

— И милый очень!

— И остроумный!

— Сама кикимора!

И так иногда бывает: сначала я вызываю у некоторых женщин приступ морской болезни, но потом они ко мне проникаются симпатией, а некоторые из них с готовностью отдаются. Мне бы запустить Лоран в кабинет, а самому остаться, чтобы послушать о себе приятности, но — увы! Горшочек моей милой Лоран никогда не стоял в детском комбинате рядом с горшочком Эдика. Следовательно, моё место там — за дверью, в бурке, на лихом коне, у пыточного агрегата, до боли знакомого всей прекрасной половине всего не менее прогрессивного человечества!

— Здгавствуйте, господин Македонский! Какие у вас пгобьемы? Не познакомите меня со своей очаговательной спутницей? — встал навстречу нам гинеколог Глазовский.

— Bonjour! — поздоровалась изящно Лоран.

— Привет-привет, а выпить нет? — простолюдином приветствовал я Эдьку Глазовского, чертяку и хитрована. — И не надо, Эдик, ломать язык! Мы тебе и так верим, что твой папа потомственный инженер, а мама — логопед в сорок пятом правом колене. А ещё мы верим, что родственников за границей у тебя навалом, а сам ты легко общаешься на иврите и идиш.

— Пгостите, пги чём тут мои годители?

— Совсем ни при чём, ты сам таким уродился. Завязывай, Эдуард!

— Завязал, Лександер. Итак, если я правильно понял, мадмуазель, этот варвар хочет учинить вам аборт? Вы не передумали?

— Нет, всё остаётся в силе.

— Прекрасно! Тогда приступим. Побрились?

— А что, не видно? — похлопал я себя по блестящим щекам.

— Мужчина, не с тобой разговаривают! Но если у тебя есть желание ассистировать мне в процессе детоубийства, то это обойдётся тебе дороже!

— Вот барыга!

— Выйди вон, нахал!

— Ладно. Припрёшься ты ещё ко мне на чашечку коньяка, я тоже тебя попру! — пригрозил я распоясавшемуся Глазовскому, чтобы он не думал, что последнее слово в его епархии должно оставаться всегда за ним.

Я вышел из кабинета, оставив тихую Лоран на растерзание специалиста очень узкого профиля, и хмуро плюхнулся в кресло.

— Ну что? Жить-то хоть будете, господин хороший? — надеясь на то, что меня минует такой исход, поинтересовалась крашеная блондинка.

— Буду! Но, простите, не с каждой! — осадил я ретивую даму и надолго погрузился в пучину собственных мыслей. Мне было о чём подумать, да и воспоминаний на этот час накопилось вполне достаточно.

Помните, когда я устраивал Лоран в гостиницу, то обмолвился, что номер её номера равнялся в сумме восьми, и это число является для меня заветным? Не уверен, что мне надо это рассказывать, но уж коли я что-нибудь кому-нибудь обещал, то непременно выплесну это из лохани своей кипящей души, не считаясь ни с какими потерями.

Цифра «восемь» ассоциируется у меня с восьмым классом, и теперь любая дохленькая восьмёрка напоминает мне о самом главном событии всей новейшей истории — в восьмом классе я стал мужчиной!

После того, как Лоран своими ласками под столом довела меня до медпункта, она резко сбавила обороты и в школе меня больше не изводила. Наши отношения перешли на более взрослый уровень.

Все мальчишки влюбляются в одноклассниц. Седьмой-восьмой классы — самый пик первой юношеской влюблённости. Но, как правило, всё тут концентрируется на дежурном провожанье из школы, платонических ночных страданиях, горестных вздохах вослед, записках типа «Ты меня лю… или не лю…» и невинных касаниях пересохшими губами лица подруги. Дальше этого в вышеназванных влюбчивых классах дело ни у кого не идёт. Конечно, всегда есть в коллективе несколько продвинутых пацанов, которые уже избавились от ненужной девственности, и они не прочь похвастаться перед аудиторией своими половыми свершениями, но это совсем не то. Как правило, первый трах (я не говорю — первый опыт, так как, во-первых, секс как таковой не имеет ничего общего с лабораторной по химии, а во-вторых, ну какой там опыт — с одного-то замаха?) у них случался в антисанитарных условиях с развратными малолетками или в постыдных играх с немолодыми матронами, для которых свежатина зачастую вкуснее жеребцовой сборной по баскетболу. А у нас с Лоран всё было совсем иначе.

У нас с Лоран всё было удивительно и прекрасно!

О том, что я по уши влюблён в изящную француженку, знал весь мир и его окрестности. Уточню сразу: говоря «мир», я подразумеваю элитарную школу. А дома и во дворе о моей любви к Лоран никто никогда не слышал. И о самой Лоран никто ничего не знал. Никто из нашего двора даже близко не подходил к той школе, где я учился. Откуда им было знать о моих терзаниях? Во дворе я был для всех испокон веков непробиваемым и железобетонным по части любовных нюнь и тихих вздохов на скамейке в беседке. Так сказать, я был реальным Александром Македонским, покорителем соседних дворов и улиц, входящих в сферу моих жизненных интересов. Я просто был не вправе пасть в глазах дворовой общественности от разящей стрелы Амура. А вот в школе о нас с Лоран знали все. Даже стены. Точнее, одна стена, но ни для кого не секрет, что у стен есть глаза и уши. А если у них есть эти органы, то стены наверняка общаются между собой на своём вертикальном уровне. И тут я сам виноват в утечке стратегической информации. Однажды нечистая дёрнула меня за руку, и я выцарапал перочинным ножом на стене под лестницей «Я тебя люблю!» Смешно сказать, но когда я два года тому назад явился на вечер выпускников, заглянул под лестницу и увидел, что признание не закрашено, горячая волна нежности к минувшему накатила на меня до нежданного кома в горле. Слава столичным малярам, хранителям любовных юношеских признаний!

Не думаю, что Лоран была влюблена в меня такой же любовью, какую я носил в себе каждый день. Несмотря на то, что она была не человеком, а комплексом сплошных импульсов, рассудочности в ней хватало с избытком. Таких натур встречать мне больше не приходилось. И я не мог рассчитывать на её всепоглощающую (не нравится термин «всепоглощающая», подскажите другое слово) любовь ко мне, но я-то её любил, и всё остальное становилось неважным и малозначимым.

Та пятница ничем не отличалась от остальных: литература, математика, физика и сдвоенная пародия на предтечу спортивных подвигов. На физре играли в настольный теннис — в одиночном, в парном и в смешанном исполнении. В смешанном я всегда выходил с Лоран. Пинг-понг, пинг-понг. «Не давай ты ему направо!» — «Подкручивай!» — «Отходи! Да отходи же ты сразу в сторону!» Пинг-понг. «Ну что — поймали бабочку? Ловите ещё!» Пинг-понг. «Ты сегодня чем после школы занят?» — «Любовью» — «С кем?» — «Не с кем, а — к кому» — «Ну, к кому?» — «К тебе, моя дорогая! Да отходи же ты сразу в сторону! Подкрутила и отходи! Не стой передо мной Триумфальной аркой!» — «Да отхожу я, ты сам зеваешь!» Пинг-понг. «А почему ты спросила про после школы?» — «Хочу одно дельце с тобой обстряпать?» — «Мебель от соседей перетащить?» — «Типа этого» — «Это мы запросто! Переход подачи. Гаси шар сразу: Наташка сегодня — сплошная дырка!» Пинг-

понг. Щёлк — аут! «Ну, что же ты!» — «Да ладно! Короче, после школы идём ко мне» — «Хоккей!»

В пятницу весь класс после школы намылился на Горбушку — за дисками, кассетами и просто подышать толчеёй (у нас так сложилось — в последний день трудовой недели тусоваться в гуще электората), а мы с Лоран отправились к ней домой. Квартирка у Лоран способна впечатлить даже пробку, но меня она ничуть не шокировала. Да, шикарно! Да, с претензией и со вкусом! Да, такую увидишь не в каждом мультике! А какой она ещё должна быть, если отец Лоран — парижская шишка в тылу Москвы? И маман не последний всполох в сверкающем мире раскрученного кутюра! Нормальная квартира, если трезво смотреть на вещи. Именно в таких фатерах и должны жить люди в эпоху виртуального бытия. Обычно мы с Лоран торчали насмерть в её каморке, куда тактичные предки входили только со стуком дятлов. Впрочем, нас они тревожили очень редко. К столу позовут или вкусного на подносе притащат, а так мы были полностью предоставлены своим молодым эмоциям с поправкой на здравый (?) смысл. Целовались, конечно, до посинения. До дрожи в позвоночных мозгах изучали тела друг друга. До седьмого пота ласкали вышеуказанные тела. Короче, всё, как у всех, в том самом познавательном возрасте. Но нейтральную полосу между «хочется» и «пока не надо» мы не переступали вполне сознательно. Я — не знаю сам почему. Лоран — согласно стратегии. Но так всё было до этой знаменательной пятницы.

Войдя в берлогу Лоран, я всем своим существом почувствовал, что что-то непременно произойдёт.

— Лоран, а где предки?

— Соскучился?

— Ну, типа не очень.

— Папа (ударение на последнем «па») сегодня допоздна на приёме, а маман умчалась утром в Париж.

— А София?

Конечно, все эти вспышки идиотской рекламы про домработниц могли родиться только не в очень здоровом обществе, но куда же без домработниц, если это необходимо?

— Её отпустили до понедельника.

— Значит, мы одни? — почесал я затылок.

— Значит! — засмеялась Лоран.

— И чем мы с тобой займёмся?

— Будем распивать кофе и другие тонизирующие напитки.

Мы прошли на кухню. Обычно данная семья московских парижан трапезничает в столовой, но нам с Лоран и на кухне было вполне нормально. Лоран сварила кофе и метнула на стол конфеты.

— Сухарика? — утвердительно спросила она и, не дожидаясь ответа, достала из бара бутылку вина (не «Агдам», естественно, со станции Москва-сортировочная на девятнадцать одуряющих оборотов) и два бокала.

— Лоранчик, я же опьянею в один момент!

Терпеть не могу, когда бравируют алкогольной стойкостью! «Сначала мы приняли на грудь по пятьсот без закуси, потом ещё литруху на четверых, потом Серёга отрубился, а мы у Маньки раздавили на троих пузырёк с довеском, потом покрыли всё это брагой, потом я выпросил у Клавки духи, а потом я уже не помню, как попал в вытрезвиловку!» Мол, вот какой я герой! Терпеть таких ненавижу!

— А кто тебя заставляет пьянеть? Мне ты пьяным не нужен! А от глотка хорошего вина с тобой ничего не будет.

Я ещё даже не пригубил, а кровь уже забурлила внутри меня и покрыла краской лицо.

— А что ты так покраснел? О чём ты таком подумал? Ну-ка, ну-ка, давай рассказывай!

Лоран занялась моей персоной вплотную, и все мои «Да чё ты! Чё? Да ничё я не думал!» отлетали от неё, как горох от стенки. Лоран схватила меня за руку и потащила чуть не волоком в свою комнату. Там она повалила меня на бескрайнюю кровать и продолжила своё инквизиторское дознание. И вот тут-то всё и случилось! Допрос с пристрастием трансформировался в поцелуи и ласки, одежды привычно легли на ковёр, и я впервые в жизни…

Стоп! Стоп! Стоп! Дети до шестнадцати допущены или нет? И если они торчками торчат поблизости, закройте им скорее глаза и уши: негоже как-то акселератам наблюдать за тем, чем занимаются два взрослых человека в свои неполные пятнадцать годов!

Да ладно, что там — скажу в открытую: было так здорово, так всё нежно, трепетно и естественно, что это просто не передать словами!

И я стал мужчиной! Спасибо женщине!

Вот на самом деле, что такое для меня была, есть и будет моя Лоран!

А сейчас я сижу в приёмной у гинеколога и тупо жду, когда мне кто-то чего-то скажет.

— Господин Македонский, вас ждёт Эдуард Аркадьевич! — медсестра исчезла в кабинете, оставив дверь приоткрытой.

— А где пациентка? — спросил я Эдика, видя, что Лоран в кабинете нет.

— Утром — «бабки», вечером — женщина! Вечером — «бабки»…

— Тебе бы, Эдик, рэкетиром работать! Вот, тут, как договаривались, — протянул я конверт Глазовскому. — Где Лоран?

— В комнате отдыха. Пройди на улицу через эту дверь и подгони свою тачку к выходу. Не хочу, чтобы толпа на неё глазела. Сам понимаешь.

— Угу.

Я подогнал машину к запасному выходу, сказал Эдику большое мерси, бережно усадил Лоран в Роднулю, доставил её до койки, кое-что приготовил по её просьбе, был изгнан до утра и с трудом добрался до дома. Таких плотных на события вторников у меня, наверное, ещё не бывало.

Лоран и Ген Геныч

Напрасно я думал, что плотный вторник для меня завершился. В сутках оставались ещё неистраченные часы, и что-то в моей жизни неуклонно продолжало происходить.

Припёрся Галкин Сергей. Ну — муж моей Галки. Я открыл дверь, но в прихожую несчастного не пустил.

— Македонский, гад такой, я звонил тебе днём раз двадцать: нету у тебя никакого автоответчика!

— Точно, теперь уже нет. Домушники увели! Вот только сегодня ночью. Всю мебель и технику вынесли через форточку.

— Серьёзно, что ли? А ты где был?

— А я как обычно был у любимой женщины. Мы с нею обручены, и мне семь раз в неделю приходится удовлетворять её сексуальные притязания.

— Серьёзно, что ли? А как же Галка?

— Какая галка? Не держу я у себя ни птиц, ни животных — за ними нужен уход, а я дома практически не бываю. Постой, Серёга, не ты ли это навёл домушников на мою фатеру? Что-то ты зачастил ко мне в последнее время! Да — ты же, ты! И как я сразу не догадался?!

— Ты что, дебил! Какие ещё домушники! Я Галку свою у тебя ищу!

— Это я — дебил?! А ты знаешь, что по новому закону за оскорбление моего достоинства я могу тебя сейчас пристрелить, и мне ничего не будет?

— А у тебя разве воры ружьё не вынесли?

— Не вынесли. Оставили для отстрела лосей, оленей и прочей рогатой живности.

— Да я тебе морду сейчас набью!

— Фи! Какая бестактность!

И тут прибывает на лифте Галка. Собственной персоной. И вовремя!

— Ты где это, милый, шляешься?! Я тебя тут по всему дому ищу, а ты тут с этим мужиком торчишь! С этим алкоголиком! Соображаете, что ли?! Мне всё про вас уже рассказали! А ну-ка, немедленно прочь отсюда! Ну, я тебе дома устрою за пайку трёпку! Ну, ты у меня нарвался!

— Ну что ты, Галка, на самом деле? Да Шурик классный мужик! И совсем непьющий. Говорят, он по компьютерам на лету секёт. Вот я и зашёл кое-что спросить.

— Знаю я твои компьютеры: пивка для рывка, а там — как получится! Ступай впереди меня, иначе я тебя размажу по всей площадке!

Семейная чета удалилась, а я заржал табуном мустангов. Ай да Галка! Чуть-чуть не нарвалась на провал, но сама прижала Серёгу к стенке!

Поздно вечером позвонил Ген Геныч.

— Извините, Александр, за поздний звонок! Ну, как там завершилось ваше дело с Лоран? Всё нормально, надеюсь?

— Мерси, Геннадий Геннадьевич! Всё путём.

— Извините, а когда Лоран улетает?

— Так утром и улетает.

— Александр, не поймите меня неправильно, я не знаю, как вам это всё объяснить, но мне очень хочется познакомиться с вашей дамой!

— Я всё всегда понимаю правильно.

— Александр, простите, но я действительно хочу увидеть вашу Лоран!

— А я тут при чём?

— А хотите, я завтра отвезу вас в аэропорт на своей машине?

— На шестисотом?

— На лимузине.

— Геннадий Геннадьевич, тебя интересует моё мнение по этому поводу?

— Конечно, интересует!

— Так вот, я сплю и вижу, как мой шеф работает у меня персональным водилой! Честное-пречестное пионерско-бойскаутское! Жду тебя, Геннадий Геннадьевич, завтра в 8.00 у моего подъезда! Адресок запиши.

— Адресок мне известен. Спасибо, Александр! Завтра буду как штык!

Ну — дела! Такого я не ви-де-ла!

Я даже не пытался осмыслить и разложить по полочкам звонок Ген Геныча. Кажется, от столкновения с уходящим днём у меня куда-то сгинуло логическое мышление. Да и абстрактное восприятие событий и фактов тоже затерялось в дебрях утомлённых извилин. Осмысливать будем после, а сейчас надо сотворить для истории что-нибудь эпохальное.

Я открыл банку пива, понюхал и убрал её в холодильник — нет, не то!

Взял лентяйку и полистал многотомник ТВ. Опять не то: уж слишком это обыденно!

Я вышел на лоджию. Вокруг меня фрагментами копошилась ночная жизнь. Внизу, у кривой шеренги торговых минимаркетов, маячили маленькие людишки. Маленькие машинки куда-то мчались по своим никчёмным делам. Маленькие звёзды слепо щурились с высоты. В глубине небольшого космоса закричала от страсти женщина. Я прикинул, что стою над всем миром глыбой и могу покончить с ним одним махом — стоит только перекинуть тело через перила. Фу-ты ну-ты: дурость какая-то! Ведь не то же, совсем не то!

Я прошёл в комнату, выключил свет и, не раздеваясь, рухнул на простыню. А вот это — в самую точку! Йес! История должна отметить моё свершение! Если заметит моё присутствие на Земле.

Среда поставила меня на ноги задолго до приезда Ген Геныча.

Встал. Разделся. Принял душ. Оделся. Поел, попил. Навёл мужской марафет. Решил пару шахматных ребусов. Разгадал пустяшный сканворд. Родил гениальный стих: «Жизнь закручена в спираль вихрем турбулентности. Прощевай, моя печаль — плод эквивалентности!» Тихо посмеялся в кулак на это вопиющее безобразие. Н-да, тормоза ещё держали меня на месте!

Звонок Ген Геныча застал меня при полном параде.

— Александр, здравствуйте! Подъезжаю. Через три минуты буду у дома.

— Здравствуй, Геннадий Геннадьевич! Выхожу.

Интересно: как он без пристрелки может знать, сколько до меня ехать от какого-то пункта следования? Очень интересно, чёрт меня подери!

Я бросил в рот сигарету и вылетел из квартиры.

— Здравствуйте, Александр! — вылезая из бесконечного лимузина, ещё раз поздоровался мой одноразовый персональный шофёр.

— Уже здоровались! — буркнул я, машинально пожимая протянутую водителем руку.

Распоясалась прислуга вконец! Руки распускает с утра пораньше! Про отчество даже не упоминает! На лимузинах раскатывает, как на ношеных «Жигулях»! А нужны ли нам такие отрыжки торжествующей демократии?!

Я гордо вошёл в машину и изо всех сил расправил плечи шире ширины плеч: свободного места в недрах лимузина оставалось ещё достаточно. Ген Геныч понимающе усмехнулся.

— Не жмёт, не тянет?

— Как раз — в самый раз!

— Куда ехать, босс?

— Ехай прямо! Потом скажу, — распорядился я, внутренне наслаждаясь вкусом словечка «ехай!».

По дороге мы почти не разговаривали. Каждый думал о своём, но, скорей всего, об одной и той же — о Лоран.

О, Лоран! Сколько радости она мне подарила по ходу жизни! Сколько полновесного секса у нас с ней было! Сколько новых позиций мы с нею изобрели! Сколько неофициальных рекордов побили мы в своё полнокровное удовольствие! И почему бы Книге рекордов Гиннеса не посвятить нам хотя бы сотню страниц? Так где ж она — справедливость?

Впрочем, о наградах мы с Лоран никогда не думали. Мы, как истинные герои, беззаветно венчали сексом свою любовь. Пусть даже не обоюдоострую любовь по всем законным параметрам, а то непреодолимое влечение (но я-то её любил), которое магнитами притягивало нас друг к другу. И в этом притяжении рождались такие мыслимые и не-

мыслимые варианты интимного торжества, что даже сейчас одно воспоминание о них воспринимается мною явью. И тут мне, право слово, есть о чём рассказать.

Ахтунг, ахтунг! Онанисты и дамы той же ориентации, приготовьте свои подручные органы: сейчас я плюну на остатки стыдливости и расскажу вам кое-что со всеми подробностями! Вы уже готовы к оргазму? Ну, слушайте…

— Какие органы? — бесцеремонно спросил Ген Геныч.

Уя-уя: я, кажется, уже рассуждаю вслух!

— Какие органы? — удивился я.

— Какие подручные органы? — более конкретно спросил Ген Геныч.

— Какие подручные органы? — более конкретно переспросил я.

— Александр!

— Водитель!

— Намёк понял!

— No претензий!

— Едем дальше?

— Не возражаю.

— Уже приехали.

У парадных дверей гостиницы Ген Геныч осадил фантастическое создание и трижды выдавил из клаксона нетерпеливый призывный клич. Потом он выскочил из авто, обежал конечность машины и открыл дверцу. Я скромно вышел из лимузина. Не Алла Борисовна с очередным фаворитом, не Филипп с кордебалетом наперевес, не презервативный магнат с продукцией, не лидер партии сексуальных меньшинств с любимым секретарём, а просто — Македонский с чувством собственного достоинства.

Толпа служак гостиничного сервиса уже успела вылиться на улицу, чтобы подобающе встретить моё явление. Почти знакомая администратор приветливо помахала рукой. Новые, но похожие на старых, шкафы взяли под козырёк своих коротко стриженных черепов. Случайные зеваки взирали на событие изо всех зевательских сил. За спиной толпы мелькнула Лоран.

— Которая тут Лоран? — шёпотом спросил Ген Геныч.

— В сиреневом.

— Поберегись! Освободите дорогу! Поберегись! Освободите проход! — без крика, но убедительно разрезал толпу Ген Геныч.

Я шествовал на полплеча сзади шефа.

Лоран уже врубилась в комедию и разразилась длинной французской бранью. Суть её сводилась к тому, что она до глубины души возмущена тем, что к ступенькам не подали самолёт.

— Карета подана! — информировал я сиятельную Лоран и преклонил перед ней колено согласно какому-то парижскому этикету.

— Ну что же вы для своей леди президентский номер не заказали? — изумилась сбоку администратор.

— Её превосходительство здесь инкогнито, — объяснил я даме ситуацию и дал ей сто долларов. За приятность. Гулять так гулять!

— Милая, ты как себя чувствуешь? — спросил я Лоран в машине.

— Да всё нормально, Сашок!

— А — там?

— И там всё нормально. Благодарю за заботу обо мне и о том, как — там! Не волнуйся, ещё проверишь!

Вот и ладненько! Надежда встретила понимание!

По Москве катили с комфортом. Дорожные пробки, увидев нас, пугливо разбегались в разные стороны. Инспекторы ГАИ с готовностью отдавали нам последнюю честь. Лоран в глубине салона прижалась к моему крутому плечу и счастливо щебетала обо всём на свете. Господи, да много ли надо женщине, чтобы она была по-настоящему счастлива на этой хмурой планете? Совсем немного — надо, чтобы у неё было всё! И даже — немного больше. Плюс удачно выполненный аборт.

Когда Ген Геныч свернул с МКАД на трассу в аэропорт, я по внутренней связи велел ему тормознуть.

— В чём дело? — спросила Лоран, когда я помог ей выбраться из авто.

— Что случилось, хозяин? — спросил Ген Геныч, выходя на свет божий без моей помощи.

— Дама и господин, позвольте вас познакомить! Лоран, перед тобою — генеральный директор моей, то есть его фирмы Геннадий Геннадьевич. Так сказать, мой босс. Очень чуткий руководитель и необычайно отзывчивый человек! Прошу любить и жаловать!

Лоран с интересом посмотрела на необычайно отзывчивого человека, который какое-то время прикидывался моим личным водителем. Она уже знала от меня о нём немало хорошего. И, честное слово, мне бы очень хотелось посмотреть на тех трудящихся клерков, которые о своём начальстве отзываются за глаза в столь светлых тонах!

— Уважаемый Геннадий Геннадьевич! — продолжил знакомство я. — Перед тобою сейчас стоит, если ты ещё это не осознал, самая замечательная и непредсказуемая женщина не только Франции, России и планеты Земля, а и всей остальной Галактики! Прошу жаловать и любить, если ты ещё способен на это чувство!

Ген Геныч упёрся взглядом в асфальт.

— Учти, Лоран, это босс умолил меня познакомить его с тобою, так что я тут совершенно не виноват. Я сам не понимаю, как всё сложилось? Думаю, вы во всём разберётесь сами. Садись, Ген Геныч, в салон к Лоран, а я поведу машину. Прошу меня за это очень любить и жаловать в конце пути очень щедрые чаевые! Всё: по коням! Самолёты ждать не умеют.

Лимузин меня слушался безупречно. Километры летели, как прожитые деньки. Одно беспокоило: а что на это скажет Роднуля? Она сразу чувствует, когда я с кем-то ей изменяю.

Кстати, об изменах.

За моей спиной назревала очередная измена. Хотя о чём это я? Мы с Лоран не были повязаны никакими моральными обязательствами, и в один прекрасный момент нашей близости мы дали друг другу «зелёный свет» в сексуальном передвижении. Случилось это, когда Лоран после школы окончательно осела в Париже, чтобы получить там высшее образование, которым не пренебрегают в Европе. А потом она ударилась в танцы, и ей пока это нравится. Конечно, я порой тосковал по её упругому и искусному телу, но как можно хоронить под пятой разлуки свою неуёмную тягу к женщинам? Жизнь не монастырь, и её нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно. И уж коли я сам был отнюдь не иноком, то от Лоран тем более нельзя было ожидать приступов безумного воздержания. Да я на это и не рассчитывал. А Лоран однажды преподнесла мне в плане секса неординарный подарок: она притащила в Москву свою яркую парижскую сослуживицу и насильно уложила меня с нею в постель. Это было нечто! И я до сих пор доволен, что во всём тогда оказался на высоте!

Да ни о каких изменах со стороны Лоран не может быть даже речи! У меня тут свои интрижки и удовольствия, у неё — свои. И я вовсе не уверен, что вчера она лишила жизни моё создание. Точнее, я стопроцентно уверен в том, что к данному зачатию не имею ни

малейшего отношения! И то, что Лоран прилетела делать аборт в Москву, лишнее тому подтверждение. Есть несколько объяснений такому шагу со стороны Лоран, но мусолить причины — удовольствие ниже среднего, граничащее с занудством. Главное — я нужен моей Лоран и изредка хоть в чём-то ей помогаю.

В Шереметьево мы прикатили вовремя. Уже шла регистрация на рейс, и скоро наступила пора прощания.

Какие проблемы обсуждали по дороге Лоран с Ген Генычем, знают только они. Захотят — расскажут, не захотят — в «испанские сапоги» обувать не стану. Но я видел, что их общение оказалось столь плодотворным, что Ген Геныч уже не скрывал ни от кого свой влюблённый взгляд, а Лоран не отвергала его влюблённости. Да какая, скажите, женщина способна найти в себе силы, чтобы отказаться от ещё одной, отнюдь не лишней, любви?!

Я смотрел на Лоран, и сердечко грустно сжималось: ну, почему всё на свете всегда кончается? Даже кратковременные визиты.

— Мальчики, давайте прощаться! — вздохнула Лоран.

Я обнял и поцеловал её долгим, продолжительным поцелуем. Без аплодисментов, переходящих в овации. «Хочу тебя!» — шепнул я Лоран на ушко. «И — я!» — «Раз пять!» — «И я, и я, и я, и я, и я!» — поддержала Лоран мои неосуществимые на этот момент желания. «Ну, ты знаешь, как меня найти. Найди, если что!» — «Найду. Обязательно!» Лоран поцеловала меня и шагнула к Ген Генычу. Их прощальный поцелуй был проще, но он всё же был.

Мальвина-3

— Македонский, я ничем тебя не обидел? — спросил меня Ген Геныч сразу, как только Лоран преодолела таможню.

О, это что-то новенькое: босс перешёл на «ты»!

— Ген Геныч, я не вижу повода для обиды, и всё-таки держись от меня подальше! — ответно перешёл я с Геннадия Геннадьевича на Ген Геныча.

— А то — что? Закажешь, что ли?

— На заказанных воду возят!

— Водички, сэр, не желаете?

— Желаю! Но с тоником. А можно и коньячку.

— С тоником?

— С дальтоником!

— Заказ принят! Извольте в тачку!

— Смело сяду с боссом в тачку, там мы выпьем водокачку! — хотел оставить я за собой последнее слово.

— Сяду с Сашей в лимузин, будем нюхать там бензин! — накрыл меня сверху босс.

Нет, определённо, Ген Геныч — наш человек!

Мы забрались в салон и слегка прошлись по сусекам бара. За отлёт Лоран. За улёт по жизни. За дружбу между народами. Ну, мне-то — можно, а Ген Геныч же за рулём.

— Ген Геныч, гаишников не боишься?

— Танки грязи не боятся!

— Ты куда сейчас — в Контору?

— А куда же ещё?

— Найдём куда. Например, по бабам.
— Ну ты и Шурик!
— Сам ты — Шурик!
— Я — Ген Геныч!
— И я — Ген Геныч!
— Уважаю пьяные разговоры!
— Аналогично!
— Тогда — поехали!
— Покатили!

Мы перебрались в кабину авиалайнера, разбежались, оторвались от взлётной полосы и стремительно полетели в Moskau. Жаль, автопилот сегодня в загуле: а то бы был третьим.

— Александр, я слышал, что кто-то имеет мнение, что он в моей Конторе ничего не делает и получает слишком большие бабки. А ты как думаешь?
— Я, что ли?
— А кто ж ещё?
— Убивать таких мыслителей надо! Без суда и следствия.
— Очень ценная мысль! Погнали дальше.

Отличный камушек закинут боссом в мой огород! Хороши заявочки! Да я же никогда ничего такого не говорил. Тем более, в офисе. Тем более, вслух. Тем более, при коллегах. Опухнуть можно! И откуда Ген Геныч узнал, о чём я думаю сам на сам? Опа! А может, кто-то из вас, господа, процитировал ему избранный кусок из моей доверчивой исповеди? Нет, я ни в коем разе никого не обвиняю конкретно, но больше вариантов у меня нет. К моему великому сожалению! Ладно, не пойман — не стукач, а пойман — доброжелатель. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись! Болтун — находка для шпиона! И т. д., и т. п.

Между прочим, я считаю, что только благодаря продукции умственного труда коллектива Конторы наша держава опять скоро станет супер — со всеми вытекающими последствиями. Все слышали? Вот и славненько!

— Супер — говоришь? Хорошее дело! И я на это очень надеюсь!

Ну что ты будешь делать! Опять, что ли, сам с собою разговариваю? Маразм нагрянул незаметно, когда его никто не ждал…

— Ген Геныч, до дома не подкинешь? Чтоб не тратиться на метро.
— А может, лучше — деньгами?
— А может, лучше — отгулами?
— Так ты же завтра и так не выходишь.
— Так это завтра. А в пятницу?
— А в пятницу — что?
— В пятницу? В пятницу, Ген Геныч, я буду отдыхать от любви.
— От какой любви?
— От пламенной. Возгорится сегодня. И будет полыхать не менее суток.
— Расскажешь потом?
— Ни-ни! Перехватчиков нам не надо! Да там им и не обрыбится — не тот это случай! Ну так — как?
— Ладно, не выходи. Но в понедельник я нагружу тебя выше крыши!
— Лады!
— А через неделю мы едем с тобой в Финляндию.
— Ген Геныч, да я же невыездной, и загранпаспорт у меня — ёк.

— Не боись — оформим!
— А надо?
— Надо!
— Тогда — конечно.
Ген Геныч высадил меня у метро.
— Извини, Александр! Мне сегодня действительно недосуг.
— И мне — не до них. Увидимся в понедельник!
Ген Геныч тронул с места, но тормознул.
— Александр!
— Ген Геныч?
— Спасибо!
— Пожалуйста!

Я не сказал ему, что, мол, не за что, так как за знакомство с Лоран я и сам бы отдал полцарства. Но Лоран уже была на пути к Парижу, а у меня по плану намечалась встреча с Мальвиной. Ах, Мальвина, Мальвина! Не знаю, что со мной такое, но я пугаюсь встречи с тобой! Старею, что ли?

Дома я принял душ, перекусил и попытался сосредоточиться. Знакомая редакторша торгово-ведомственного издания заказала мне статью о влиянии ассортимента на сексуальные возможности человека. Мы с ней как-то укокошили вечерок в кафе, и я там таких параллелей между сексом и торговлей нарисовал, что она тут же взяла с меня слово, что я всё это изложу на бумаге. Легко сказать: болтать под кофе что на ум взбредёт — это одна сторона медали, а излагать всю эту галиматью для печати — совсем другая история. Для писательства необходимо полное отречение от мирской суеты.

Я включил компьютер, смастырил файл и надолго задумался над названием. Ничего толкового на ум упорно не шло. Да тут ещё отвлекающие факторы навалились со всех сторон. В ванной капли из крана долбали эмаль. Прокладка давно куплена, но руки до замены дойти не могут. Ноги дошли бы куда быстрее. На другом конце дома плакал ребёнок. И на что у нас милиция только смотрит? Ребёнок с бухты-барахты плакать не будет: у деток всё под контролем. В соседнем микрорайоне кричали «Горько!» Моветон какой-то! Женятся, кричат несусветное, суетятся на брачном ложе, рожают детей, закрывают глаза на их крокодильи слёзы, прокладки в ванной никогда не меняют — ну как тут писать статью?!

И всё же главным отвлекающим фактором для меня была Мальвина. Она по-хозяйски расположилась в моей черепной коробке, творила там чёрт-те что, третировала сознание и даже занималась со мной любовью.

Со мной такое часто бывает: сначала я прокручиваю в уме (а на что ещё он нужен современному мужику?) все возможные при встрече позиции и подходы, а после свершившегося контакта ловлю себя на мысли, что всё это мной придумано. Иной раз случаются такие совпадения моих фантазий и голой реальности, что это можно объяснить лишь только с позиции мистики. Например, однажды я вообразил, что у девушки по имени Света в левой средней части лобка цветёт прелестная родинка. И чтоб увидеть её отчётливо, надо слегка подуть на слабые колечки волосиков, а ещё лучше — аккуратно разложить их руками, и тогда цветочек можно поцеловать. И тогда он испуганно вздрогнет и сожмётся в тугой бутон, и лёгким импульсом тока ударит нежданного гостя в порядке самозащиты. Вот такое вообразил я про родинку девушки Светы, хотя видел её до приступа фантазии всего один раз — зимой, на улице, в трескучий мороз. Чтобы удостовериться в правильности видения, я целую неделю по вечерам дожидался её часами на том же месте, где видел раньше. Благо, что это было у входа в универсам, и она выходила из

магазина с покупками, а потом свернула за угол и пошла в глубь строений. И я её всё же встретил! И лихо ворвался в её квартиру! И насильником скинул с неё одежды! И первым делом бросился на поиски родинки, и нашёл её на законном месте, и раздвинул нежно волосики, и далее — всё по сказанному!

А сейчас в моих фантазиях бесчинствовала Мальвина, и, чтобы она не растерзала меня заранее, я наскоро обозвал пустой файл статьи «Витриной эротики», выключил компьютер и позвонил своей Леночке.

Она ответила сразу, словно уже держала трубку в руке:

— Алло.

— Что — алло?

— Привет! — опять зазвенела Мальвина вчерашними колокольчиками.

— Что — привет?

— Ну, где ты?

— Да тута я, тута! Погладь колготки — я выезжаю! И не забудь засунуть зубную щётку в мой стаканчик на полочке!

— Уже засунула. И пижама лежит на кресле.

Ой! Мальвина меня этой пижамой сразила влёт. Надо было что-то ответить, но сообразительность буксовала на месте, и каждое мгновенье молчания вырывало клочками почву из-под моих слабеющих ног.

— Готовь ватрушки! — глупо ляпнул я и бросил трубку на аппарат.

— Македонский, ты, кажется, крупно втюхался! Македонский, тебя обходят по флангу! Македонский, прикрой тылы! Македонский, победа будет за нами! — во весь голос разговаривал я сам с собою (это уже хроническое) в прихожей, торопливо напяливая левую туфлю на правую ногу.

— Македонский, поберегись! — выкрикнул я, вылетая из квартиры на финишную прямую.

Дорогу от дома до Мальвины я преодолел быстрее скорости звука. И весь путь перед глазами мелькали распахнутые и запахнутые полы кимоно. Распахнутые — запахнутые. Распахнутые — запахнутые. Распахнутые…

Я оставил Роднулю недалеко от подъезда Лены, щёлкнул пультом сигнализации и бегом побежал в подъезд. Стоп: сигнализация не включилась! Я вернулся к лайбе, проверил двери и погладил лобовое стекло.

— Роднуля, ну сколько раз тебе говорить: да люблю я тебя, люблю, но у нас с тобою — всё по-другому!

Роднуля надула губы. Я хмыкнул и спокойно вошёл в подъезд.

— Где моя пижама? — спросил я, входя в жилище Мальвины.

— А зачем тебе, милый, пижама? — тихо выдохнула Мальвина и скинула на пол знакомое кимоно.

Реальность скачками рванула в сторону, уступая в моей жизни место фантастике и блаженству…

— Милый, расскажи мне что-нибудь о себе! — устало попросила меня под утро моя любимая.

— А что рассказывать? — удивился я. — Нечего мне рассказывать! Я — вот он, тут, с тобою. И полностью открыт для тебя!

Я поцеловал Мальвину, и её вполне устроило то, что опять на нас надвигалось…

Ирина БАРИНОВА

Ярославскому поэту Ирине Евгеньевне Бариновой (1952—2008) в мае 2012 г. исполнилось бы 60 лет. Родилась она в посёлке Петровское Ростовского района Ярославской области. Работала пионервожатой, учителем. Закончила Литературный институт им. А. М. Горького. Сотрудничала с редакциями ярославских газет. Писала прозу. Автор поэтических сборников «Незабываемое», «Тайна красоты», «Птицы любви», «Осенний снег», «Любить не приневолю». Главной темой её творчества была Любовь. На лиричные и музыкальные стихи Бариновой написаны десятки песен известными композиторами и исполнителями Г. Пономаренко, Г. Митяевым и др. Последняя книга, «Божье благословение» (2008), увидела свет уже после ухода Ирины из жизни.
Член СП СССР, впоследствии — Союза писателей России.
В школах и гимназиях Ярославля и на малой родине поэтессы изучают её стихи, организуют литературные вечера, в области ежегодно проводится музыкально-поэтический фестиваль её имени.

Жизнь

Венок сонетов

1

Ведут дороги от родного дома,
И что-то ожидает впереди?
Конечно, будут ведомы любому
Пригорки и ухабы на пути.

© Н. Ю. Делягин, 2012

Любви желанной сладкая истома,
И ликованье дерзкое в груди,
И горечь от душевного надлома,
Сознанье, что судьбу не обойти.
Конечно, это всё придёт не сразу,
Ведь поначалу — горе не беда,
И не всегда спасеньем станет разум,
И может поманить не та звезда.
Чтоб отличить подделку от алмаза —
Птенцами выпорхаем из гнезда.

2

Птенцами выпорхаем из гнезда,
И некогда назад нам оглянуться.
Нас манят самолёты, поезда,
Домой ещё успеем мы вернуться.
В хорошее поверим без труда
И в то, что беды мимо пронесутся,
Что нас ведёт счастливая звезда,
Нам не упасть и даже не споткнуться.
О, как самонадеянно беспечны
Мы, юностью наивною ведомы!
Потом узнаем: в жизни быстротечной
Случаются напасти и изломы.
Нам не увидеть станции конечной
И не узнать, где подстелить солому.

3

И не узнать, где подстелить солому,
Чтоб мягче падать и быстрей вставать.
О, как ещё потянет снова к дому,
Где ждёт своё — стол, книжный шкаф, кровать.
Наверно, эти чувства всем знакомы,
Но только — не воротишь время вспять.
Своей судьбой мы лишь вперёд ведомы,
И многое лишь предстоит узнать.
Конечно же, от разочарований
Никто не застрахован никогда.
Но ждёт ли кто весной капельной, ранней,
Что где-то стережёт его беда?
И не понять: час близок испытаний,
И не понять, твоя ль горит звезда.

Первые шаги. За столом: члены Союза писателей СССР И. А. Смирнов и В. Д. Пономаренко. 1970-е

С сыном Никитой. 1983

На малой родине, под Петровском

4

И не понять, твоя ль горит звезда,
Манит тебя неизъяснимым светом,
И не понять, идёшь ли ты туда,
Где всё теплом и добротой согрето.
Стучат, стучат по рельсам поезда.
Всё впереди. И песня недопета,
Не сказано решительное «да»,
И верится в счастливые приметы.
Совсем немного времени пройдёт,
И в горький час душевного надлома,
Который враз мечтанья зачеркнёт,
Мороком злым окажемся ведомы.
Но луч надежды вскорости сверкнёт…
Наверное, то каждому знакомо.

5

Наверное, то каждому знакомо:
Надежды и несбыточность мечты,
Безоблачность и ужас бурелома,
Черновики и белые листы.
Но жаждой новизны мы так влекомы,
И в помыслах невинны и чисты,
И до конца ещё не знаем — кто мы,
И верим только в силу доброты.
У всех дороги разные, однако
Заранее не знаешь никогда,
Что более — вершин иль буераков,
Что чаще ждёт — блаженство иль беда,
То ль дружба, то ль бессмысленная драка:
Всё будет. И дорога в никуда.

6

Всё будет. И дорога в никуда.
И легче плыть кому-то по теченью,
Обыденной покажется беда,
Исчезнут все былые увлеченья.
И вся-то жизнь — такая ерунда,
И никакого нет предназначенья,
Ведь всё равно исчезнем без следа —
Кому нужны все наши устремленья?
Бывает трудно всё переиначить,
Когда опять в порочный круг влекомы.
И не по силам сложные задачи,
И думаем: да что же это? Кто мы?

Смеёмся редко, ещё реже плачем.
И вместо солнца лишь раскаты грома.

7

И вместо солнца лишь раскаты грома.
И вместо яви — только забытьё.
А в юности готовились к другому
И верили в призвание своё.
И не страшились зноя, бурелома,
И отвергали жалобы, нытьё.
И вовсе не готовились к иному.
Всё было, а взросло одно быльё.
Всё реже вырываясь из дурмана,
По-прежнему стремимся в никуда.
Запутавшись в сети самообмана,
Уже готовы: канем без следа.
И вместо взлёта — лишь сплошная рана,
И вместо счастья — горе и беда.

8

И вместо счастья — горе и беда.
Махнуть рукой — мол, как судьбе угодно.
И всё, в конечном счёте, ерунда.
Так, значит, мы нисколько не свободны?
Отвергнем же дорогу в никуда,
Переживём ненастья и невзгоды.
Известно, без душевного труда
Лишь прахом станут прожитые годы.
Конечно, может в жизни не везти:
Лишишься вдруг любимой в одночасье,
Споткнёшься на проторенном пути,
Изведаешь нелепые напасти.
Не всем цветам посаженным цвести,
И не всегда всё будет в нашей власти.

9

И не всегда всё будет в нашей власти,
И не всегда достойным легче жить.
Но тот, кто не согнётся от несчастий,
Осмелится не по теченью плыть,
Не потеряет к слабому участья,
И сможет виноватого простить,
Быстрее одолеет все напасти
И, главное, сумеет нужным быть.

И с большой сцены, и в кругу друзей часто звучали песни на стихи Ирины Бариновой

Нет ничего ненужности страшнее,
Нет ничего сильнее доброты.
И примем мы за должное, мудрея,
Те истины, что горьки и просты.
И бросить камень в нас враги посмеют,
И не всегда все сбудутся мечты.

10

И не всегда все сбудутся мечты.
Как говорят, мы ходим все под Богом.
Не избежать нам в жизни маеты
И не всегда идти прямой дорогой.
И выпадают хлопоты пусты,
И суеты напрасной очень много.
Но если перед совестью чисты,
Судить себя не надо слишком строго.
Случайности, увы, не избежать,
Они несут то счастье, то несчастье.
Но всякому придётся испытать
Разлуки горечь, радости и страсти.
Который раз ждёшь взлёта, но опять
Вдруг выпадут нежданные напасти.

11

Вдруг выпадут нежданные напасти,
Которые у каждого свои, —
Ведь кто-то расстаётся больно с властью,
А кто-то умирает от любви.
Кому-то лишь безденежье — несчастье.
И каждого, как хочешь, назови,
Но коль в душе осеннее ненастье,
Надолго могут смолкнуть соловьи.
Бывают в жизни разные мотивы:
Одни сжигают за собой мосты,
Другие — и живые, а не живы,
А третьи — устают от суеты.
Сумятица, надломы и надрывы,
И будут дни бесплодны и пусты.

12

И будут дни бесплодны и пусты…
Жизнь хороша — пройдёт и это тоже.
Воспрянет снова мир для красоты,
Чтоб стать ещё милее и дороже.
О, как же эти истины просты!
Так почему постигнуть их не можем?
Уйти от бесполезной маеты,
Ведь век, нам всем отмеренный, ничтожен.
Да, так. Страданий всем не избежать,
Ничем не защититься от ненастья.
Но как с душою трудно совладать,
Когда кипят нешуточные страсти.
На сердце груз такой, что не поднять.
Но будут ведь и радости, и счастье.

13

Но будут ведь и радости, и счастье,
И утренние трели соловьёв,
И доброта людская, и участье,
Азарт и риск, волнующие кровь.
И вёдро вслед приходит за ненастьем.
Сменяют неожиданно и вновь
Лишения, тревоги и напасти,
И вера, и надежда, и любовь.
И жизнь опять покажется прекрасной,
Ждать не придётся от неё беды,

И каждое мгновение — напрасно,
Нет ни врагов, ни боли, ни нужды.
Лишь небо, что безоблачно и ясно,
И свет твоей единственной звезды.

14

И свет твоей единственной звезды
Придаст тебе уверенности, силы,
И в миг напастей и лихой нужды
Не станет жизнь ненужной и постылой.
Никто не застрахован от беды.
Всё есть, и будет, и когда-то было:
И птицы, и чеканные кресты
На близких нам отеческих могилах.
От равнодушья только б уберечь
Сердца свои. Уж лучше пусть надломы.
Не чуждой будет пусть родная речь,
И родина не будет незнакомой.
Жаль только — с отчим домом меньше встреч…
Ведут дороги от родного дома.

15

Ведут дороги от родного дома,
Птенцами выпорхаем из гнезда.
И не узнать, где подстелить солому,
И не понять, твоя ль горит звезда.
Наверное, то каждому знакомо.
Всё будет: и дорога в никуда,
И вместо солнца — лишь раскаты грома,
И вместо счастья — горе и беда.
Ведь не всегда всё будет в нашей власти,
И не всегда все сбудутся мечты.
Вдруг выпадут нежданные напасти,
И будут дни бесплодны и пусты.
Но будут ведь и радости, и счастье,
И свет твоей единственной звезды.

Владимир
КОЛАБУХИН

Родился в 1937 г. Окончил Всесоюзный юридический заочный институт. Работал редактором газеты «Северная магистраль», в органах внутренних дел. Подполковник милиции в отставке. Публиковался в журналах «Театральная жизнь», «Советская милиция», «Земля родная», «Бег», «Русский писатель». Автор нескольких книг поэзии и прозы. Член Союза российских писателей. Живёт в Ярославле.

Сирень любви

* * *

Я помню всё. Метель мела
По опустевшему перрону,
И ты, в снегу, белым-бела,
Спешила к моему вагону.

И вот к окошку подошла
И, вскинув снежные ресницы,
Меня среди других нашла
И взглядом позвала проститься.

О, что бы мне забыть тогда
Про нашу глупую размолвку
И не твердить, что ты горда,
Не упрекать бы без умолку!

Но мой состав крутой дугой
Поплыл вдоль белого вокзала.
И снежной завертью тугой
Метель к столбу тебя вязала.

© В. Г. Колабухин, 2012

Теперь за всё себя корю
И взгляд твой грустный вспоминаю.
И в муках памяти горю,
И без тебя как жить — не знаю.

Любовь и ревность

Есть во всём закономерность —
Нету речки без излучин!
Говорят, Любовь и Ревность
От рожденья неразлучны.

Если так, то просто горе!
Нам зачем их эта верность?
Что Любовь годами строит –
Может вмиг разрушить
Ревность.

* * *

На озере —
Белые лилии.
Рождаются в грозы,
Под ливнями.
И взглянешь —
Прекрасна каждая,
Купальщица эта
Отважная.

Плывут они,
Тихие, нежные,
Ну, словно бы
Звёздочки снежные…
И ты,
Как цветущая лилия,
Среди этой белой
Флотилии.

Сирень

Горели уши,
Больно-больно,
И щёки в ссадинах,
И нос.

Но улыбался он,
Довольный,
Что снова ей
Сирень принёс.

Цветы в охапку
Дерзко смяты,
Сверкает в них
Роса огнём…
Не хмурься,
Сторож
Бородатый, —
И ты был молод
И влюблён!

Блиндаж. 1951 год

Дороги, дороги, дороги…
И вдруг —
наяву, не мираж —
У Волги, где берег пологий,
Мелькнул обгорелый блиндаж.

Здесь, видно, была переправа,
И длился отчаянный бой.
Здесь долго не вырастут травы,
Садам не одеться листвой.

Пусть так и стоит!
Пусть он будет
Как память — какою ценой
Вернули советские люди
Земле этой мир и покой.

* * *

…Всё снился хлеб,
Такой душистый –
Глаза бы мне
Не открывать!..
«Вставай, сынок!..
Опять фашисты…
Опять летят!» —
Металась мать.

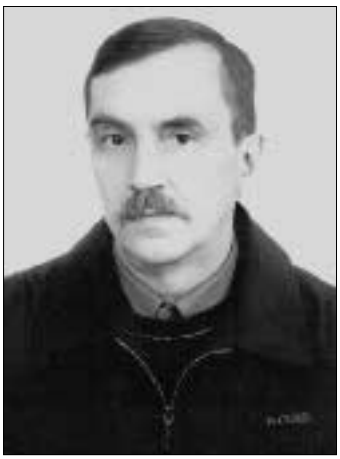
Мне было жаль
Расстаться с хлебом.
Но пушки грохали в ночи,
И, словно ножницами, небо
Кромсали белые лучи.

Я в погребушку,
Оглушённый,
Спешил за мамою бочком…
И вслед крестам
На крыльях чёрных
Грозил бессильно
Кулачком.

Лосёнок

Ой, лосёнок, лосёнок!
Вот так чудо лесное
забрело к нам в посёлок,
разомлевший от зноя.
Ты откуда, мой милый,
к нам пожаловал в гости?
Может, просто шёл мимо?
Ну, так милости просим!
Что-то крикнул шутливо
кто-то, видевший это.
И умчалось пугливо
чудо жаркого лета —
прямо к волжской излуке,
к роще, к зелени зыбкой…
Стихли в мареве звуки —
и погасли улыбки.
Словно вместе с лосёнком
красота улетела
в край зелёных сосёнок
и берёзонек белых.

Анатолий
СМИРНОВ



Родился в Рыбинске в 1957 г. Сменил не одну рабочую профессию. Закончил Московский Литературный институт им. А. М. Горького (семинар поэзии Анатолия Жигулина).
В ярославской журналистике прошёл путь от корреспондента до главного редактора областной молодёжной газеты «Юность».
Публиковался в коллективных сборниках, в местных и центральных средствах массовой информации. Автор трёх книг стихотворений: «Осенний человек» (1996), «Скверы» (2010) и «Предощущенья» (2011). Лауреат премии им. Н. Лескова.
Живёт в Рыбинске.

«Только я видел эту звезду»

Женщина

Море ночи волн седые гривы
гонит сквозь черемуховый чад…
В женщине, расплывшейся заливом, хорошо
плескаться по ночам!

Плыть, качаясь на валах неспешных,
и нырять с азартом в глубину,
прикасаясь телом многогрешным
к темному таинственному дну…

© А. П. Смирнов, 2012

Чтоб потом в ликующей истоме
целовать вспухающий живот,
слушая, как белой птицей в доме
женщина воркует и поёт!

* * *

В пятнадцать лет я выругался матом
в глазах друзей, и вспыхнул, покраснел…
Вот так, вступив в запретных слов квадраты,
вступил я вскоре в круг запретных дел:
глотал портвейн и дрался не за правду;
в постель тащил не тех, в кого влюблён;
игральному потворствовал азарту
и к подлецам стучался на поклон.
Нет оправданья в том, что жизнь сурова,
что в лабиринте не дана нам нить:
сам корень зла всегда растёт из слова,
которое нельзя произносить.

Из цикла «Звезда»

Е. С.

Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.
И. Анненский

* * *

С весёлой легкостью тротила
ты быт в пространство распылила:
порой лишь суп или компот
ко мне мгновенно капнут в рот;
всё остальное — бытиё,
где тело знойное моё
в самозабвенье исчезает,
лишь имя имя осязает,
в божественные звон и стон
сливая почвенность имён…

* * *

Возвращенье на землю из сфер Беатриче
мы с тобой провели с соблюденьем приличий:
катехизисы загса, квартирные съезды…
Но куда подевать придыхание бездны?

Вот порой и слетаем с житейского круга,
открывая для бездны наш маленький угол и
ломая дрова, прожигая кровать,
ничего не хотим на земле понимать...

* * *

...и я не тот, и ты не та,
и в этой жизни слишком грубой
лишь одиночества тщета
свела на вечность наши губы,

лишь невозможность не любить,
мечты наивное желанье.
Но надо жить и надо быть,
хоть чуть похожим на мечтанье:

лукавствовать, таить печаль,
смеяться, стлать нежней тумана...
И вдруг заметить невзначай,
что сам стал истиной обмана.

* * *

Ты слов моих не понимаешь:
то захохочешь, то зарыдаешь
от тех же самых слов
и жемчугом своих зубов
слова, как яблоки, кусаешь.

Имеешь музыкальный слух,
училась в музыкальной школе
и, верно, в слове слышишь боле,
чем смысл слогов, там трех иль двух...
А я к себе, наверно, глух.

Прости! Я буду чувства слушать внимательней,
чтоб не облечь
то, что твою пугает душу
в свою обыденную речь.
Иначе как же быть мне мужем?

Прости! Дай я сотру со щёк
слезинок росность наливную
и все, что переврать я мог,
скажу словами поцелуев.

* * *

Вагон качнулся и поплыл,
и за окном блеснула зыбко,
как бы на грани внешних сил,
твоя плакучая улыбка.

Что загадала ты сейчас,
в миг разрывающей разлуки?!
Об этом не смыкать мне глаз,
тянуть в пространство писем руки,

слова твои перевирать...
Ужасен холод расстоянья!
Ещё страшней — не понимать
молчащей женщины желанья.

* * *

Мудреца лишь мудрец понимает.
И поэта почтит лишь поэт.
А по небу звезда пролетает
и не падает, бедная, нет.
Пролетит, никогда не вернётся...
И в две тысячи пятом году
здесь, на дне мирового колодца,
только я видел эту звезду.

Из цикла «Ночи»

1

Навалилась тоска, хуже смерти,
злом бессонницы выкровив ночь,
чтобы мысли могли, словно черти,
в ступе разума душу толочь.

За окном грозоликое лето
чёрным дождиком моет листву...
Мне бы только дожить до рассвета,
а потом я всю жизнь проживу.

2

Как ни гони из сердца тени,
они всегда заманят нас

в бессонницы ночные бденья
пред Спасом, вжившимся в левкас...
Лампады жёлтое сиянье
бледнеет в розовый рассвет.
Слезой и стоном покаянья
не смыть с души греховных лет!
Пусть пьёшь отчаянье горстями, молитвя
истинную Власть,
к судьбе привязанный страстями,
и в покаянье ты лишь страсть.
К чему молитвы и проклятья?
За дни греховного пути
не покаянье, а распятье
нам предначертано пройти!

* * *

Потемнели глаза — понимаю...
Отвернула плечо — узнаю...
В каждом взгляде и жесте читаю
твою гордость и душу твою.

Но напрасно мне морщить морщины,
твою ласковость вымолить чтоб,
ты не глянешь приветно и длинно,
не заметишь нахмуренный лоб.

Для тебя не чужды мои муки,
если я их сумею облечь
в благородно текущие звуки,
в недвусмысленно ясную речь.

Я молчу, на балкон выбираюсь,
там тяну сигареты свои
и тону в немоте, задыхаюсь,
умираю для нашей любви.

Про грусть

Волосы кудрявятся на плечи,
как тюльпан, улыбка на губах —
ты идёшь к любимому на встречу
на высоких тонких каблуках.
Бриджи васильковые в обтяжку,
топик золотистый до пупка —

ты прелестна прелестью нетяжкой,
юностью воздушною легка.
Я сижу на лавочке в сторонке,
грусть свою пытаюсь превозмочь:
грустно — эта сочная девчонка
мне не одноклассница, а дочь.
Для другого счастьем ты означишь
чувств предел в недальнем далеке...
Но придешь, коль больно, и поплачешь
на моей морщинистой щеке.

Время

Асфальтом шляндал, лужи мял
в одно сиреневое лето я
и где-то время потерял,
душой за пазухой согретое.

Теперь по городу брожу
почти с восхода и до темени,
безумства дел людских слежу,
но не найду меж ними времени.

Ну что мне громкий час иль год,
ныряющий в тысячелетия,
когда в нём время не живёт,
как в речи пауз междометия?

Автомобилем сбитый пёс,
обедня смерти, жертва темени!..
Но слышу, слышу лисий хвост,
след заметающего времени.

Елена
ЧЕКУНОВА

Родилась в 1967 г. в Ульяновской области. Со школьных лет печаталась в районных и областных газетах. Подборки стихов публиковались в журнале «Русь», альманахе «Любитель природы», в альманахах переславской прозы и поэзии, в других коллективных сборниках.
Участник семинаров молодых поэтов и писателей Ярославской области при областном отделении Союза писателей России. На стихи Е. В. Чекуновой написано несколько песен.
Автор двух книг стихов, вышедших в Переславле-Залесском: «Нежность» (1993) и «Не покидай меня, Удача!» (2005). Там же совместно с Любовью Фоменко издан сборник «Мелодии женской души» (2010).
Работает в социальной сфере Переславля-Залесского.

Зимы детства моего

* * *

Никому не отдам закат!
Я его полюбила смолоду.
Он неслышно заходит в сад,
Для меня разливаясь золотом.
То порой на свидание ждёт,
Одинокий, грустит над озером,
То на встречу ко мне плывёт
По волнам, от смущенья розовым…
Никому не отдам рассвет!
Он зовёт меня за околицу,
Глянет в очи — и грусти нет,
С ним любая работа спорится.

© Е. В. Чекунова, 2012

Зажигает в полях зарю
Над стогами да над прокосами…
Хочешь, я тебе подарю
Край медовый, расшитый росами?
И пьянящий мой поцелуй
За твоим поцелуем следом…
Только зря меня не ревнуй
Ни к закатам ты, ни к рассветам.
Никому не отдам вовек
Я тебя, долгожданный суженый.
И закат пред тобой — померк,
И рассвет без тебя — не нужен мне.

Подруге

Улыбнись!
Разве нету причины?
Жизнь прекрасней любой из причин.
Грустных женщин не любят мужчины,
А какая ж весна без мужчин.
Мы пройдём, каблучками играя,
В ореоле лучей золотых
По Ростовской, от края до края,
Затмевая красой молодых.
Пусть снуют воробьи оголтело
И прохожие мимо спешат,
Лишь бы юбка как надо сидела,
Лишь бы маем искрилась душа.
Ноги в туфлях устанут, да что там!
Кудри взбиты и брови вразлет…
Будто счастье за тем поворотом
Сорок лет нас без устали ждёт.

* * *

Обжигает — не тронь —
Давней страсти огонь,
Что ещё не рассыпался углями.
Я туманы звала,
Я морями плыла,
Жар студила снегами да вьюгами…
Но всё так же горел
На высокой горе
Огневой мой цветок неприкаянный,
То смиренной свечой,
То пылал горячо.

Ты вернулся нежданный, нечаянный.
От меня прятал взгляд,
Отвечал невпопад,
Так, что нервы трещали поленьями:
Там, где в небо гора,
Ты стоял у костра,
Распалял его прикосновеньями.
И, была не была,
Я цветок сорвала,
Мы, безумцы, на чудо надеемся...
Одурманил нас дым,
В жаркой страсти сгорим!
А мечталось — любовью согреемся.

Зимы детства моего

Зимы в детстве моём бывали
Звонче нынешних во сто крат!
Всем двором мы снег разгребали,
Не хватало на всех лопат.
Мне б на санках домчаться к дому
(Как далёк мой родимый дом),
Чтобы «Здрасте» кричать знакомым,
Каждый встречный мне там знаком.
Там мы сальто крутили с крыши,
Превращаясь вмиг в снежный ком,
И гонял нас гроза мальчишек
Отставной майор — Уличком.
Затихали мы ненадолго,
А потом вновь входили в раж,
Деревянную брали горку
С диким криком: «На абордаж!»
Я штаны разрывала в клочья,
В бахрому ледяных корост,
Их сушила, латала ночью
Мама, печь растопив от звёзд...
На вопросы: «Кто заводила?» —
Я молчала, ведь я кремень.
Я полки за собой водила,
Что мне грозный отца ремень!
И слыла я непобедимой
Средь дворовой всей ребятни...
Ах, какие бывали зимы!
Зимам нынешним не сродни.

Соседи

Возьмите яблоки мои,
Соседи, шумные узбеки!
К чему нам местные бои?
Проверим все мои сусеки
И наскребём на пышный плов,
Вас угощу борщом горячим,
Не понимая многих слов,
Мы по-соседски посудачим...
В каком часу, в какой из дней
Вы приумножились, как тесто,
На тесной кухоньке моей,
Где для меня уж нету места?
И в той светёлке по углам,
Где я хранила связки лука,
Свой разложили пёстрый хлам
И в дом мой входите без стука.
С ветвей срываете плоды
Так беззастенчиво, без спроса,
И по-хозяйски у воды
Моей расселись, глядя косо.
Под небом греете моим
Свои оливковые спины...
В своём краю свой хлеб едим —
Иль в том мы, русские, повинны?
Терпенье хлещет через край,
Быть не желаю в доме пешкой!
«Моя твоя не понимай!» —
Мне отвечаете с усмешкой.
Над садом слышится: «Аллаааа!..»,
И в нём кипит чужая сила.
Вот сдуру в гости зазвала,
Что пол-Отчизны отломила!

Валерий ГОЛИКОВ

Родился в 1946 г. в селе Курба Ярославской области. Окончил Ярославский политехнический институт, затем Высшую школу КГБ. Тридцать лет отработал в органах безопасности.
Публикуется в местной периодике с 1964 г. Стихи печатались в коллективных сборниках «Четвёртая встреча» и «Ярославский сборник».
Автор поэтических книг: «Им будет нечего вспомнить» (1991), «Стихи на салфетках» (2005), «Не спрятать кольца годовые» (2011). Лауреат областной премии имени З. С. Сурикова как редактор и составитель трёх первых томов Книги памяти «Не предать забвению». Полковник в отставке.
Живёт в Гаврилов-Ямском районе.

Осеннее возвращение

Первый лось

Как неохотно умирал
Мой первый лось на той охоте!
Он мох копытами сдирал,
Подмяв берёзку на болоте.

А псы, предчувствуя конец,
Визжали, пьяные от крови,
Не понимая, что свинец
Не сразу сердце остановит.

Но он не видел ни меня,
Ни злобной драки между псами.
На землю голову склоня,
Застыл с открытыми глазами.

© В. П. Голиков, 2012

Нина
ПЕУНКОВА

Родилась в Ярославле в 1956 г.
Окончила автомеханический техникум.
В 1988—1993 гг. училась в Литературном институте им. А. М. Горького и одновременно, в 1990—1995 гг., — во ВГИКе (мастерская С. А. Соловьёва и В. Д. Рубинчика). Сняла три документальные ленты.
Повесть «Мастодонт» главной редакцией киноконцерна «Мосфильм» была отобрана в текущий сценарный портфель студии.
Работает в системе внешкольного образования в Ярославле.
Публикуется впервые.

Мастодонт

Антиутопия

Памяти моего учителя
Валерия Давидовича Рубинчика
посвящается

1

С каждым ударом звук становился всё зловещее, а он продолжал бить в бубен, танцуя вокруг костра, разложенного прямо на каменном полу. Струйки пота неприятно щекотали ему лоб, спину и грудь. Набедренная повязка из дублёной шкуры намокла и липла к телу. Но он больше не чувствовал усталости, и только осипший голос выдавал то, что он на измоте. От колкой сухости в глотке всё чаще прерывалась его гортанная песнь и переходила в хрип. Он сглатывал сухой воздух и старался не смотреть на огонь. Было черно в глазах.

Рухнула большая головня, метнувшийся в сторону язык пламени лизнул ему бедро, запахло палёным волосом.

— Довольно! — зычно приказал Государь и встал с кресла, единственного сиденья в этой каменной комнате без окон.

Тяжело дыша, шаман остановился.

© Н. О. Зубакина, 2012

— Ну, шаман из племени Рийдо, что новенького? — нетерпеливо спросил Государь, и в его голосе одновременно прозвучали страх, насмешка, вера и неверие.

Шаман провёл языком по сухим губам и сипло сказал:

— Бункер может стоять долго, но когда заиграет последний органист, Бункер рухнет. Ищите орган.

— Я это слышал ещё от твоего покойного отца. Мне незачем искать орган — все органисты перебиты ещё десять лет назад, — уже лениво проговорил Государь, погружаясь в привычное безразличие. — Дайте ему воды, — добавил он, указывая на шамана, и, развернувшись, направился к лестнице.

Свита зашевелилась и безмолвно последовала за ним. По пояс голый истопник подошёл к шаману с полным ведром и окатил ледяной водой.

Государь медленно поднимался по винтовой лестнице, прислушиваясь, как покорно шаркала следом его свита. «Проклятое подземелье... и проклятая подагра... и проклятый страх...» — подумал Государь и остановился, чтобы передохнуть. — Шарканье за его спиной резко оборвалось, и только в простенках у тусклых фонарей продолжали биться ночные бабочки. «Хоть бы похудеть, что ли... проклятые врачи...» — из-под мантии он достал батистовый носовой платок и утёр им пот с лица, лысины, жирной шеи и второго подбородка. Платок стал сырым, он брезгливо отбросил его в сторону, вынул нагрудные золотые часы и посмотрел на время. «Без четверти двенадцать. Скоро полночь. Скоро бал, а я, как крот, не могу выбраться из этой каменной норы... — он посмотрел на свои дрожащие пальцы и потные ладони, — кругом одно сплошное проклятье... скорей бы пропустить рюмочку...» Он снова зашаркал о каменные ступени и снова прислушался: шарканье за спиной оставалось послушным.

— Всё обрыдло, — пробормотал он себе под нос.

2

Когда Государь вошёл в овальный, наполненный светом зал, гул смолк и воцарилась мёртвая тишина. Чуть поодаль от стены стояло бордовое кресло, около него роилась кучка чиновников в чёрных смокингах и белых рубашках. «Жуки», — подумал Государь, подошёл к креслу, грузно повалился в него и тупо уставился в пол.

К нему плавно подошёл лакей с серебряным подносом и угодливо склонился. Государь мрачно взял с подноса серебряную рюмочку, опрокинул её в рот, поставил назад и дрожащей рукой утёр губы. Свита бурно зааплодировала. «Тоска... теперь, как положено, ритор долго будет восхвалять Бункер. Лучше бы уж сразу выводили танцовщиц, — подумал Государь. — Первый приз я отдам моей Ларочке».

На середину зала вышел ритор, открыл журнал в кожаном переплёте и хорошо поставленным голосом начал читать:

— Бункер — рай! Бункер — единственное пристанище человека во Вселенной! Вне Бункера жизни нет. И мы все готовы служить на благо нашего Бункера!..

Государь зевнул и перестал слушать.

«Лариса... пиявочка... заглянуть бы к тебе в костюмерную, да лень... Скорей бы уж ночь... Хорошо я придумал: первый приз за лучший танец дарить дважды: сначала — в постели, потом — на конкурсе. Хе-хе... Девочка моя, сегодня я надену на тебя ожерелье, которое ты сняла только утром. Как хорошо, когда один и тот же подарок можно дарить дважды. А ещё бы лучше трижды. Какая экономия!»

Он закрыл глаза и захрапел.

Заиграла флейта. На середину зала вышла босая девушка в ярком костюме и начала танцевать.

В гримёрной, за туалетным столиком, Фая втыкала в копну волос длинные шпильки с золотыми набалдашниками. Рядом Лариса подводила глаза.

— У нас обеих есть шанс выиграть. Но повезёт кому-то одной, — сказала Фая.

— Не надейся. У меня нет соперниц, — сухо ответила Лара.

Фая с недоумением посмотрела на подругу.

Государь громко храпел. Чиновники за его спиной снисходительно зашушукались. Один, он ближе всех стоял к креслу, легко толкнул Государя в бок. Государь вздрогнул, проснулся и щёлкнул пальцами. Услужливый лакей снова поднёс ему серебряную рюмочку на серебряном подносе. Государь машинально выпил. «Кажется, я всхрапнул. И чего ради я сижу здесь, как болван. Скорей бы уж в постель».

Объявили танец Фаины.

Заныли ноги: подступала знакомая, тянущая боль в суставах, и Государь не то выдохнул, не то простонал: «Проклятая подагра... Лара, грелочка моя... Лучше бы я подарил тебе ещё одно ожерелье, только бы не торчать тут и не мучиться».

Ему показалось, что с пола сильно тянет стужей, и он нетерпеливо поёрзал в кресле, ища глазами дыру, откуда могло сквозить. И вдруг увидел маленькую босую ногу.

Нога исчезла, потом промелькнула ещё раз и так близко, что он разглядел каждый пальчик и каждый перламутровый ноготок. Боль в суставах начала уходить. Он последовал взглядом за этой шустрой ножкой и увидел танцовщицу — гибкую, лёгкую, точно парящую в воздухе; от неё, как от голубки, исходила мягкая теплота, и Государь погладил свои отёкшие колени. Улыбаясь, он снова щёлкнул пальцами, ему опять поднесли серебряную рюмочку, он протянул руку, но почему-то не тронул рюмочку и замер.

Танцовщица ещё раз пробежала мимо, и его обдала тёплая волна воздуха. В танце была пьянящая радость, свежесть. Непонятная грусть сдавила Государю горло и выгнала слезу.

За его спиной пробежал шёпот:

— Государь плачет...

Он опустил голову и, крепко сожмурившись, веками выдавил эту слезу себе на мантию.

Флейта смолкла. Девушка поклонилась и убежала. Государь тихо спросил:

— Имя?

Ему так же тихо ответили:

— Фая.

— Кто следующая?

— Лариса.

— А потом? — и прежде чем ему успели что-то сказать, ответил себе сам детской поговоркой: — А потом суп с котом... — и одними губами произнёс мягкое, как пух, имя — Фая... Фая... Фая...

Вышла Лариса. Готовясь к танцу, она посмотрела на Государя и поняла, что, глядя на неё, он её не видит, а только делает вид, весь переполненный чем-то таким, что не имеет к ней ни малейшего отношения. Это взбесило и разозлило её: «Хитрая, жирная скотина: прикидывался простачком, а сам себе на уме...»

Государь сделал над собой усилие и сфокусировал на Ларе взгляд, учуял за её цепкими глазами жгучее желание удержать его. Их взгляды пересеклись, и от смущения, ему несвойственного, Государь потупил голову. Это ещё больше задело и сковало Ларису. Она пропустила первые такты, и флейтисту пришлось повторить вступление.

Колючий танец Ларисы расточал фальшь и насквозь был пропитан жаждой обладания; а танец той, другой, просто манил. В Ларисе не было живительного тока, который был у той, другой, ещё незнакомой.

Сбиваясь с ритма, путая движения, Лариса не столько танцевала, сколько следила за Государем. Он собирался уходить, жестом подозвал секретаря и негромко отдал распоряжения. Но она его услышала:

— Первый приз вручить Фае... без меня, а мне — подать машину... Что-то неможется...

Лара в замешательстве остановилась. Недоумённо замолк флейтист. Государь встал и пошёл к выходу. Лариса выбежала на улицу через служебный ход. Стояла душная летняя ночь. Подойдя к правительственным машинам, Лара решила сделать вид, что ничего не произошло, прикинуться наивной. Чёрт с ним, с ожерельем, лишь бы вернуть его, и тогда будет другое ожерелье, точно такое же, даже ещё лучше, и даже не одно, а много.

Когда Государь вышел из парадного подъезда, она приподнялась на цыпочках и приветливо помахала ему рукой, напоминая о себе и о их сговоре уехать вдвоём в резиденцию после награждения и банкета, но толпившаяся вокруг охрана оттеснила её в сторону, Государь сделал вид, что никого не видит, прошёл к машине, сел на заднее сиденье, двери захлопнулись, и кортеж двинулся.

3

Прислуга накрывала стол для банкета. Бело-розовое ожерелье лежало на подушке из чёрного бархата на высокой тумбе. Возвращаясь с улицы, Лариса прошла через зал и с завистью посмотрела на чёрный бархат.

Государево кресло пустовало. Озадаченные чиновники гурливо кучковались вдоль стен: на пятнадцать чиновников приходилось всего двенадцать девочек-танцовщиц, и две из них автоматически исключались: одна — бывшая любовница, другая — новая избранница.

В гримёрной было суетно: девочки переодевались, снимали перед зеркалом грим, накладывали крем, причёсывались, болтали, смеялись.

Фая вышла из душа в белом махровом халате, села за свой туалетный столик и начала массировать лицо подушечками пальцев.

По радио диктор объявил:

— Последние новости! Сегодня в полночь Государь присутствовал на конкурсе выпускниц в женском светском колледже. В конкурсе приняли участие двенадцать танцовщиц. Первый приз Государь присудил Фае...»

«Он положил на меня глаз», — подумала Фая о Государе и увидела в зеркало, как в гримёрную вошла Лариса. Она подошла к Фае и встала у неё за спиной. Обе девочки посмотрели друг на друга через зеркало и выдержали небольшую паузу.

— Возьми себе приз и оставь всё как есть, — сказала Лариса.

— То есть ты хочешь сказать, чтобы я взяла себе ожерелье и оставила тебе Государя, не так ли? — с мягкой иронией спросила Фая.

Лариса помолчала, потом вместо ответа спросила:

— Зачем тебе Государь?

— А тебе? — не то лукавя, не то дразня, улыбнулась Фая.

Зазвонил телефон, стоявший у Фаи под рукой, и она взяла трубку:

— Алло... Здравствуй, мама!.. Всё хорошо!.. Да... Да... Успешно... Да, выиграла... Да...

«Почему ей так везёт? У неё всё есть. А я только коплю, самую малость пожила в холе. И теперь, если Государь меня бросит, вынуждена буду вернуться домой в деревню: в грязь, в холод, в нищету. А мне семнадцать. Самое время делать карьеру, чуть промедлю — и будет поздно». — Думала Лара, не вслушиваясь в телефонную болтовню.

— Да, мама... Что папа?.. Вы меня ждёте? Я приеду завтра или послезавтра. Прикажи убрать мою комнату цветами и проследи за чистотой. В прошлый раз мне показалось, что в углу пыль.

«После Государя меня никто не возьмёт. Не принято. Дурной тон. И куда я пойду? Мне некуда идти. Кроме бабки у меня никого нет. Бабка спросит, чему я училась? И что я отвечу? И что буду делать в деревне? Ощипывать кур? Выгребать навоз? Пасти гусей? Наводить пойло?»

— Нет, нет... Это не нужно. Я хочу холодного шампанского и мой шёлковый халат, — весело говорила Фая. — Да. Позаботься, пожалуйста.

«Но я уже отвыкла от работы. Я училась танцам и любви. Я мечтала о богатстве и власти. А теперь копать, полоть, сажать, доить? Нет, не хочу — я привыкла к сытости и чистоте. Я не успела надыбать денег — вот что скверно. Впереди полная нищета».

У Лары задрожали кончики пальцев и вспотели ладони.

— Ха-ха-ха... Что?.. Никита?.. Никита так сказал?.. Ну, братишка, берегись... я поговорю с ним... ха-ха-ха... Ладно... Пока... До скорого... Целую. Ха-ха-ха...

— О погоде! — объявил по радио тот же мужской голос. — Парниковый эффект будет длиться в Бункере ещё неделю, в связи с поломкой основных кондиционеров. Ночью будет дан сброс конденсата».

Фая положила трубку.

— Зачем тебе Государь? — уже вкрадчиво повторила вопрос Лара.

— Затем же, зачем и тебе, — спокойно ответила Фая.

— Но его нельзя любить, — тихо произнесла Лара.

— Это почему же? — без любопытства спросила Фая.

— Во-первых, у него — маленькая пипка. А во-вторых, она не стоит.

Они обе в упор смотрели друг на друга в зеркало, обе казались совершенно спокойными и не двигались.

— Происшествия, — объявил мужской голос по радио. — В районе женского колледжа разыскивается особоопасный преступник. Все задержанные ночью в этом районе будут арестованы до выяснения личности».

4

Дорожки колледжа были тускло освещены, а плотно утоптанный песок слегка проминался под ногами.

«Может, всё-таки лучше вернуться на банкет? И поприсутствовать для приличия? Ещё подумают, что я возгордилась? Пусть думают...»

Фая посмотрела вверх, на застеклённый купол Бункера, и сквозь запотевшие стёкла увидела матовую луну. «Скорей бы давали конденсат — духота неимоверная». Где-то в глубине сада вскрикнул павлин, а может, это за оградой взвизгнула машина. «Зачем мне этот старый жирный Государь? Чего ради цапаться из-за него с Ларкой?» Под ногой что-то хрустнуло. Она слегка наклонилась: под каблуком треснул прозрачный и тонкий осколок лампы. «Дворники совсем обленились...»

Фая выпрямилась и обернулась. Все окна колледжа были ярко освещены, было видно, что в зале уже кружились пары, и только у крайнего, раскрытого на одну створку

окна стояла от всего отрешённая Лариса. У парадного подъезда швейцары распивали бутылочку.

Фая медленно пошла по узкой аллее. Поравнявшись с огромным сухим дубом, она подняла голову и в голых, корявых, широкораскинутых ветвях увидела сгусток тьмы, очерченный в птицу. Бесплотная иссиня-чёрная птица растопорщила крылья, потом сложила их, нахохлилась и моргнула фосфорическими глазами.

От испуга Фая попятилась и побежала, но не к корпусу колледжа, а к воротам. Чугунные ворота были чуть приоткрыты. Сидя на корточках, привратник спал, но секиру держал в руке крепко. Фая вышла за ворота, пересекла дорогу и двинулась по тротуару вдоль жилых домов.

Сзади раздался вой сирены, несколько полицейских машин промчались мимо, но одна остановилась, и из неё выскочили трое.

Фая свернула за угол, быстро побежала и наткнулась на малярную лестницу, приставленную к стене здания с небольшой нишей для статуи. Она взлетела вверх по лестнице, оттолкнула её от себя ногой — и лестница с грохотом упала на асфальт. Фая встала в углубление стены и затаилась. Свистя, пробежали мимо полицейские. И всё неожиданно стихло.

Человек, что-то тихо насвистывая, не спеша приближался к дому с нишей. Фая сначала замерла, потом, когда он был совсем рядом, крикнула:

— Эй!

Мужчина остановился и посмотрел вверх.

— Помоги мне слезть отсюда.

Он молча поднял лестницу, приставил её к стене — и, когда Фая спустилась до половины, протянул ей руки. Опираясь о его плечи, Фая прыгнула. Он легко подхватил её и не сразу выпустил.

— Кто такая?

Где-то недалеко раздался полицейский свисток, за ним топот ног.

— Бежим! — сказала Фая.

— Куда? — спросил мужчина.

— К тебе, конечно.

Она схватила его за руку, и они побежали. С визгом пронеслись патрульные машины. Зашумел мелкий конденсат, и в воздухе зарябило.

5

Комната могла бы казаться чистой, если бы не стены: сальные, изрисованные чёрной краской, с пробоиной, заколоченной фанерой. За стеной были отчётливо слышны бой барабана, топот, крик, скрип и сладострастные стоны.

Седые волосы хозяина опускались до плеч, но он не был стар.

Фая спросила:

— Говоришь, это общежитие для нищих? А кто разрисовал стены?

— Те, кто здесь жил до меня.

— Ты не сказал мне, как тебя зовут. Ах да, вспомнила! Ты — мусорщик по кличке Мастодонт, или попросту Маста. Как я тебя сразу не узнала. Ты же чистишь помойки. Не так ли? — Фая села на диван. — Хорошо или плохо, когда женщина всё знает?

— Значит, ты всё знаешь? — Маста зажёг керосинку, притулённую в углу. — Сейчас я приготовлю кофеёк. Значит, ты всё знаешь? — повторил он и хитро прищурился. — А что такое ветер, знаешь?

— Нет.

— А дождь?

— Нет.

— А снег?

— Нет. А ты знаешь?

— Не знаю, — печально вздохнул он.

— Зачем же спрашиваешь у меня? — рассердилась Фая. — Меня не учили разгадывать загадки, на которые нет ответа.

— А чему тебя учили? — примирительно спросил Мастодонт, доставая из старого буфета металлическую кофеварку с деревянной ручкой.

— Меня учили искусству танца и искусству любви, — и, не меняя интонации, добавила: — Здесь очень экзотично. Ты не будешь возражать, если я останусь у тебя до утра?

— Конечно, нет. Располагайся и будь как дома.

Фая встала, прошлась по комнате и, пока Маста стоял к ней спиной, склонившись над керосинкой, подошла к стене с заплатой, чуть сдвинула фанеру в сторону и заглянула в щель. В прокуренной комнате несколько крепких парней, скрестив по-турецки ноги, сидели на полу. Перед ними была водка, картошка и хлеб. Они о чём-то спорили. Ещё один парень бил в барабан, заглушая женские стоны: за пустым книжным стеллажом, похожим на решётку, двое обнажённых, он и она, ласкали друг друга на скрипучей койке без одеяла и без стеснения. Посреди комнаты трое мужчин плясали какой-то дикий танец.

— Посмотри, какой красивый у меня буфет, — громко сказал Маста, повернувшись к Фае с кофеваркой в одной руке и с полотенцем в другой.

Застигнутая врасплох Фая вздрогнула, задвинула фанерой дыру и с чувством неловкости отошла от стены.

— Каждое утро я говорю ему: «Буфет, я люблю тебя!» — договорил Маста как ни в чем не бывало.

— Завтра ты ему это тоже скажешь? — с показной развязностью пробормотала Фая.

— Обязательно. А что бы ты над нами не смеялась, я шепну ему это на ушко.

— Интересно, где у буфета уши? — поддержала разговор Фая, присаживаясь к столу.

— Догадайся.

— А если я недогадливая?

— Твои проблемы, — сказал Маста, выставляя на стол угощения: сахар, баранки, сухари. — Он налил и пододвинул ей полную чашку дымящегося кофе.

— А как же мы с кофейком уснём? — спросила она.

— Э-э-э... что с кофейком, что без кофейку — спать не придётся.

— Это почему же?

— Соседи гудят. Разве не слышно?

— Да-а-а... жизнь тут, конечно, весёлая. Ты, наверно, никогда не скучаешь?

— Нет. От скуки мне не подохнуть. Подыхаю от веселья.

Они замолчали. Фая взяла кусок сахару, опустила его в чашку. Мастодонт смотрел, как она медленно размешивает сахар, как медленно подносит чашку ко рту, как делает первый глоток. Смотрел и улыбался: она напоминала ему гибкую ветку берёзы с набухшими почками.

— Страшно... здесь... — сказала она потупясь.

— Бойся на свете двух вещей: холеры и Государя, а всё остальное — ерунда, — сказал он.

Фая резко подняла голову и внимательно посмотрела на него, оглаживая взглядом седые волосы, размётанные по плечам, и тонкие бледные губы. Он тоже смотрел на неё. Потом спросил:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать. А тебе?

— А мне — сорок.

— А что случилось с твоими соседями?

— А что с ними могло случиться? — переспросил Мастодонт. Прислушался и удивился: за стеной было тихо.

Поднявшись из-за стола, он подошёл к заплатанной дыре, сдвинул фанеру и заглянул в щель: комната была пуста.

— Отлично! Они куда-то ушли.

— Я устала. Где я буду спать?

— На диване.

— А ты?

— Не переживай. Я найду себе место. Раздевайся, я выйду.

Когда погасили лампу, лунный свет отпечатал на полу квадрат окна.

Засыпая, Фая подумала: « Маст... а он... красивый...»

Девушка ровно дышала, когда Мастодонт вернулся в комнату. Он бросил на пол фуфайку и лёг, подложив под голову руку.

На улице с воем пронеслись патрульные машины.

6

Бойко шкваркала сковородка. Окно было чуть приоткрыто, и с улицы доносился шум дороги. Мастодонт в фартуке хлопотал у керосинки и, когда увидел, что Фая открыла глаза, снял со спинки стула её колготки, обернул ими шею и легко отбил чечётку.

— Перестань дурачиться и повесь на место мои колготки, — сказала Фая вялым утренним голосом.

— Колготки? Какие колготки? — удивился Мастодонт.

— Какие у тебя на шее.

— Я думал, это шарфик, — виновато сказал Мастодонт и повесил колготки обратно.

— Отвернись, мне надо одеться.

— Он с готовностью подчинился, отошёл к керосинке и помешал на сковороде картошку.

Картошка уже зарумянилась, он подлил в неё масла и разбил два яйца.

— Всё. Можешь поворачиваться.

Мастодонт со сковородкой и подставкой подошёл к столу.

— Завтрак готов, сударыня.

— Покажи мне, где здесь уборная.

— А-а-а... сейчас, сейчас, — засуетился он. — Пойдём, это рядом.

В конце коридора была косая дверь.

— Сюда, — сказал Мастодонт. — Но тут есть маленький секрет: наверху, под потолком голубятня, так что ты, когда войдёшь, возьми в углу зонтик и раскрой его. Поняла? А то голуби могут капнуть — неудобно получится.

Фая вошла в тесный туалет, раскрыла стоявший в углу зонт с прозрачной полиэтиленовой обтяжкой. Вылетевший откуда-то голубь капнул на зонт.

— Ой, маленький приветик! — прокомментировала Фая.

Мастодонт ждал её в комнате с полотенцем на плече.

— Позвольте проводить в душевую, — сказал он с угодливостью слуги.

— У вас ещё и душевая имеется?

— Конечно!

— И тоже с голубями?

— Нет, с крысами, но они очень добрые, почти что ручные

— Большое спасибо, — сказала Фая и села за стол. — Вы хоть бы кошку завели, что ли.

— В общежитии запрещено держать кошек. От них грязь, — сказал Мастодонт, раскладывая по тарелкам картошку и яичницу.

— Да? А крысы что делают?

Маста подал ей алюминиевую вилку и тупой нож.

— Скучно без музыки, — сказала Фая.

— В Бункере музыка запрещена. Только флейта для знати и барабан для плебеев.

Маста пошёл её провожать. Утро свежее, но день обещал быть душным. Старый асфальт был бледно-розовым на солнце и лиловым в тени. Не разговаривая и не касаясь друг друга, они шли рядом, и Фае казалось, что её плечи окутаны его томящейся теплотой, и оттого у неё под ногами поплыла земля.

«Если бы эта дорога никогда не кончалась, я могла бы идти вечно», — подумала она.

Под тополями у чугунных ворот колледжа они остановились. Она заглянула в его чистые глубокие голубые глаза.

— С тобой уютно... у тебя такие родниковые глаза.

— Теперь мои глаза будут видеть только тебя. Приходи ко мне ещё.

— Непременно... — сказала Фая, зная наверняка, что больше она его никогда не увидит.

Сторож открыл ворота, и она пошла к парадному подъезду колледжа. Навстречу по аллее шла с чемоданом Лариса. Когда они поравнялись, Лариса, проходя мимо, отвернулась, а Фая опустила голову.

В дверях Фаю встретил секретарь, поклонился и подал конверт от Государя. Безразлично приняв конверт, она попросила приготовить ей ванну и через час вызвать такси.

7

Ему безумно хотелось взлететь. Он глубоко вздохнул, посмотрел на застеклённый купол Бункера и, раскинув руки, быстро побежал. Бежал долго, не чувствуя усталости, и только у стен монастыря перевёл дыхание и уже шагом спустился к озеру.

На берегу под ракитой сидел инок:

— Здорово, Маста.

— Здорово, Прохор, — ответил Мастодонт. — Ты что тут делаешь?

— Тебя жду.

— С чего ты взял, что я приду?

— Предчувствовал.

Маста сел рядом, разулся и, когда его горячие ступни коснулись прохладной мягкой травы, полной грудью втянул в лёгкие приозёрный воздух и прислушался. В заводи плеснулась большая рыба.

— Мне бы надо на молебен, а я здесь прохлаждаюсь. Нарушаю устав, — мрачно сказал Прохор.

— Ну и нарушай себе на здоровье, — подбодрил его Маста.

— Не ангельскую слышу речь, — ответил инок.

— Что? — не расслышал Маста, потому что опять прислушался к всплеску воды.

— Я говорю, что твоя жизнь — это сплошная тоска по жизни.

— Ты тоже в радости не купаешься.

— Радость — великое таинство, с весельем ничего общего не имеющее.

Они оба поднялись с травы и тихо пошли перелеском вдоль берега.

— Сегодня у меня спала прелестная девочка... — загадочно начал Маста.

— Ты хочешь сказать, что сегодня ты спал с девочкой? — перебил его Прохор.

— Нет. Я с ней не спал, но я в неё влюблен.

— Забавно.

— Эта девочка...

— Все девочки одинаковы, — опять перебил его Прохор. — И все они устроены примитивно.

— Ты знаешь, какая она!.. — мечтательно вздохнул Маста.

Прохор посмотрел на него пронзительными глазами и холодно обрезал:

— Есть такой закон: желание нельзя желать.

— Почему?

— Не сбудется.

— Что же нужно?

— Желание нужно знать. Но ещё лучше ничего не хотеть. Так-то, Маста.

— Почему ты никогда не называешь меня по имени, даже когда мы одни? Моё имя...

— Молчи уж. Твоё имя может стоить тебе жизни.

— Не понимаю: почему запретили музыку, почему разобрали все органы, почему перебили всех органистов. Объясни. Ты ж якшался в высших эшелонах, — быстро и нервно проговорил Маста.

— А почему ты не на помойке? Ты должен сейчас убирать мусор.

— У меня выходной. Говори. Ну, — с угрозой сказал Маста.

— Раньше я, как и ты, писал музыку, потом стал чиновником, теперь я монах, — с невозмутимым спокойствием ответил Прохор. — И вот что я тебе скажу: самая лучшая правда — это удобная ложь.

— Слыхал. Ты скажи мне... — преградил ему дорогу Маста и взял его за грудки

— Что я должен тебе сказать? — перешёл в наступление Прохор. — Я знаю то же, что и ты: из Бункера выхода нет. Бункер герметичен. И это наш удел. Единственное, что я мог сделать, — это выправить тебе документы мусорщика по кличке Мастодонт. — И вот благодарность.

Маста опустил руки и уже тихо сказал:

— Бункер расположен на берегу моря, за Бункером — гора, а за горой другая жизнь...

— Какая другая?

— Вольная...

— С чего ты взял?

— Люди болтают.

— Враньё...

— Тут мне намедни покойная мать приснилась.

— Покойник снится — поминанья требует.

— Будто я убегаю из Бункера, за мной погоня: стрельба, крики, лай собак. А мать в стороне стоит, точно наблюдает. Я петляю по задворкам, подворотням — следы заметаю, а сам уж на измоте. Задыхаюсь, сердце колотится, а всё бегу ног не чуя. И очутился в запретной зоне — у стены Бункера. Ночь. Тьма-тьмущая. Слышу только рёв моторов. Оглядеся — а я в огромном тоннеле. С зажженными фарами идёт тяжёлая техника. Чтоб не

заметили, я прижался к стене. Точнее, размазался по ней, как масло, и рукой нащупал проём. Я туда свернул. А это то ли шахта, то ли коридор. Я иду по нему, иду, а он всё сужается. Я уже боком продвигаюсь, а он всё уже и уже, совсем как расселина стал. А впереди — свет, прохладой тянет. Я протискиваюсь вперёд — стены сдавливают всё сильней. Подкатило удушье. Последнее усилие — и я на берегу моря! От радости я заорал что есть мочи, рванул по кромке воды, задрал голову, раскинул руки. Простор! А вокруг — ни души. Я один. И волны плещут. А чего мне тут одному-то делать? Жутко стало. Прохлада сжала глотку, точно тисками, — и не отпускает, хуже расселины. Я подумал: «Скорей назад. К своим. В Бункер». Бросился к шахте, а самое узкое место чем-то плотно заткнуто. Я стал это что-то ощупывать, и… это была ещё мягкая, но уже мёртвая рука моей матери. Значит, она пошла за мной и погибла. Я отпрянул. От ужаса, что проход перекрыт трупом моей матери, я завопил, зарыдал и… проснулся в холодном поту.

— Мне пора на молебен, — безразлично сказал Прохор и повернул к воротам монастыря.

— Думаешь, Бог есть? — спросил Маста ему вслед.

Прохор шёл быстро, путаясь ногами в широком и длинном подоле чёрной рясы.

«Вот и поговорили старые друзья. В самом деле: пора на помойку», — подумал Маста и, расстегнув ворот рубашки, пошёл по вымощенной булыжником дороге. Проехавшая машина подняла клубами пыль. Маста чихнул и услышал за спиной пацанью дразнилку:

— Маста-Маста-Мастаду-у-ун, Маста-мусорщик-перду-у-ун!

Он обернулся: гурьба мальчишек, ритмично распевая дразнилку, шла за ним по пятам, выдерживая небольшую дистанцию.

Маста пошёл быстрее, делая вид, что не обращает на них никакого внимания.

Кто-то бросил в него камень и не попал. Потом ещё один камень пролетел мимо, потом ещё и ещё. Потом один угодил в спину, другой — в плечо. Маста побежал, толпа мальчишек — за ним.

Он юркнул в незнакомую подворотню, куда-то повернул, перелез через забор, прошёл узкий переулок, тёмный коридор, спустился по лестнице вниз, открыл тяжёлую дверь, переступил порог — и оказался в огромном сумрачном зале.

Сверху, через узкие длинные окна, падали на пол косые столпы света, освещая скопище людей и собак, — все они что-то делали: кто-то копошился, кто-то говорил, кто-то пил, ел, спал, кто-то испражнялся, кто-то сношался, кто-то смеялся, и на каждом лице была печать глубокой патологии.

Потрясённый Мастодонт, вместо того чтобы повернуть назад, шагнул вперёд и пошёл в глубь зала, медленно втягиваясь в кутерьму не обращавших на него никакого внимания полоумных. Этот зал волновал и что-то напоминал ему, и он мучительно пытался понять: что?

Когда в пыли и мраке он увидел в конце зала орган, его захлестнула горячая волна восторга. Маста сорвал с пульта закоржелый от грязи чехол, включил меха, сел на табурет, пятернёй зачесал назад волосы и заиграл, покрывая музыкой гул и смрад этого людского гноища.

8

За окном такси мелькали встречные машины, дома, быстро пробежала трамвайная остановка, где в строгом костюме стояла Лариса с чемоданом. Фая успела стрельнуть на неё взглядом и подумала: «Чего мы схлестнулись с ней из-за этой развалины, Государя?»

Она откинулась на спинку сиденья и включила вентилятор. Душный воздух пришёл в движение, обдул лицо, разметал челку, и Фая заулыбалась.

На остановке скопилось много людей. Трамвай, набитый битком, прокатил, не останавливаясь, и вдруг у него прямо на ходу отвалилось заднее колесо и по инерции покатилось прямо на толпу. Никого не задев, колесо со всего маху врезалось в угол крытой остановки. Мгновение спустя кто-то крикнул:

— Э! Мы в рубашке родились! Это колесо могло кое-кого перекалечить.

Когда подошёл другой трамвай, толпа стала давиться и толкаться. Лариса смогла забраться на подножку.

Маленький худой модельер лебезил, подавая то накидку, то мех, то шляпку, то закалывая на отвороте украшения, то поправляя складки подола, а она, высокая, гибкая, немолодая, поворачиваясь перед зеркалом, придирчиво примеряла наряды, швыряя в сторону то, что, на её взгляд, не подходило, и одобряла наклоном головы то, что ей нравилось.

— Дорогая, поторопись. Машина уже въезжает, — сказал бодро вошедший мужчина, холёный, подтянутый и одетый ей под стать.

Чуть отступив от зеркала, она окинула себя взглядом, осталась довольна, взяла под руку мужчину, и они вышли из белой гардеробной.

В лобовое стекло Фая увидела своих родителей, торжественно выходящих ей навстречу: оба высокие, красивые, роскошно одетые.

Машина остановилась. Лакей открыл дверцу. Фая вышла и церемонно обнялась с подошедшими к ней матерью и отцом.

— А где братишка? — спросила она, поднимаясь по мраморным ступеням.

— Никиты не будет, — холодно пояснила мать. — Он на турнире. Мы с папой решили, что шахматы в его возрасте — это хорошо. Пусть пока играет, а там видно будет, — заключила она, интонацией давая понять, что больше к этой теме возвращаться не нужно.

Они вошли в гостиную. Стол был накрыт на три персоны. У стола стоял музыкант с флейтой. Возбуждённая ездой и радушным приёмом, Фая широко улыбалась.

Когда все сели за стол, отец сделал жест, и флейтист заиграл. Слуга открыл бутылку шампанского и наполнил фужеры.

— За тебя, Фая, — сказал отец, поднимая бокал, — за выпускницу колледжа и победительницу конкурса.

— За избранницу Государя! — поправила его мать.

Зазвенел хрусталь.

От выпитого у Фаи слегка закружилась голова. Закусили сыром. Подали тушёного поросёнка с овощами, украшенного зеленью. Звякнуло столовое серебро.

— Папа, что такое дождь? — неожиданно для себя спросила Фая.

— Конденсат, — строго ответил отец.

— А ветер?

— Вентиляция.

— А снег?

— Открой морозильник и посмотри. Но слова «дождь», «ветер» и «снег» — архаизмы.

— И вообще, что за странные вопросы? — недовольно, с оттенком беспокойства спросила мать. — Разве этому тебя учили? Пора думать о другом: приз Государя означает предложение разделить с ним трон. Пора думать о власти.

— А когда же думать о любви? — пошутил отец.

— Главное достоинство мужчины — деньги и власть. А любовь всегда можно присочинить.

— Ты и меня так оцениваешь? — уже настороженно спросил он.

— А разве ты не мужчина? — вкрадчиво, вопросом на вопрос ответила мать и заглянула ему в глаза.

Последовало молчание. Подали лангет с острым соусом и кинзой.

— На улице духота неимоверная, — сказала мать.

Отец не отозвался и продолжал спокойно есть.

— Когда исправят кондиционер? — продолжила начатую тему мать.

— На днях, — коротко ответил он.

И опять наступила пауза.

Подали салат из свежих помидоров. Салат ели неохотно.

Салат унесли.

Подали маслины и черную икру в розочках из сливочного масла.

— Налейте шампанского, — пытаясь оживить беседу, сказала мать.

Шампанское выпили молча.

— Папа, а почему в Бункере запрещена музыка?

— В Бункере постоянно звучит музыка: флейта — для знати и барабан — для плебеев, — ответил отец менторским тоном.

— Но почему?.. — недоговорила Фая.

— Потому что! — строго оборвал её отец. — Все остальные инструменты вызывают нежелательный резонанс Бункера как конструкционного сооружения, — уже мягче пояснил он.

Подали мороженое со свежей клубникой и ананасами.

— Наш папа очень талантливый инженер, но совсем не понимает шуток, — нежно улыбаясь ему, сказала мать.

Не затрудняя себя ответом, отец поддел ложечкой мороженое.

«Сейчас бы таракана на стол — сразу бы стало веселее», — подумала Фая.

Все молчали.

Подали кофе с коньяком, лимоном и сахаром.

— Хочу купить себе белую кобылу, — с наигранным спокойствием сказал отец.

— Где? — охотно поддержала разговор мать.

— У Рийдо.

— У них бешеные цены.

— Но их лошади того стоят.

— Не советую тебе связываться с Рийдо. Паршивый народец. Не понимаю, почему Государь не разворошил их гнездо?

— Он пользуется услугами шамана.

— А я думала, что суеверие давно изжито.

— Это не суеверие.

— А что же это?

— Каприз.

— Твоя кобыла тоже каприз?

— Нет. Страсть, — с вызовом посмотрел на неё отец и сделал слуге знак рукой.

Ему подали сигару. Он закурил и вышел из-за стола. Следом за ним вышла из-за стола мать.

Фая осталась одна. За её спиной выжидательно стоял лакей в белых перчатках. Ещё на неё молча смотрела напольная скульптура кошки из зелёного нефрита, стоящая под разлапистой пальмой. Фая дала знак флейтисту, он прекратил играть и ушёл.

Стало тихо. Фая вспомнила, как в детстве Никита привёл её к этой кошке и сказал: «Это магическая кошка. Если ей на ухо прошептать заклинание и загадать желание, то желание сбудется». «Прошепчи», — попросила Фая. Никита приставил ладошки к зелёному уху и прошептал: «Зелёная пальма, зелёная кошка, зелёный я, маси-биси-муси», — и обратился к Фае: «Загадывай». Фая наклонилась к уху кошки и шепнула: «Хочу стать танцовщицей».

Мелодично забили куранты.

Фая поднялась из-за стола, подошла к нефритовой скульптуре, присела, обняла ее за гладкую холодную шею и прошептала в ухо:

— Зелёная пальма, зелёная кошка, зелёная я, маси-биси-муси, хочу увидеть Мастодонта.

Лакей тихо убирал со стола приборы. Фая приоткрыла штору и посмотрела в окно. Опять сбрасывали конденсат, так тихо, что он даже не стучал по стёклам, но лужи рябило, и по дорожке сада горничная прошла под зонтиком.

Водитель объявил:

— Конечная.

Лариса вышла из трамвая, тупо посмотрела вперёд и подумала: «Ну и глухомань». Всё вокруг казалось ржавым: и закат, и деревня, и поле. Только за полем серебрилась глухая железобетонная стена Бункера, к которой жалось селение Рийдо.

По зыбкому мостку она перешла ржавый ручей и по ржавой тропинке пошла к деревне.

Двор тоже показался ей ржавым. Навстречу спешила с огорода бабка и, вытирая о фартук землю с рук, смахнула слезу с загорелого морщинистого лица.

— Лариса... внученька моя... вернулась... теперь уж поди навсегда... ну, здравствуй, здравствуй... — обнимала и целовала её бабка. — Пойдём в избу, я тебя покормлю, Ларочка... внученька...

В доме пахло топлёной печкой. Бабка засуетилась: гремела ухватом, заслонкой, выставила на стол чугунок с картошкой.

— Чем тебя потчевать? Может, малосольного огурчика дать? У меня есть. Для тебя солила.

Бабка поставила перед ней тарелку с огурцами.

Лариса сидела на лавке и молчала.

— Сейчас я тебе молочка из подпола достану. Свежее. Козье, — хлопотала бабка.

— Бабушка, не надо. Я ничего не хочу. Я лучше лягу спать, — сказала Лариса.

— Ну, ложись, ложись. Завтра с рассветом на покос пойдём.

— Завтра я бы хотела отдохнуть.

— Вот и отдохнёшь. Косьба, она самый лучший отдых, — ласково приговаривала бабка, стаскивая с полатей лоскутное одеяло. — Я тебе ещё мешок сена внесу, от сенного духа спать будешь сладко, крепко.

Лариса закрыла лицо руками и зарыдала. У её ног тёрся старый чёрный кот, он выгибал спину и хоркал, прижмуривая один желтый светящийся глаз и один мутный, затянутый бельмом.

Скрипя половицами, бабка подошла к внучке и, гладя её тёмной шершавой рукой по голове, легонько толкнула ногой кота:

— Узнал, шельмец. Поди, поди, не до тебя сейчас.

Вечером Фая босиком слонялась по комнатам дома и, вспоминая Масту, думала: «Мне без него неповадно».

За дверью гардеробной она услышала флейту и голос матери. Приоткрыв дверь, заглянула: в углу играл флейтист, мать перед зеркалом примеряла новые платья, вокруг неё увивался неказистый модельер.

— Можно? — спросила Фая.

— А-а-а, Фая! Ну-ка, посмотри на мои обновы.

Фая вошла и села в кресло.

Не отрываясь от примерки, мать одновременно начала наставительно говорить:

— Ты стала совсем большой. Девочки взрослеют быстрее, чем мальчики. Никита ещё ребенок, а ты... ты должна знать себе цену. Помни: ты дорогая женщина. И тебе нужен богатый мужчина, который сможет тебя содержать, развлекать, дарить ценные вещи...

Мать кружилась перед зеркалом в одном наряде, потом заходила за ширму, молниеносно с помощью модельера переодевалась и выплывала — уже в другом. Опять кружилась, прихорашивалась, любуясь собой, а перед ней ходил, кружился и угодничал тощий модельер.

Фая, прищурясь, смотрела на движения матери как на грациозный танец сытой хищницы.

— А любовь — вещь лишняя. Любовник — это другое. И если у женщины есть голова на плечах, у неё будет и любовник. Запомни: все мужчины одинаковы, и все они устроены примитивно: кроме постели их ничего не волнует. Мужчина — это животное, но любит, чтобы с ним обращались, как с Богом. Мой тебе совет: прикинься овцой, это Государю понравится. Будь с ним ласковой, во всём ему потакай, угождай, а уж потом своё возьмёшь. Главное сейчас — не упустить случай. Лови момент. Ты на пороге счастья. Когда я с твоим папой гуляла, знаешь, какой я была паинькой! Он до сих пор, когда вспоминает, плачет. Говорит: «Вспомни, какой ты была и во что ты превратилась». Главное — выйти замуж, а там своё наверстаешь: будешь закатывать сцены ревности и коварства. В душе ты должна чувствовать себя роковой женщиной, быть уверенной в себе. В уверенности — залог успеха. Сбывается только то, в чём ты уверена. Это простая истина.

— А где папа?

— Папа? — Мать остановила свои кружения, модельер с флейтистом тоже выжидательно замерли. — А-а-а... папа! Папу срочно вызвали на работу. Что-то там стряслось. Кажется, Бункер дал трещину. Но точно не знаю. Я не вникала. — И сузив свои раскосые глаза, внимательно посмотрела на Фаю: — От Государя тебе ещё не было приглашения?

— Нет, мама.

— Ты, наверное, устала?

— Да, мама.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мама.

Шурша фалдами юбки, мать проводила её до двери. Фая спокойно вышла из гардеробной, но, выйдя, стремительно побежала по коридору, повторяя вслух:

— Тоска... тоска... какая дикая тоска...

Обдувая подолом мраморную лестницу и мелькая по ступеням перламутровыми ноготками, она сбежала вниз, в дверях столкнулась с горничной, нёсшей полную вазу слив, они рассыпались и раскатились.

На аллее парка стояла открытая легковая машина, Фая села за руль и поехала. У ворот привратник спросил:

— Вы куда? Уже поздно.

— Открой. Мне. Ворота, — твёрдо, ставя точку после каждого слова и с угрозой в голосе сказала Фая.

Привратник посмотрел на неё с испугом, открыл ворота, и машина, взвизгнув, выехала на дорогу.

Маста с расстёгнутым воротом сидел за столом и, воодушевлённо дирижируя, что-то быстро записывал на нотную бумагу.

У общежития для нищих Фая остановилась и вышла из машины. Стеклянные двери, за которыми спал вахтёр, были заперты. Фая постучала. Вахтёр открыл один глаз и, не поднимаясь с места, спросил через стекло дверей:

— Чего надо?

— Пропустите.

— Не положено: поздно уже, — прохрипел он недовольным сонным голосом.

Фая вынула из кармана купюру, плюнула на нее и прилепила к стеклянной двери. Вахтер молча встал, открыл дверь, отлепил купюру и, ни о чём не спрашивая, дал ей пройти.

Идя по коридору, она слышала, как за её спиной, у туалета, громко ругались две женщины:

— Извините, мадам, но я вошла после вас в уборную — и всё сиденье было обоссано. Если вам неприятно это слышать, то мне ещё неприятнее на это садиться...

У знакомой двери Фая замерла и робко постучала. Ей никто не ответил. Она толкнула дверь и вошла.

— Ты!.. — отрываясь от листа бумаги, прошептал Маста.

— Да... — прошептала Фая, — погаси свет и раздень меня...

Ритмично жжихали косы: широким взмахом скашивая траву, Лара шла за бабкой и не отставала.

Солнце ещё не поднялось из-за стены Бункера, но свет уже проникал через решётчатый стеклянный купол, и туман над озером редел. Стрекотали кузнечики, в перелеске куковала кукушка, у воды квакали жабы.

Докосив ряд, бабка утёрла со лба пот и посмотрела на Лару. Лара прислушалась: вся округа была заполнена монотонным гулом.

— Бабушка, что это?

— Колокола гудят.

— Где?

— На том берегу, на монастырской колокольне. Звонить в них запрещено, вот они от скуки сами по себе и гудят.

— А ты в Бога веришь? — спросила Лара.

— Как не верить: что Бог, что человек — всё едино. Мы с Богом-то равны, — монотонно бормотала бабка, натачивая косу.

— Мы — в Бункере, а Бог — на свободе. Где ж равенство?

— В судьбе. У нас — своя судьба, у Бога — своя. Может, он своей судьбе тоже не рад, да деваться некуда. И тем же тоном добавила: — Ты на пяточку косы нажимай сильней, трава-то податливей и пойдёт.

Лариса несколькими взмахами косы докосила свой ряд, перевела дух и деловито спросила:

— А теперь куда?

— Вон на ту ложбинку, — махнула рукой бабка, и, положив косы на плечи, они пошли берегом.

— Нынче в лесу грибов много, примета плохая, не к добру, — говорила на ходу бабка.

Послышался конский топот: на белых лошадях скакали шаман и парень — оба смуглые, в набедренных повязках.

Шаман осадил лошадь и крикнул старой:

— Извини, спешу. Вечером загляну к тебе — дело есть.

И всадники повернули к лесу.

— С кем это шаман? — спросила Лара.

— С сыном. Нечто забыла? Сын у шамана — жених завидный, ладный. Могу сосватать.

— Ну что ты, бабушка.

— А что?..

— Да он ростом маленький...

— И маленькие на дорогах не валяются, и большие звёзд не хватают.

— Я же всё-таки училась...

— Училась. А что такое снег, дождь, ветер, знаешь?

— Нет. А что это?

— Сама не знаю. Хотела тебя спросить, думала, тебя учили? Чему же учили?

— Манерам.

— Давай поспешать, а то роса спадёт, — вздохнула бабка.

Родные места уже не казались Ларе ржавыми, она тоже вздохнула, хоть ещё и не радостно, но уже легко.

На растормошенную кучу мусора слетелись жирные мухари. Рядом с помойкой стояла грузовая машина, и мусорщики в лёгких портках и жёлтых жилетах на голое тело поддевали вилами и кидали в кузов плотно слежавшуюся гниль. Вслушиваясь в звучание своей органной пьесы, Маста с суровым спокойствием метал мусор, а видел изгиб её спины, вспоминал её беспокойный шёпот, её стон, содрогания, её прохладную шёлковую кожу.

В самом низу слежавшийся мусор был сырой, и, когда его поднимали на вилы, с него текло. Из полого угла выскочила толстая крыса, а гнездо с крысятами полетело в кузов, уже наполненный с верхом.

— Поднимай борта, — крикнул кто-то.

У машины закрыли борта, шофёр завёл мотор, и машина уехала.

Мусорщики встали в кружок, сняли голицы, достали папиросы и закурили. С воем промчались полицейские.

— Что случилось, кто знает? — глубоко затягиваясь, устало спросил один из рабочих.

— Говорят, Бункер дал трещину, — ответил другой, сплёвывая.

— Чего ж полицейских булгачить? Пригнали бы хвалёных инженеров.

— Инженеры пьянствуют, знамо дело.

— Хрен с ней, с трещиной, чинили бы кондиционер, — духота измотала.

Маста посмотрел вверх: сквозь сальные стёкла купола нещадно палило солнце.

К помойке подошёл порожний грузовик, и шофёру крикнули:

— Давай, давай ещё... подпячивайся...

Лакей с поклоном подал ей на подносе конверт, на котором по середине крупными буквами было написано: «Фае», а сверху — маленькими: «Второе уведомление Государя».

— Второе? А где же первое? — удивилась мать, вскрыла письмо и быстро пробежалась по тексту глазами.

— Фая, — закричала она, вбежала в комнату дочери и увидела, что та ещё спит. — Фая, в чём дело? Почему ты так долго спишь? Ты здорова?

— Да, мама, — ответила Фая спросонья, ещё плохо понимая, что происходит.

— Тогда быстро вставай и собирайся. Тебя Государь ждёт.

Мать резко обернулась к челяди, столпившейся за её спиной, и хлопнула в ладоши. Заиграл флейтист, и весь дом пришёл в движение: готовили ванну, утюжили платье, настаивали травы, припасали растирания, бальзамы, крема. Фаю одели в махровый белый халат и повели в парную, где долго хлестали берёзовым веником, потом намыливали губкой, купали в хвойной воде, потом массажист долго мял, растирал и поколачивал её тело, умащенное бальзамом; а она вспоминала, как этой ночью лежала на краю постели, а он стоял возле неё на коленях на полу и целовал ей спину, ягодицы, ноги, а она плавно извивалась, как змея. Касания мягких рук массажиста стали ей приятны.

Её одели в длинное платье с высоким жёстким воротником и такими же жёсткими асимметричными рукавами в виде крыла и розы, покрыли белым перламутровым лаком ноготки на пальцах ног, перед зеркалом уложили копной волосы, утыкали их золотыми шпильками и гребешками, вдели в уши массивные серьги, наложили макияж.

— Почему ты такая безучастная? — спросила мать. — Ты рада?

— Да, мама.

— Тогда вставай и иди. Машина подана. Ну, будь умницей.

Фая медленно встала и пошла к выходу, за ней молча последовала прислуга. У двери гостиной Фая резко обернулась, и молчаливая толпа остановилась. Войдя в гостиную, Фая плотно закрыла за собой дверь, подбежала к нефритовой кошке и, обняв её за шею, шепнула в холодное ухо: «Маси-биси-муси — спаси меня». И на краешке зелёного уха остались следы её сиреневой помады.

Вечером Маста прогуливался у озера и увидел Прохора: он сидел под ракитой на том же месте, сытый и недовольный.

— Здорово, Прохор.

— Здорово, Маста.

— Меня ждёшь?

— Тебя.

— Опять предчувствовал?

— Хорошо быть догадливым.

Маста подсел к Прохору и вздохнул.

— Душно, — сказал Прохор и тоже вздохнул.

— Ты что-нибудь слышал о ветре?

— Конечно.

— Что это?

— Вентиляция, — ответил Прохор и икнул. — Интересно, что ты сегодня ночью делал?

— Комаров ловил.

— А-а-а, — понятливо протянул Прохор, — тебе всё равно, что ловить: что кайф, что комаров.

— Прохор, я хочу найти выход из Бункера, — сказал Маста.

— Я же тебе сказал: выхода нет, мы законсервированы.

— Врёшь! — крикнул Маста.

— Почему ты мне не веришь? — глядя в одну точку, вяло спросил Прохор и икнул.

Маста пожал плечами и промолчал.

— Как жить, Прохор? — спросил он после паузы.

— Приспосабливайся.

— Я нашёл в притоне орган и вчера весь вечер играл. Слышишь?

— Слышу, — снова икнул Прохор.

— Странный орган. Мне показалось, что он — живой и что мы с ним срослись: у нас на двоих одно дыхание, одно сердце, одна кровь, и если с ним что-нибудь случится, то погибну и я.

— А если сначала погибнешь ты?

— Сплюнь, а то накаркаешь.

Прохор сплюнул три раза через левое плечо и уже в который раз икнул.

— Ты чего всё время икаешь?

— От переедания, братец.

— Больше нечем заняться?

— Не с кем. Нет ли у твоей девочки подружки? Такой — м-м-м! Глазастой! — и, растопырив обе пятерни, он мягко потряс ими воздух перед собой, изображая увесистую грудь полной женщины. И повторил: — Глазастой!

— Такой нет.

— А какая есть? Тащи любую!

— Никакой нет.

— Чёрт. Вечная невезуха, — со смирением икнул Прохор.

— Не ангельскую слышу речь, — напомнил ему Маста его же слова.

— Ладно, понимал бы чего! — вспылил Прохор.

— Ты ж говорил, что самое лучшее — это ничего не хотеть, — подтрунил Маста ещё раз.

— Мало ли чего я говорил, а ты и запомнил.

— А у меня хорошая память.

— А у меня — воображение: сегодня — одно, завтра — другое.

— Ну-у-у? — с наигранным удивлением вопросил Маста. — С твоим бы воображением да шутом быть.

— А с твоей бы памятью — монахом.

— Интересно, у монаха выходные бывают? — уже примирительно спросил Маста.

— У монаха вся жизнь — сплошной выходной, и кроме выходных, ничего нет, — смягчившись ответил Прохор.

— Значит, ты уже утомился от отдыха?

— Не то слово, — икнул и закусил губу Прохор.

— Может, поменяемся ролями? — хитро прищурился Маста.

— Да пошёл ты, грешник... — озлился Прохор.

— Ну ладно, пошёл.

— Счастливо!

Машина затормозила у резиденции Государя, лакей открыл дверцу и учтиво сказал:

— Следуйте за мной.

Фая пошла за ним как заводная кукла.

Анфилада комнат казалась бесконечной. Бесшумно открывалась череда дверей. Сменялись интерьеры: янтарный, малахитовый, рубиновый, лазуритовый… Ковры, картины, вазы, витая мебель, от приторного изобилия роскоши кружилась голова.

Золочёная дверь тронного зала открылась с торжественной значительностью, и Фая увидела восседающего Государя. Слуга отступил и легко подтолкнул Фаю в спину. Фая нерешительно пошла по ковровой дорожке, но после нескольких шагов остановилась.

— А-а-а… танцовщица Фая, — рыхлым голосом продребезжал Государь, поднялся с сиденья и пошёл ей навстречу.

Слуга надавил Фае на плечо и шепнул:

— На колени.

Она упала на колени и опустила голову.

— Во-о-о-о-он! — завизжал Государь, указывая слуге пальцем на дверь. — Вон отсюда!

У Фаи за спиной раздались торопкие удаляющиеся шажки и щелчок дверного замка. Государь потной, дрожащей рукой приподнял её голову за подбородок, улыбнулся и вдруг судорожно откинул полы мантии, расстегнул свой гульфик. Задыхаясь, простонал:

— Поцелуй, поцелуй сюда… ну!.. поцелуй, поцелуй…

Закрыв глаза, Фая гадливо отвернулась.

— Ах ты, погань… гнида… — ядовито прошипел Государь.

Фая поднялась с колен и побежала прочь, распахивая перед собой двери, и только когда оказалась во дворе и села в свою машину, у неё задрожали губы.

— Куда прикажете? — вежливо спросил шофёр.

— В общежитие для нищих!

Напряженно выпрямив спину и не шелохнувшись, Фая просидела всю дорогу, как каменная.

Государь вызвал к себе поверенного в делах.

— Поднять на девчонку досье.

— Слушаюсь.

— … и принять надлежащие меры.

— Слушаюсь.

«Скользкий тип, но послушный», — подумал о нём Государь и спросил:

— Как Бункер?

— Положение ухудшилось: появились новые трещины.

— Усилить поисковую кампанию.

— Слушаюсь.

Когда Маста открыл ей дверь, она обхватила его руками, уткнулась ему в грудь лицом и затряслась от беззвучных рыданий.

— Что случилось? Что случилось, родная моя? Скажи… Что случилось?

Всю ночь по улицам ездили патрульные машины, кого-то искали. Кварталы были оцеплены. На стенах Бункера шли сварочные работы: трещины заваривали, но швы тут же расползались, а рядом появлялась сеть всё новых и новых трещин.

10

Утром, с массивными золотыми серьгами за пазухой, Маста пришёл в торговую лавку. Продавец бережно взял серьги, внимательно осмотрел их в лупу и поднял удивлённые глаза.

— О-о-о! Сколько вы хотите?

— Мне нужно вот это платье, — Маста указал на короткое шёлковое платье.

Продавец снял с вешалки платье, сложил, завернул и подал:

— Пожалуйста.

— И туфли.

— Какие?

— Вот эти, — и Маста указал на чёрные велюровые туфли лодочкой.

Продавец спросил о размере, аккуратно положил в коробку туфли и тоже подал:

— Пожалуйста.

Маста нерешительно осмотрел витрину.

— Что-нибудь ещё? — спросил продавец.

— Нет. Спасибо.

— Вам спасибо. Вы не знаете цен. Заходите почаще.

— Хорошо, как-нибудь загляну. До свидания.

— Всего доброго, — и, забежав вперед, продавец с низким поклоном открыл перед ним дверь.

Сидя в мужской рубашке перед осколком зеркала, вставленного в щель стены, Фая причёсывалась. Когда в комнату вошёл Мастодонт и положил перед ней туфли и платье, она загадочно улыбнулась:

— Я хочу знать, что такое ветер.

— Этого нам знать не дано, но кое-что другое я тебе сегодня открою.

За пультом управления с кнопками и телефонами сидел отец Фаи и внимательно наблюдал за сигнальной схемой технического управления Бункером, расположенной перед ним на огромной стене.

Разноцветные бегущие огоньки вытягивались в нити, кружились, пересекались, вспыхивали, гасли. Отец Фаи нажимал на кнопки, что-то записывал и отдавал в микрофон распоряжения:

— Квадрат шесть, пункт С — аварийная ситуация. Срочно направить ремонтную бригаду. Квадрат восемь, пункт Д — аварийная ситуация...

Затрещал телефон.

— Слушаю.

— Никита арестован... он в каменном мешке... срочно приезжай, — услышал он дрожащий голос своей жены.

— Но я не могу. В Бункере авария.

— Меня совершенно не волнует твой Бункер. Меня волнует только мой сын, — жёстко сказала она, повысив голос и делая упор на слове «мой».

— Наш сын, — поправил её отец.

В притоне стоял обычный гул. Держа Фаю за руку, Маста вёл её вглубь. Они переступали грязь, обходили псов и копошащихся на подстилках смердов — пьяных, уродливых, оборванных.

— Сейчас я нарушу один закон, — сказал Маста. — В Бункере запрещена музыка, а я буду играть.

— В Бункере постоянно звучит музыка: флейта... и барабан... — робко возразила Фая.

— Это не то. Я буду играть на органе. Ты услышишь шестиголосную фугу фа-мажор. Я только вчера написал. Для тебя.

В конце зала он вытащил из кучи мусора ящик, посадил на него Фаю, расчехлил кафедру и включил регистры.

— Мне неспокойно, — сказала Фая. — Такое чувство, будто дома что-то случилось.

— Не думай о плохом. Слушай.

И Маста заиграл, точно вспарывая созвучиями брюхо притона и выпуская из него скверну.

В набедренной повязке из шкуры шаман племени Рийдо стоял у костра и простирал руку к огню, точно вслушиваясь ладонью в его жар. Перед ним в готовности стояли соплеменники. Он гикнул — ударил барабан, и все закружились в первобытной пляске.

11

В холле, преграждая ей дорогу, стоял отец, и она виновато перед ним остановилась.

— Где ты была?

Фая промолчала.

— Я спрашиваю, где ты была эту ночь? Отвечай.

— У мусорщика.

— Что? У какого мусорщика?

— У Мастодонта, — сказала она с вызовом.

Отец схватил её за плечи и с силой стал трясти, повторяя, как заезженная пластинка, одно и то же:

— Что ты сказала?.. Что ты сказала?.. Что ты сказала?..

— У Мастодонта, — уже дерзко крикнула Фая.

— Ах ты... дрянь! — и он наотмашь ударил её ладонью по лицу.

Фая вырвалась и убежала. На шум вышла мать.

— Что случилось?

— Я ударил её по лицу.

— Как ты посмел? Это моя дочь! Я сама её ударю, когда надо будет.

Она схватила его за лацканы и закричала:

— Что происходит? Что в этом доме происходит? Я должна знать или нет? Объясни! — Она отвесила ему хлёсткую пощёчину, потом схватила с тумбы хрустальную вазу и со злостью бросила в стену.

Ваза вдребезги разбилась. Отец сел на пуф и закрыл лицо руками. Мать на мгновение замерла, потом потёрла рукой лоб, сникла и вышла.

Бесшумно пришёл лакей, замёл на совок хрустальные осколки и так же бесшумно удалился.

Когда мать без стука вошла в комнату дочери, та лихорадочно бросала в чемодан вещи: бельё, халат, брюки, томик стихов, пару платьев. Мать тенью прошла через всю комнату и встала у окна.

— Ты знаешь, что этой ночью взяли Никиту? Он приговорён к смертной казни.

Фая замерла с платьем в руке и уставилась на мать неверящими глазами. Мать задала следующий вопрос:

— Чем ты разгневала Государя?

Фая заметила, что мать резко постарела и стояла перед ней непричёсанная, ненакрашенная, с опухшими глазами и с пробившейся сединой у висков.

— Ты была на пороге власти, богатства... и вдруг такой позор! — недоумевала она, пытаясь сдержать слёзы, и, не сдержав, судорожно зарыдала, упала на колени и обхватила Фаю за ноги.

— Умоляю... заклинаю... спаси Никиту... ты можешь... если захочешь, ты все сможешь... он ещё такой ребёнок, доверчивый,... ты знаешь, как он любит тебя... ты сама станешь матерью... ты взрослая, сильная... а он... я прошу тебя... иди, заступись...

— Мама, — растерянно произнесла Фая, — но он мне противен.

— Кто тебе противен? — отшатнулась мать.

— Государь.

Мать встала с колен, закрыла лицо руками и, пошатываясь, вышла из комнаты.

Фая опустилась на диван и с минуту не двигалась, потом вскочила и заметалась из стороны в сторону, как загнанный в клетку зверь:

— Его не могут казнить... Не могут... — повторяла она. — Он так молод, красив... Надо что-то придумать. Что?.. Неужели нет выхода? Может, Маста? Нет, я сама найду выход, найду, должен быть выход... Но какой?..

Отец тихо приоткрыл дверь в комнату матери. Она молилась, и, услышав за спиной шаги, мать обернулась.

— Она не хочет идти к Государю? — спокойно спросил отец.

— Нет.

— Но ты ей объяснила?

— Да.

— Напрасно.

— Как это?

— Имеем ли мы право, спасая сына, приносить в жертву дочь?

— Какая жертва, если это счастье?

— Сомневаюсь.

За окном с рёвом прошли тяжёлые машины.

С коромыслом на плече Лара шла к дому, неся полные вёдра. Из ворот выехал шаман на белом коне, что-то напоследок сказал бабке, провожавшей его у изгороди, и пустил коня вскачь.

Поставив на землю вёдра, Лара спросила:

— У нас гости?

— Нет, — коротко ответила бабка и, отвернувшись, стала развешивать на верёвке бельё.

— Просто заезжал шаман, — сказала она чуть погодя.

— Зачем?

— Так... потрепаться...

Громко фыркнула лошадь. Лара заглянула на двор: в углу на привязи стояла молодая белая кобыла.

— А чья это лошадь?

— Твоя.

— Моя?

— Да. Тебе привёл её шаман.

— Зачем?

— Завтра уйдёшь на ней с Рийдо.

— Куда?

— Они покажут дорогу.
— А ты пойдёшь с нами?
— У меня ноги болят, да и коня нет.
— Нам хватит одного.
— Я старая и останусь здесь.
— Тогда зачем же уходить мне?
— Уже поздно. Пора спать. Иди в дом.
— Но, бабушка...
— Не спорь, — строго сказала бабка..

Вверху раздалось гуканье. Лара подняла голову и увидела на крыше сарая птицу, точно слепленную из сгустка тьмы, бесплотную. Птица моргнула фосфорическими глазами, повела стоячими ушками и напряжённо замерла.

Фая поднялась с дивана. У стола она выбросила из вазы на пол живые цветы, потом плеснула воду себе в пригоршню и умылась. Проходя по коридору, она видела, что отец и мать сидели в разных комнатах в одинаковых позах. Видя, что дочь куда-то уходит, ни тот ни другой ни о чём не спросили её, и она тоже им ничего не сказала.

Во дворе она села за руль машины и, нажимая на газ, уставилась в лобовое стекло сухими от жара глазами.

— К Прохору, — сказал Маста монаху, пропускавшему его через низкую калитку в стене монастыря.

Ворвавшись в келью, он с порога натужно, шёпотом заговорил:

— Проснись, Прохор! Она пропала! Ушла — и не вернулась!
— Кто она? — перевернувшись на другой бок и не открывая глаз, спросил Прохор.
— Фая.
— Ну и что. Стоит из-за этого людей булгачить.
— Я люблю её, — подсел к нему на постель Маста.
— Давай кончай эти рыжие базары про вечную любовь. Иди побегай по зелёной травке, как бычок, и всю твою любовь корова языком слизнёт, — хриплым голосом бурчал Прохор.
— У тебя изо рта только змеи не вылазят!
— Чего? — Прохор неохотно вылез из-под одеяла и сел на край постели, свесив ноги.

Маста метался по келье.

— Заведи другую бабу, а лучше несколько. И гуляй на всю катушку. Чем больше любовниц, тем выше бесчувствие, чем выше бесчувствие, тем глубже покой. А дороже покоя ничего нет.

Прохор достал из шкафа бутылку, налил себе рюмочку и, крякнув, выпил.

— Ты сам себе противоречишь — и меня хочешь запутать.
— Жизнь — это путаница. — Прохор занюхал рукавом
— Сначала призывал к смирению, теперь — к разврату. Разве покой в распутстве?
— Покой — это радость. А жить во грехе значит тоже жить в радости. Замкнутый круг.

Маста открыл окно. Где-то с воем промчались полицейские машины.

— У меня её отобрали! Я чувствую это, — сказал Маста.
— На всё воля Божья, — зевнул Прохор и сложил руки на круглом животе, как на горке.

— Ну, если это воля Бога, то я с ним расквитаюсь!

— А если Бога нет? С кем будешь сводить счеты? — блестя хитрыми глазами, спросил Прохор.

— Окстись, монах!

— Какой я тебе монах? Я такой же музыкант, как и ты. Я написал концерт для колоколов.

— Когда же? — усомнился Маста.

— Год назад.

— И молчал?

— Я боялся.

— Так сыграй мне свой концерт.

— Ты что? Сдурел? Завтра дам партитуру, прочтёшь.

— Но почему же тебе не сыграть. В твоём распоряжении колокола.

— Что толку, — сказал Прохор, — давай лучше примем коньячку, потрапезничаем — и на боковую. А завтра с рассветом на рыбалку пойдём. Лещи в озере какие! М-м-м! В сковородку не влезают.

В открытое окно донёсся стук молотков, шум сварочных аппаратов, крик рабочих.

— Ты не знаешь, что... — начал Маста.

— Не знаю, — оборвал его Прохор. — Зато я знаю, что по утрам в монастыре парное молоко дают.

— Что происходит? — прислушиваясь, спросил Маста.

— Где?

— В Бункере.

— А разве у нас что-нибудь происходит? — безразлично спросил Прохор и, точно припомнив, протянул. — А-а-а-а ... говорят, стены Бункера треснули. Может, брехня. Ну, так на рыбалку идём?

— Нет.

Маста взялся за дверную ручку

— Ты куда? — спросил Прохор.

— В притон.

— Играть?

— Да.

— Позавидовал бы я тебе, если б умел завидовать, — сказал Прохор, когда Масты уже не было в келье.

12

Солнце высунулось верхним краем из-за стены Бункера и покрыло ржавчиной верхушки деревьев и крыши домов. Государев привратник, бряцая ржавыми доспехами, не мешкая, пропустил машину в кованые ворота и сладко зевнул.

Стремительно проходя по ржаво-янтарным и ржаво-рубиновым комнатам анфилады, Фая широко раздувала ноздри и с силой сжимала зубы.

В тронном зале по ржаво-охристому ковру, спотыкаясь, шёл ей навстречу пьяный Государь, и его вислый слюнявый рот тоже показался ей ржавым.

— Я пришла к тебе, Государь, — ещё на ходу сказала она с вызовом.

— Вижу, — он довольно растянул губы в улыбку. — Ты пришла прямо на пир. У меня гости, — бормотал он заплетающимся языком и, подступив вплотную, дохнул спиртом. — Раздевайся. Ну же! Или ты хочешь, чтобы я сорвал с тебя одежду?

— Рвите, — со злобой сказала Фая.

Дрожащими руками он вцепился в ворот её платья, рванул. Два куска шёлковой ткани опали на пол, обнажая гибкое тело. Положив ей на плечи потные ладони, он поставил её на колени и, дрябло улыбаясь, расстегнул себе гульфик.

— Поцелуй!.. Поцелуй!.. Поцелуй!!! О-о-о... хорошо... хорошо... умница... как хорошо... у тебя чудный ротик... еще... еще...

Пир был в разгаре, когда под руку с Государем Фая торжественно вошла в зал. Пьяная орда гостей встретила их восторженным воплем.

В туфлях на тонкой шпильке и в коротком платье с пёстрым веерообразным задником Фая походила на павлина. Виночерпий поднёс ей кубок красного вина, она выпила до дна — и длинный стол, уставленный яствами, закачался перед её глазами.

Кравчий поднёс ей блюдо с мясом и фруктами, но Фая жестом отказалась.

— Покури, — сказал Государь и подвёл её к кальяну.

Глубокая затяжка заволокла её дурманом и разожгла желание танцевать.

С лицом, искажённым безумной улыбкой, она гикнула музыкантам, и бешено ударили барабаны. Величаво взойдя на пиршественный стол, она захохотала и, со звериной осторожностью ступая меж блюд и фужеров, начала танец разъярённой хищницы.

Вступая в тарелки с едой и пиная наполненные фужеры, Государь неуклюже шёл за ней по столу и ободрял её возгласами. Гости в пьяном угаре аплодировали. Пройдя весь стол, Фая остановилась на краю и резко обернулась. Государь прохрипел:

— Девочка моя, уж мы бы с тобой погуляли да потешились. Если б не беда...

— Какая? — властно спросила Фая.

— Где-то звучит орган — и от этого рушится Бункер.

— Я знаю этот орган. Идите в притон, — указывая страже на дверь, повелительно крикнула Фая и захохотала.

Орган звучал, когда в притон ворвались полицейские с овчарками. Бомжи в испуге расступились по сторонам, дворняги поджали хвосты, и когда Маста, не поднимая рук от клавиатуры, обернулся, на него спустили собак:

— Фас! — орали полицейские.

— Моё имя... — успел крикнуть Маста, и собачья пасть перехватила ему горло.

Орган вздрогнул, выдохнул и начал оплавляться: горячей лавой потекли трубы; рассыпалась в прах кафедра, поднимая клубы дыма и пыли. Сразу же затрещали и зашатались стены здания, загудел потолок, посыпалась штукатурка и с грохотом упала матица. Проседая, задрожал пол.

В панике, расталкивая отребье, полицейские давились у выхода, и только псы продолжали жадно рвать кровавые кишки.

Поднимаясь по крутой узкой лестнице звонницы, Прохор выдохся и на открытом ярусе перевёл дух. Ударил в колокола. Под мутным куполом Бункера раскатился малиновый звон.

Звон нарастал, ширился, рассыпался и опять нарастал, покрывая гул крушения.

На улицах стоял грохот: рушились дома, вспыхивали пожары. Обезумевшие от ужаса люди метались по дорогам, не зная, куда бежать, не понимая, что происходит. Трещали и горели стены Бункера. Сверху сыпались стёкла, падали решётки купола. Повсюду слышны были стоны, вопли, лай собак...

Прохор вдохновенно бил в колокола и не видел, что внизу, у подножия звонницы, несколько человек, устав от бессмысленных метаний, встали, задрав голову, слушали и плакали, застигнутые врасплох красотой и гибелью одновременно.

Столовая Государя качнулась и наполнилась дымом, гости заорали и бросились к дверям, но двери перекосило и заклинило. Стены горбились. Началась давка. Повалившиеся столы, приборы и люди смешались в одну кучу.

Фая брезгливо оттолкнула от себя Государя, пытавшегося её обнять, и он упал, ударившись головой о стену.

— Бабушка-а-а-а! — кричала в седле Лара.

Бабка хлестнула вожжой, лошадь взвилась, перескочила плетень и понеслась через поле к горящей стене Бункера.

Вливаясь в племя Рийдо, уходящее верхом, Лара плакала, повторяя одно слово:

— Бабушка... бабушка...

Когда лошадь пролетела сквозь пылающую брешь в стене, Ларе ударила в лицо тугая, упругая волна воздуха. Вжимаясь в шею лошади, Лара закричала на всю мочь:

— Я боюсь!.. Что это?

Сын шамана, скакавший рядом, крикнул:

— Не бойся. Это ветер.

Галопом они неслись прочь от пылающего Бункера.

Дорога шла в гору, и всадники поднимались всё выше и выше. На уступе скалы они остановились и увидели: внизу теснилось множество других бункеров.

Напористо подул ветер, завыл, закружил, замутил. Началась песчаная буря.

Светлана БАРАНЕЙ

Родилась в 1975 г. в Ярославле. Окончила филологический факультет ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.
Работала в редакциях ярославских газет: «Юность», «Караван-Рос», «Родной город», литературным редактором в ИД «Провинция».
С 2002 г. пишет рассказы, представленные в основном на интернет-портале «Проза.ру».
Живёт в Ярославле.

Главная роль

Городские притчи

Голем

Йозеф Голем появился на свет в новолуние месяца Адар.

— У него зелёные глаза, — шептала служанка рабби Эсфирь своей подружке Мириам под пологом ночи, — он смугл и приятен лицом.

— Ах, — закатывала глаза Мириам, — глянуть бы на него!

— Нельзя, рабби скрывает его от людей, говорит, что нашёл на улице, и если его обнаружат, всё будет плохо.

— Ай-ай! — сокрушалась в ночи Мириам, которой минуло тридцать, но она знала в своей жизни только одного мужа, а хотелось чего-то нового.

— Приходи к нам завтра, я тебя познакомлю с ним, — пообещала подруге Эсфирь…

— Запомни, тебя зовут Йозеф, — говорил рабби Лёв своему собеседнику. — Ты прибыл к нам издалека и попался мне на глаза… Я уви-

© С. Е. Бараней, 2012

дел, что ты достаточно сильный, чтобы помогать мне по хозяйству, и взял тебя к себе жить. Не слушай, о чём говорят люди, и не заговаривай с ними.

Рабби достал из стола тонкую золотую пластину и сунул меж зубов собеседнику, который внимательно слушал его, склонив набок голову:

— Это придержит твой язык

Йозеф крепко стиснул зубами металл, как ломовая лошадь трензель. В его глазах появилось осмысленное выражение, как будто речённая до сего времени истина, запертая теперь внутри, зажгла в гладком широком черепе свечу.

— Днём твоего рождения будет сегодняшний день, — продолжал рабби. — Забудь, кем ты был. Господь повелел ввести тебя в храм премудрости, превыше которой только Истина. Слушаешь ты меня?

Йозеф кивнул.

— Ну вот, хорошо. Теперь ступай на половину слуг, да не вздумай болтать…

— Ты не бойся его, — шептала Эсфирь Мириам. — Он не говорит ничего, похоже, глухой. — Только смотрит глазищами зелёными. Но красивый и ни к кому из нас не подходит, как мы ни стараемся…

— Эй, это мы, — постучала она в дверь чёрного хода.

Дверь открылась, выхватив из лазоревого заката и тут же проглотив две костлявые фигурки. Эсфирь держала Мириам за руку, чтобы та не боялась петлять в тёмных коридорах дома рабби. Внутри у Мириам всё дрожало, но она робела сказать об этом Эсфири: в конце концов ничего же не произойдёт, если она всего разочек глянет на зеленоглазого Йозефа Голема…

…и влюбится в него.

Удар необычного разреза тусклых глаз сковал сердце Мириам и наполнил его благоговением и страстью.

Была суббота.

Йозеф собирался на молитву. Из дверей домов торопливо выходили люди и спешили в синагогу. Прошёл слух, что по кварталу бродит убийца. Он бесчинствует в субботу, когда люди беспомощны и близки к Богу. Убийце ничего не стоит забрать душу простолюдина и ростовщика, раввина и его слуги. Ходили слухи о десяти трупах, которые якобы обнаружили рано поутру в воскресенье в самых неожиданных местах — на берегу Влтавы, повешенных за шею на фонаре Староместской ратуши и разрубленных на куски прямо на Каменном мосту.

…Мириам поджидала Йозефа из синагоги. Она сказала мужу, что отправится к Эсфири, дабы взять у неё урок рукоделия, к которому сама Мириам не была склонна, а также попросит дрожжей для хлебов. Йозеф не появлялся, и Мириам, отчаявшись, решила уходить, как вдруг дверь синагоги скрипнула, и Голем нырнул в отверзтую пасть ночи. Мириам хотела позвать его, но смутилась и вместо этого пошла за Големом по тёмным улицам — назад от дома раввина, одновременно пугаясь и радуясь тому, что была с ним наедине.

Он пробирался, как показалось Мириам, крадучись. Издали гигантская фигура производила впечатление ожившего камня, осторожно передвигающегося в узких проходах, чтобы не зацепить вывеску, потухший фонарь либо окно. Хотя, скорее всего, Йозеф старался не вступать в нечистоты, в обилии скопившиеся близ домов.

На мгновение Мириам потеряла Йозефа. Наверняка свернул в подворотню. Ей было жалко потраченного времени, тем более, что любопытство уже давно заглушило в ней

желание поговорить с Големом. Мириам заметалась по улице, заглядывая в каждый тёмный проём в надежде увидеть там грузную неловкую фигуру, как вдруг кто-то схватил её сзади за шею и жадно притянул к себе…

По утрам в воскресенье Йозеф Голем был как обычно хмур и усерден. Он охотно помогал рабби, выполнял положенные задания по дому: чинил крышу, если шёл дождь, подметал пол, если было грязно. Он не гнушался никакой работы, не спорил и не ссорился со слугами, но, когда наступало время обеда, он неизменно оставался один в своём углу с миской гороховой похлёбки.

Вечера они всегда проводили вместе с рабби Лёвом. Только тот мог слышать голос Йозефа. Звуки речи Голема мало напоминали человеческие. Они были похожи на стрёкот соловья и жужжание жужелицы. Перед началом беседы рабби вынимал изо рта Голема золотую пластину и вкладывал другую, на которой были написаны слова из Торы. Только тогда Голем мог дать ответ на все интересующие рабби вопросы.

Вопросы нелёгкие. Рабби имел в королевстве славу прорицателя и чародея и мог советовать, что делать, даже королю, поэтому всегда чётко формулировал то, что хотел узнать, внимательно выслушивал ответы, которые Голем давал, согласуясь с Нотариконом (этого никто не должен был знать, ибо Нотарикон — дьявольская книга, а разве рабби Лёв хотел снискать славу приспешника Сатаны?), а после толковал их, ссылаясь на Тору.

— Сегодня мы будем говорить с тобой о преступнике, — начал рабби. — Король просит выяснить, кто вносит страх в сердце Старой Праги. Горожане начинают опасаться, что вскоре сами станут жертвой «жидовского уморителя».

— Что тебе нужно знать о нём? — проскрипел Голем.

Рабби уточнил:

— Имя.

Голем поскрипел зубами.

— Я не могу назвать имя.

— Почему?

— Это будет ударом для тебя.

— Ударом?

— Да. А первая заповедь: не причиняй зла ближнему.

— Но что мне сказать королю?

— Скажи, что это сделал тот, кто более всего на свете ненавидит людей и хочет извести весь род до последнего колена.

— Это правда?

Голем промолчал.

— Хорошо, — продолжил рабби. — Если ты не хочешь сказать имя, назови хотя бы причину, по которой этот человек ненавидит людей. Нас не любят многие в этом городе и готовы обвинить во всех грехах, поэтому подозрение сейчас на евреях, но люди вынуждены считаться с нами, потому что мы — это деньги и отчасти власть. Если мы уйдём из Праги, городу конец. Даже Каменный мост, на починку которого мы ежегодно даём деньги, рухнет во Влтаву.

— Причина — в ненависти. Ничем не подкреплённая ненависть.

— Этот человек — еврей?

— По одним сведениям — да, по другим — нет.

— Откуда он взялся?

— Он не взялся, он был.

— Был? Где?

— Здесь. Всегда.

— Йозеф, ты морочишь мне голову. Что с тобой?

Рабби потрогал лоб Голема — прохладный.

— Не может человек не иметь начала и конца пути, и тем более к любому живому существу нельзя применить понятие «всегда». Ну, давай не так общо. Когда родился этот человек?

— Нет ответа.

— Сколько ему лет? Когда он умрёт?

Тишина.

— Проклятье! — выругался раввин. Хорошо, что никто не слышал. Что же сказать королю?..

* * *

— Мой король, этот человек ненавидит людей лютой ненавистью и желает истребить весь их род.

— Это мудрый ответ. Но мне нужно имя.

— Мне не хотелось бы произносить его здесь и сейчас.

Король махнул рукой. Стража вышла. В зале, далеко у двери, остался единственный охранник. Король наклонился близко к рабби. Рабби что-то прошептал в подставленное ухо. Монарх кивнул.

— Дайте ему денег, — приказал он вошедшим казначеям. — И огласите на площади весть, что можно больше не бояться — преступник будет уничтожен сегодня же вечером.

Через три часа у главной городской ратуши был публично казнён ткач Ян. Люди плевали ему в лицо и кидали гнилой картошкой. В момент, когда тело дернулось на виселице в последний раз, склизкий ком попал прямо в лицо повешенному, отчего его вид сделался ещё более безобразным, а изошедшие из тела посмертные соки позволили толпе вдоволь поглумиться над сделавшимся неопасным преступником…

— Я сразу понял, что это сделал ты. — Рабби стоял совсем близко от Голема. — Ведь ты пришёл ниоткуда и уйдёшь в никуда, ты был здесь всегда. Это я создал тебя, долгими ночами произнося заклятия Каббалы, чтобы твой Ацилут соединился с Бриах. Долго я лепил тебя из грязной глины, прежде чем ты стал моим помощником для прорицаний. Это нужно мне было лишь в целях политических, дабы укрепить власть иудеев в этом городе, заставить себя уважать, но я просчитался — ты стал убийцей. Я повелел тебе молчать — ты стал действовать. Я слишком поздно понял, кто ты таков. Пойдём, сегодня ты переночуешь под крышей, я не хочу, чтобы ты располагался с нами в одном доме.

Тихо настигла ночь Старую Прагу, схватила в цепкие объятия, задушила поцелуями. Рабби Лёв уже стар, и он не хочет, чтобы его жизнь после столь долгих поисков оборвалась, так и не достигнув призрачной рассветной звезды — своей главной цели. После того как Йозеф с золотой пластиной во рту, грубым одеялом и подушкой, набитой прелой соломой, отправился на чердак, он не спеша достал из тайника древние книги. Сегодняшняя ночь будет долгой.

Несколько часов рабби что-то торопливо писал на пергаменте. Перечёркивал, снова писал, заглядывая в манускрипты, запускал руки в клочковатую седую бороду, тихо шептал проклятья. Наконец он откинулся на высоком стуле, закрыл глаза и вознёс молитву Богу.

Оставалось два часа до рассвета. В комнату постучали и сразу же, без приглашения вошли зять рабби Ицхак и его помощник Якоб. Рабби решительно встал из-за стола, взял тяжёлый посох и махнул рукой.

Йозеф Голем мирно спал на гнилом тюфяке. Во рту у него поблёскивала золотая пластина. Рабби с мужчинами встали с трёх сторон от его ложа — востока, запада и юга и начали молитву. От звуков Голем проснулся и попытался вскочить, но племянник рабби прыгнул на могучие плечи и повалил великана обратно на солому. Голем зарычал, выплюнул пластину и бросился на рабби, но тот лишь отступил на шаг и продолжал возносить хвалы Господу. Голем задрожал и упал на колени, и Якоб ударил его по голове посохом. Голоса молящихся зазвенели туго натянутой струной под сводом одевающихся в лазурь небес и растаяли вместе с последней звездой.

Йозеф Голем, появившийся из ниоткуда, ушел в никуда. Вместо него на соломенном тюфяке лежала горсть праха, из которой торчал край золотой пластины. Рабби нагнулся и подобрал безделушку.

…В узкое окно комнаты старого рабби заглядывал тонкий луч нового рассвета. Рабби стоял у окна и смотрел, как рождается город, — смутные силуэты обретают детали и краски, всё сочнее делаются тени на мокрых от подтаявшей наледи камнях. Где-то запела птица, снизу ей вторили голоса рыночных торговок, раскладывающих на прилавках зелень и рыбу.

Его служанка Эсфирь, подружка Мириам, рассказала рабби, что наконец свела Мириам с Йозефом. Только одна она была посвящена в тайну появления Голема. Мужчинам нужна была сообщница. Несколько дней назад Эсфирь шепнула рабби Лёву о том, что Мириам беременна — в её чреве шевелится тот, которого она называет плодом любви, ребёнок, чьим отцом стал угрюмый и неповоротливый великан.

Для того, кто во чреве, сегодня ночью рабби приготовил новый свиток Торы. Йозеф был только началом. Он, как необработанный алмаз, груб, и что толку от его слепящего блеска, если он мало отличим от блеска бутылочного стекла в сточной канаве. Рабби не создавал Голема убийцей, но всего одна лишняя буква в свитке — и он стал таковым. Значит, не лжёт древняя наука — буквы могут казнить и миловать, сводить с ума и разрушать. Ну что ж, путь проторён… С каждым новым поколением потомки Йозефа должны становиться всё более совершенными, а их разрушительная сила будет возрастать до тех пор, пока один из Големов не сможет раз и навсегда покончить с этим проклятым миром. Сегодня ночью рабби лишь незначительно подправил текст свитка, который через девять месяцев вложит в рот маленького сына Мириам, но в посмертном завещании потомкам он расскажет, что нужно делать, чтобы всего через несколько веков магический текст свитка принял свой окончательный вид. Люди алчны, глупы и злы. Они заслуживают этого.

Рабби повертел в руках тонкую золотую пластину и швырнул из окна прямо в брызнувший из ниоткуда луч солнца. Металл сверкнул и, прочертив в воздухе кривую линию, упал, никем не замеченный, в грязь.

Главная роль

Его никогда не брали на главную роль.

Он довольствовался десятой строчкой в программке, между «десятым слугой» и «псарём Прошкой».

У него не было жены, любовницы, и детей тоже не было.

Он был ещё молод, но уже никому не нужен.

Больше всего он мечтал сыграть Гамлета — желание столь же неосуществимое, сколь и банальное для людей его профессии. Он знал, что ему никогда не быть ни Гамлетом, ни королём Лиром, ни, на худой конец, Фамусовым и Земляникой. Карма что ли такая? Ведь некогда он подавал надежды, и неплохие. Начинал, как все, в заштатном театре, но с вполне приличных ролей. В «Ревизоре» сыграл клиента богоугодного заведения, а в постановке «Отцов и детей», исполненной в стиле «провинциальный постмодернизм», любовника Базарова.

Потом как сглазили. Не помогла даже Москва, куда он перебрался после десяти лет безупречной службы в глухомани. Конечно, в те годы для Гамлета он уже стал староват. Но на роль мавра ещё вполне годился. Да и возраст Чичикова, Обломова и кота Бегемота был не за горами. Но… не брали, хотя хвалили, хвалили. Дали даже медаль к ордену «За заслуги перед Отечеством» третьей степени. Коллеги издевательски интересовались, почему не первой.

А ему меж тем минуло пятьдесят. Вся жизнь его была убога, как помпезный бархатный занавес провинциального театра. Это только зрителям в последних рядах кажется, что бутафорская жизнь сияет и переливается. Но чем дороже билеты, тем виднее пыль, которую поднимают тучные тела актеров, тем очевиднее поеденный молью реквизит, тем заметнее, что главный герой драмы вдребезги пьян. Именно поэтому немногочисленным своим знакомым он рекомендовал балкон.

Да, кстати, звали его Пётр Иванович Сергеев. Театральные афиши знали его как Льва Милашевского. Так он, вывернув серое пальто яркой подкладкой вверх, пытался примирить простую и убогую сценическую жизнь с парадоксами существования. Хотя в последнее время сам себя он называл Акакием Акакиевичем. Просто в одно утро, поглядев в зеркало, сказал: «Привет, Акакий Акакиевич». И как приклеилось.

Никто не подозревал об этой тройной жизни, а если бы узнали, могли подумать, что Пётр Иванович свихнулся. Каждый день в голове Сергеева разыгрывался настоящий спектакль, где все три его персонажа играли свои роли.

Акакий Акакиевич, как и положено всякому Акакию Акакиевичу, был сторонником дзэн-буддизма и считал, что главный смысл жизни в созерцании и неспешном существовании, отсутствии внешних раздражителей и страстей, которые приводят к одним лишь перерождениям и отодвигают момент истины. Милашевский, наоборот, считал, что жизнь есть деятельное движение. Он весь так и искрился, рвался за облака и по западным канонам стремился подмять весь мир под себя.

Вручение медали, естественно, явилось поводом к оживлённой дискуссии. Начал беседу, как обычно, Милашевский.

— Поздравляю! — воскликнул он. — Медаль! Какая честь! Я горд и счастлив этим! Теперь, отныне, ты медаленосец, которому нет равных ни в театре, занюханном и жалком, ни в городе, ни даже в целом мире.

— Ээээ, — прервал его Пётр Иванович. — Куда тебя понесло шекспировским слогом? — И вообще, надо быть скромнее. Ну что такое медаль к ордену третьей степени? Бронзовая медаль в соревнованиях на выживание.

— А вот и нет, — возразил Милашевский. — Судить по-твоему, так каждому третьему человеку в стране давали бы медаль к третьей степени ордена. А много ты видишь таких? «Чернобыльцы» и «афганцы» с «чеченцами» не в счет — им грех не дать. А ты под-

вигов не совершал, в атаку с автоматом не бросался, сидел всю жизнь в театре и играл «кушать подано». Но медаль-то, тем не менее, твоя. Значит, не только за ратные подвиги и службу государеву дают награды…

— Категорически с тобой согласен, — послышался тихий мелодичный голос Акакия Акакиевича. — Сегодня, господин Милашевский, вы превзошли самого себя по части рассуждений. Ведь из ваших слов получается, что медаль Петру Ивановичу дали вовсе не за какие-то материально выраженные действия — он ничего никогда полезного с точки зрения марксизма не сделал. То есть благ не произвёл и деньги-товар-деньги это тоже не про него. Значит, награду наш милейший Пётр Иванович получил за духовную и душевную свою сущность.

— А что же во мне такого духовного? — поинтересовался Пётр Иванович.

— Ну вот, предположим, мы есть у тебя. Чем не духовность в третьей степени? И, заметь, каждый из нас натура творческая, начитанная и мудрая, готовая в любой момент качнуть весы Мельпомены…

— Весы — у Фемиды… — встрял Милашевский.

— У каждой богини есть весы, — не меняя тона, продолжил Акакий Акакиевич. — Просто у Фемиды они орудие труда, вот она и выставляет их напоказ. У остальных они невидимы. Весы всегда на нейтральной передаче, но происходит *событие* — и они могут качнуться. Тогда человека ждут либо слава и успех, либо позор и поражение.

— То есть мои весы сейчас на нейтралке, — констатировал Пётр Иванович. — А что же медаль? Её нужно положить на одну из чаш, чтобы активизировать духовные силы и обрести небывалую славу?

— Вроде того, — сказал Акакий Акакиевич.

— А на какую чашу его класть, правую или левую? — поинтересовался Пётр Иванович. — Где потенциал превратится в «плюс», где в «минус»?

— Давай сначала на правую, — предложил Милашевский. — «Право» — оно слово такое… правильное. Посмотрим, что будет. В случае чего переложим.

— А вот тут я с тобой категорически НЕ согласен, — сказал Акакий Акакиевич, интонационно придавая частице статус главного слова. — Когда потенциал человека становится отрицательной величиной, положительным его может сделать только другое отрицание.

— Рассуждаешь всё, — буркнул Милашевский. — Ты примеры, примеры приведи!

— Да ради бога. Вот, к примеру, получив медаль, наш Пётр Иванович, может возгордиться — требовать главные роли, начать повышать голос на репетициях, апеллировать к тому, что у других награды нет. Результатом будет что? Правильно — испорченные отношения с коллективом и, возможно, уход из театра, да ещё с волчьим билетом. Режиссёр тут же обзвонит коллег и скажет, что будет к ним приходить имярек — медаленосный, но крайне скандальный тип. И что получается? Останется наш Пётр Иванович один на один со своей медалью к ордену и, как говорит нынешняя молодежь, сможет эту медаль засунуть себе в жопу. А что касается того, как он из этого положения может выйти, — это влиться в коллектив, который ещё гаже и скандальнее. Тогда отрицательный полюс его энергии вполне может стать положительным.

— Ну вот, у нас такой коллектив и есть, — буркнул Сергеев.

— Ай-ай, — сказал Милашевский. — А кто тебе деньги в долг даёт? Полинка из гримёрки. Кто наливает, когда есть? Дмитриев, который всю жизнь юноша. Кто рубашки, бывает, штопает? Совершенно, между прочим, бескорыстно. Ляля — инженю.

— Может, она замуж за меня хочет, — возразил Пётр Иванович.

— Она лесбиянка, — хором укорили Милашевский и Акакий Акакиевич.

— Ладно, допустим, я с вами соглашусь. Ну, а что в таком случае делать, чтобы без скандалов и увольнений мне склонить весы Мельпомены? Уже месяц со времени получения медали прошёл, а главных ролей не дают. Так и остался я помощником псаря Прошки.

— Мне кажется, — неуверенно произнёс Милашевский, — для этого нужно совершить какой-то поступок.

— Ага, — закричал Пётр Иванович, — вы же только что говорили, что орден за духовность. Откуда поступку-то взяться?

— Говорили, — мягко сказал Акакий Акакиевич. — И продолжаем утверждать. Орден за духовность, которая должна активизировать в вашей душе побуждение к некоему действию. То есть награда — это был стимул, аванс. Если мелкому коммерсанту дать аванс в банке за просто так, за опрятную внешность, он что сделает? Правильно — откроет бизнес. Так и вы, Пётр Иванович, должны сделать что-то этакое, чтобы оправдать свой аванс, быть достойным награды и в конечном итоге стать действительно великим человеком.

— Так вот просто взять и стать? — ухмыльнулся Сергеев.

— Надо подумать, — подсказал Милашевский.

— Надо подумать, — привычно повторил за суфлёром Сергеев.

Акакий Акакиевич промолчал, только посмотрел на собеседников пронзительно через пыльное зеркальное стекло.

Сергеев отвёл взгляд — он не любил встречаться глазами с Акакием Акакиевичем.

С того самого разговора мысли Петра Ивановича были заняты исключительно Поступком, который ему предстоит совершить, чтобы оправдать доверие людей. Время от времени появлялись Милашевский и Акакий Акакиевич и предлагали различные варианты.

— Может, в сериале посниматься? — мечтательно закатывал глаза Милашевский.

— В монастырь уйти! — угрюмо советовал Акакий Акакиевич.

— Спасти ребёнка из огня? — размышлял Милашевский.

— Продать медаль и деньги детскому дому отдать, — вворачивал Акакий Акакиевич.

— Написать книгу… — терялся Милашевский.

— Уйти на пенсию, — отрубал Акакий Акакиевич.

— Жениться? — предвкушал Милашевский.

— Изучить древние методики самопознания? — пугался сам своего экстремизма Акакий Акакиевич.

Но, несмотря на полифонию мнений, Петру Ивановичу не нравился ни один из предложенных вариантов. Для написания книги он считал себя недостаточно талантливым, для ухода в монастырь — недостаточно верующим, для пенсии — недостаточно старым, для спасения ребёнка — недостаточно храбрым…

Ему недоставало всего.

Даже глядя в зеркало, Пётр Иванович не был уверен, что через секунду вспомнит собственные мелкие и невыразительные черты лица. Акакий Акакиевич и Милашевский — другое дело. Это были фигуры, личности! Один яркий и нарядный — обязательно одетый в дорогой костюм, в бабочке и тонких очках, с усами и крупным породистым носом. Другой представлялся Петру Ивановичу буддийским монахом бритым наголо и завернутым в серый драп. Но, глядя вслед обоим, можно было сказать: вот идёт человек, который есть личность.

— Ну и что, — парировал Милашевский. — Ведь мы — часть тебя, поэтому и ты вполне тоже можешь считаться личностью.

— А если вас не станет?

— Можно попробовать, — задумался Акакий Акакиевич. — Хочешь, мы уйдём.

— Куда? — ухмыльнулся Пётр Иванович. — Куда вы от меня уйдёте? Ведь вас нет, вы дух без плоти, вы только и можете, что дискутировать в моей голове.

— Мы уйдём, если уйдёшь ты, — просто сказал Акакий Акакиевич.

— Это как?

— Не догадываешься? — поднял брови Милашевский. — Бах — и всё. Или чик — и всё. Или…

— Есть много способов, — сухо уронил Акакий Акакиевич.

— Вы что! — задохнулся Пётр Иванович. — Самоубиться мне предлагаете?

— Ну ты же хотел от нас избавиться, — желчно ухмыльнулся Акакий Акакиевич. — Заодно проверишь, достоин ли награды.

— Это типа тварь я дрожащая или право имею?

— Типа.

— Так ведь это было уже, — пробормотал с тоской Пётр Иванович. — У Достоевского.

— Всё было, — философски пожал плечами Акакий Акакиевич. — Пусть уж лучше как у Достоевского, чем как у тебя.

— Почему я вам так не нравлюсь?

— Заколебал ты нас, — равнодушно протянул Милашевский. — Пустой ты человек, никчёмный. Ни на что решиться не можешь — ни на зло, ни на добро. Может, и не зря на тебя медаль повесили, а по-нашему, так кому-нибудь другому лучше бы дали. Ты всё равно аванс не отработаешь, никакого поступка для того, чтобы, наконец, стать кем-то, не совершишь, так на кой чёрт такая жизнь? Лучше удавиться.

— А если удавлюсь, что будет? Отработаю я свой аванс?

— Это с какой точки зрения посмотреть. Но то, что в первый и последний раз ты получишь в своей жизни главную роль, — в этом можешь не сомневаться.

Главную роль хотелось. Давиться было страшно. Пётр Иванович попредставлял, как это — его не будет. Не получилось. Наверное, из-за того, подумал он, что поскольку меня не будет, так и представить сложно, как весь мир будет жить. Ведь я — это и есть окружающий мир, и существует он только благодаря мне. Даже эти двое существуют только потому, что существую я, как только меня не станет — не будет и их.

— А если предположить, что мы и без тебя будем? — снова желчно усмехнулся Акакий Акакиевич.

— Как это?

— А ты никогда не задумывался, что мы — это две самостоятельные личности?

— Вы же сами сказали… — опешил Пётр Иванович.

— Мы пошутили, — сказал Милашевский. — Ты не нужен для нашего существования.

— А тело? — робко поинтересовался Пётр Иванович.

— А зачем нам тело? — сдерзил Милашевский. — Нам твоё тело — тьфу. Мы сами по себе.

Если тело им не нужно, снова задумался Пётр Иванович, то получается, что, убив себя, я только выиграю. Во-первых, избавлюсь от оболочки, которая ничего, кроме проблем, не приносит. Тело надо кормить, обихаживать, мыть. Кроме того, тело моё совсем никчёмное — некрасивое, негибкое, и бок болит последнее время. На главные роли моё тело никогда не утверждают, потому что… Может быть, потому что я располнел, покрылся морщинами? М-да… У отсутствия тела есть неоспоримые преимущества. Мне не

нужно будет зарабатывать деньги, мне больше не потребуются квартира, одежда, еда. И, что греха таить, две мои внутренние ипостаси гораздо мудрее, сильнее и возвышеннее, чем я сам. Значит, по их словам, только после смерти я и смогу исполнить свою главную роль…

Пётр Иванович представил, как он идёт в толпе, огромной толпе, людском море. Все в чёрном, и на этом всеобщем чёрном неистовствует пламя цветов. Женщины плачут, мужчины еле сдерживаются. Сам он над головами людей в алом гробу. Нет, лучше в чёрном — так… кто шипит: гламурнее? Трагичнее так! Лицо воскового цвета красиво оттенено чёрной, да, чёрной бабочкой и чёрным фраком. И это умиротворённое благородное лицо дарит последнюю лёгкую улыбку зрителям. Глаза закрыты, но все понимают, что он просто обратил усталый взор внутрь себя, и от этого делается в тысячу раз грустнее. А потом они будут бросать на гроб землю и цветы, и, возможно, в какой-то момент над головами раздастся несмелый хлопок, и через секунду вся тысячная толпа взобьёт воздух овациями, сдавит пространство до бешеного сердцебиения и вскипания крови, выхлестнет из глоток вопль «браво!», «брависсимо!».

Пётр Иванович вытер слезу умиления. Стало даже завидно, но он вовремя одёрнул себя. Он же не сумасшедший. Милашевский и Акакий Акакиевич во время сцены похорон тактично молчали. Может быть, кто-то из них (скорее всего эмоциональный Милашевский) тоже смахивал слезу.

— Ну что думаете? — сквозь слёзы спросил Сергеев.

Милашевский и Акакий Акакиевич не отвечали. Это было им несвойственно, и Пётр Иванович пришёл к выводу, что собеседники целиком и полностью согласны с ним.

Осталось выбрать день и сделать так, чтобы всё сложилось красиво.

Новый пиджак, пошитый по случаю вручения медали, имеется. Медаль Пётр Иванович не снял — она отсвечивала тусклым золотом во мраке гардероба, порезанного на неровные куски остриями щелей. Белая рубашка с несколько засаленным воротничком была отнесена в прачечную, и через несколько дней Пётр Иванович получил её тугую и накрахмаленную. Главной проблемой оставалось письмо, которое он непременно должен оставить для журналистов и коллег.

Пётр Иванович писать не любил и не умел, но в результате долгого мучительного творчества, несколько ночей истязавшего его плешивую голову, родилось вот что.

«Я, как истинный артист, решил прервать свою карьеру на взлёте. Государство меня ценит — совсем недавно мне вручили медаль к ордену «За заслуги перед Отечеством», коллеги уважают и любят, публика благоволит, а без театра я не представляю себя. Кажется, нет причин для того, чтобы добровольно оставить этот мир. Но именно так и должен уходить талант — внезапно, по-английски, ни с кем не простившись и не прикрыв дверь. Только лёгкий ветерок будет напоминать людям о том, что когда-то на этой земле жил человек, сыгравший множество ролей. Не плачьте — он вернётся к вам в воспоминаниях, в запахе весенней травы, в образах героев. Может быть, смотря какую-то пьесу, вы вдруг поймёте, что главный герой — это он, и нахлынувшее чувство будет так сильно, что вы не сможете сдержать слёз…»

Пётр Иванович не заметил, как перешёл на третье лицо — особенно возвышенную форму общения с читателями:

«Он уходит от вас, как уплывает в осеннее свинцовое небо белый парус. Он оставляет ослепительный след, который ещё долгое время не даёт глазам успокоиться и как будто бы рассекает сизые волны остриём невидимого клинка. Он прощается с вами навсегда, но остаётся незримым легкокрылым ангелом. Засим прощайте. Ваш Акакий Акакиевич — Пётр Иванович Сергеев-Милашевский».

— Неплохо, — сказал Милашевский. — Ты чего, правда, решился? Или так?

Пётр Иванович не удостоил его ответом. Он был слишком душевно растерзан, чтобы растрачивать себя. Тем не менее, слёзы над собственным письмом не сбили его с абсолютно рациональных размышлений о том, как трепетно всё будет вершиться.

После долгих раздумий, приводить которые здесь нет смысла, Пётр Иванович решил, что перережет себе вены в тёплой ванне. Он где-то когда-то читал, что это самый безболезненный способ самоубийства. Человек медленно, по каплям, теряет кровь, пока, вконец обессиленный, не засыпает. Ни боли, ни страданий, только умиротворённая улыбка и закрытые глаза.

— Ты чего, серьёзно? — вновь подал встревоженный голос Милашевский.

— Правда, заело? — вторил ему Акакий Акакиевич. — Ты пойми, что мы же так просто, философствовали. Ну, как можем мы, посуди сам, существовать отдельно от тебя. Мы же часть тебя. Мы — это ты, а насчёт остального — ты забудь, мы шутили…

— И часто вы так шутите? — наконец ответил Пётр Иванович. — И часто вы себе позволяете выставлять меня дураком перед самим собой? Баста! Я считаю ваши доводы относительно моего ухода из жизни вполне убедительными. Поэтому в скором времени воспользуюсь вашими советами. Только давиться не буду, это уж миль пардон. А вот вены себе вскрыть в горячей ванне — это вариант.

— Пётр Иванович, не блажи, — расстроился Милашевский. — Мы жить хотим.

— А я — нет! — парировал Сергеев. — Если вы не считаетесь с моим мнением, почему я должен считаться с вашим, а? Вот ты, Акакий Акакиевич, ответь, ты умный человек, мудрый, можно даже сказать: что поменяется после моей смерти? Что изменится в этом мире? Может, планеты перестанут крутиться вокруг орбит, может, солнце погаснет, всё человечество умрёт? Что молчишь? Не успел сочинить? Так не трудись — я сам прекрасно знаю ответ: всё будет как раньше. Перед открытием занавеса, так же как и после его закрытия, ничего в зале не меняется. Остаётся только здесь — он стукнул себя по груди. Я сыграю свою главную роль, чтобы остаться в воспоминаниях. Иначе я действительно умру. Навсегда.

— Ой-ой, — не выдержал Милашевский. — Как пафосно!

— Пошёл на… — грубо ответил Пётр Иванович. Впервые он позволил себе такой тон в разговоре с собеседниками.

Милашевский умолк. Акакий Акакиевич тоже молчал — соблюдал корпоративную этику. Несколько минут Сергеев бурчал про себя, что, мол, надоели ему нахлебники, но потом стало скучно, и он позвал сначала Милашевского, а когда тот не откликнулся, Акакия Акакиевича. Так и провёл весь вечер в одиночестве, не дождавшись, пока кто-то появится. Он надеялся, что до завтрашнего вечера ещё увидится с приятелями. Назавтра, в пятницу, он запланировал уход к иным берегам.

Выбирая день смерти, Пётр Иванович руководствовался сугубо практичными вещами. До понедельника его никто не хватится. К тому времени он будет мёртв окончательно и бесповоротно. У соседей в выходные тоже свои дела, никому из них не придёт в голову стучаться за солью к угрюмому соседу, вместо того чтобы прогуляться до магазина. Телефон он на всякий случай выключит.

Весь следующий день Милашевский и Акакий Акакиевич тревожно молчали, временами болезненно покалывая Сергеева чем-то острым в грудь, желудок и пах. Пётр Иванович старался не обращать на это внимания, тем более что был занят какой-то сутолочной деятельностью. Сначала выяснилось, что накануне запил главный инженер, и Сергеева попросили помочь рабочим повесить задник к генеральной репетиции. Он стоял внизу и

командовал, в какую сторону сдвинуть декорацию, отчего ощущал собственную значимость. Потом молодёжь из кордебалета куда-то спрятала его пиджак с медалью (он решил покрасоваться в нём последний день), и Сергеев долго метался по гримёркам, выясняя, где мог забыть сокровище. Нашёл его подвешенным на самый верх вышеупомянутого задника. Долго искал рабочих, чтобы те сняли пиджак. Потом ходил обедать с Лялей — Оленькой Валентиновой, — он выделял её из всех и считал, что она очень талантлива. За обедом поговорили о том о сем, разошлись: Оленька — репетировать, Сергеева позвал главреж, чтобы сообщить, что в следующем спектакле ему, увы, роли не достанется, но это ничего ровным счётом не означает, потому что вот уже скоро ему, как медаленосцу и заслуженному актеру…

Потом пришла пора идти домой. Вот тут Милашевский с Акакием Акакиевичем и принялись за него всерьёз — острые иглы впивались не только в сердце и пах, но и в ягодицы, подмышки и икры. От этого Сергеев на какой-то момент вдруг потерял способность передвигаться, но быстро пришёл в себя и поспешил по темнеющей улице на приближающуюся маршрутку.

Дома уже был подготовлен реквизит к главному представлению его жизни. На подзеркальнике в ванной лежала наточенная опасная бритва… Есть Сергеев не стал, чтобы непроизвольно не отрыгнуть, а кроме того, вычистил клизмой кишечник и хорошо помочился — его совсем не радовало плавать два дня в собственных экскрементах. Он поставил рядом с ванной стул, на спинку повесил пиджак с медалью, сел.

— Собственно, вот и всё, — сказал он Милашевскому и Акакию Акакиевичу. — Давайте прощаться.

— Сволочь ты, — сказал Милашевский. — Я знать тебя не хочу.

— Ну, а с другой стороны, — подал реплику Акакий Акакиевич, — почему бы нет? Наш милейший Пётр Иванович давно исчерпал свой человеческий ресурс. Он как старая батарейка, которая производит видимость жизни, подтекая кислотой, а вставь её в устройство — не заработает. Может быть, на том свете он обретёт смысл.

— Мне плевать, — сказал Сергеев, — плевать, что будет на том свете. — Я хотел самореализоваться на этом. Но вы сами упорно твердили, что, кроме, как умерев, я не смогу сделать это. Я честно пытался, играл, но, глядя правде в глаза, кто меня ценил? Кому я нужен? Сегодня главреж сказал, что не даст мне даже крохотной роли в следующем спектакле. Ну и какой я после этого заслуженный артист?

Тут Сергеев обнаружил, что держит в руках предсмертную записку. Он собирался положить её на стул, но бегло перечитал, порвал на мелкие клочки, дотянулся до унитаза, выкинул бесполезный мусор и спустил воду.

— Я не пойду у них на поводу! И у вас не пойду. Да, такой ценой я сыграю свою главную роль, но это будет действительно самая главная, самая почётная и красивая роль из всех, что у меня были… На меня будут смотреть, плакать, дарить цветы. Я буду главным действующим лицом!.. Засим прощайте.

Сергеев заткнул ванну пробкой и на полную мощность включил напор. Вода быстро заполнила полагающийся ей объём. Пётр Иванович не спеша снял рубашку, брюки, майку. Аккуратно, излишне неторопливо, сложил всё это на стул и прямо в трусах залез в воду — в последний момент ему показалось неприличным, что кто-то посторонний увидит его гениталии, — взял бритву и осторожно сделал надрез на руке.

Хлынула кровь. В первую секунду он испугался и зажал рану руками, но потом устыдился малодушия и сделал ещё два надреза. Пока достало сил, положил окровавленную бритву на одежду, закрыл глаза и стал ждать успокоения.

Акакий Акакиевич и Милашевский молчали. Сергееву показалось, что они покинули его, ушли к другому, чтобы в чьей-то иной голове вести теперь свои путаные диалоги. Но потом вдруг он не просто почувствовал — увидел их. Они сидели перед пустым залом на большой сцене — Милашевский ближе к авансцене, Акакий Акакиевич у голубого задника с нарисованными облаками. Милашевский предстал полным красивым человеком. На лице у него красовались пышные усы, и весь он, включая эти усы, голубые глаза, красивые белые руки, излучал невероятный шарм. Акакий Акакиевич был одет, как и полагается всем Акакиям Акакиевичам, в серую шинелишку, потёртый цилиндр прикрывал лысую голову. Он покачивал ногой, и голова его покачивалась в такт ноге, а может быть, наоборот — нога следовала за головой: кто их, буддистов, разберёт?

— Эй вы! — крикнул Сергеев из зала. — Что играете?

— Жизнь твою играем, — ответил Акакий Акакиевич. — Да ты, Пётр Иванович, что-то подзапоздал, спектакль заканчивается.

С двух сторон сцену стал заслонять большой бархатный занавес, пока совсем не скрыл задник с голубыми облаками, Милашевского и Акакия Акакиевича. Сергеев остался совсем один в пахнущем пылью тёмном зрительном зале.

Во вторник его хоронили.

Главреж, узнавший в понедельник от сотрудника милиции, какое случилось несчастье, тут же стал собирать деньги и театральную общественность на похороны. На деньги, найденные в квартире Сергеева, приобрели домовину, обитую красным бархатом, и арендовали помещение, где зал для гражданской панихиды, как в книжке-раскладушке, немедленно трансформировался на следующей странице в пиршественное помещение, обратно пропорциональное цитате про гроб и стол. Актёры уже готовились выпить, закусить, и кое-кому за это было велено произнести речь. Покойный, к сожалению, не оставил предсмертного письма, и для общественности, в том числе высоких гостей, которые должны были прийти на последний поклон к усопшему, нужно было представить всё в лучшем виде. Чтобы ни у кого не возникло крамольной мысли о причинах ухода из жизни медаленосца, главреж переписал приказ об утверждении актёрского состава в следующую постановку, где сделал Петра Ивановича Сергеева (Милашевского) главным действующим лицом, и все согласились хотя бы на бумаге уступить ему главную роль.

Всё шло так, как он задумал, однако за несколько часов до похорон случился непредвиденный казус. Задёрганному главрежу позвонили и сообщили, что через час всем должно прибыть на похороны важного государственного лица — там будет в полном составе театральный и политический бомонд, и даже САМ будет ставить за упокой лица свечку в главном храме страны.

Стоит ли говорить, что скорбный поезд развернулся и помчался в совершенно ином направлении — туда, где вся столица (и ближайшие окраины) скорбели о достойном муже. К Сергееву были приставлены несколько рабочих сцены, которые постояли у могилы, с удовольствием выпили и закусили, помянув покойного точно уж не один раз, а потом растворились в непонятно откуда взявшемся празднике с обильной закуской и выпивкой. По собственной инициативе пришла проводить усопшего только Оленька Валентинова. Она положила на свежую могилку Сергеева цветок и утёрла слезу.

— Ты знал, что так будет? — спросил Милашевский.

— Ну да, — ответил Акакий Акакиевич.

— Эй, — сказал Милашевский, — Сергеев, тебе всё видно? Да ладно ты, не дуйся, пошли в кого-нибудь ещё поиграем! Мы тебя научим вмиг, правда, Акакий Акакиевич? Не отставай, Серге-е-е-ев!

Комета

«“Комета” кончилась», — подумала Зоя Даниловна. Она всегда полагала, что телевизионная реклама намеренно искажает смысл слов, поэтому названия порошков, гелей, кремов и мазей в её лексиконе отличались от тех, под какими их знало подавляющее большинство населения.

— Вчера купила «Прилив». Опять подорожал, — сообщала она соседке Марусе.

Маруся, привыкшая к странностям Зои Даниловны, не обращала на её слова внимания — в сущности, кому есть дело, что у бабульки в собственной приватизированной квартире тихо съезжает крыша. А в англо-русский словарь Маруся даже в школе не заглядывала.

Сегодня Зоя Даниловна пошла покупать «Комету». Обычно она брала эконом-вариант, в пакетиках, которые потом пересыпала в стеклянную банку. Зоя Даниловна любила чистоту и американскую компанию «Проктор энд Гэмбл» за качественные моющие средства.

Зоя Даниловна не спеша оделась, натянула удобные тенниски и пошла вниз, игнорируя лифт. Жила она на девятом этаже, но всегда старалась подниматься и спускаться пешком.

На улице было солнечно и тепло, что соответствовало календарной дате — 6 мая. Скоро праздник, на который Зоя Даниловна собиралась пригласить подруг. В холодильнике ради этого случая уже пребывали дорогая копчёная колбаса и водка. Рынок располагался недалеко, но Зоя Даниловна старалась не торопиться: ей хотелось пройтись и насладиться первыми запахами молодой листвы. И на девятом десятке лет она не перестала удивляться ежегодной регенерации природы, и каждая весна являлась для неё как откровение. Наверное, так и выглядело счастье.

Зоя Даниловна, внимательно поглядев по сторонам, пересекла автотрассу и потрусила к знакомой торговке бытовыми принадлежностями. За время общения с бабулей одна та понимала, что хочет Зоя Даниловна.

— Мне «Комету», Любаша, — сказала бабуля, доставая кошелёк, и получила в точности то, что хотела, — маленькую в жёлто-зелёной упаковке, лимонную — свою, маленькую, личную комету. Она раскланялась и решила ещё побродить по рынку, может, купить печенья к чаю.

Вдалеке что-то выкрикивал мальчишка, потом замолк. Зоя Даниловна нежилась в лучах весеннего солнца, щурилась и ловила первое тепло. Как вдруг…

Ох уж это вечно неожиданное «как вдруг», резкое для слуха и сознания. Чего стоит, например, ЭКГ. Но ЭКГ — всего на шестьдесят процентов состоит из согласных, а «как вдруг» — на все восемьдесят…

…как вдруг кто-то с силой дернул её сумочку, и вот уже нет в руках привычной тяжести. Зоя Даниловна открыла глаза и увидела, что по направлению к тёмной арке бегом удаляются двое парней. Зоя Даниловна оглянулась по сторонам, но покупатели и продавцы, похоже, не заметили инцидента. Или нарочито страстно заинтересовались гнусным китайским барахлом — розовыми кофтами, мохрящимися спортивными штанами, резиновыми кроссовками?

Так не замеченная никем Зоя Даниловна тихонько потрусила за парнями в арку. Она не спешила: деваться ублюдкам всё равно некуда — арка глухая, и эти двое были настолько уверены в своей безнаказанности, что сами загнали себя в западню…

Никто, даже лучшие подруги, не знал, кем была Зоя Даниловна на войне. Думали, медсестрой. А она и не рассказывала, что командовала подразделением морской пехо-

ты, и была единственной женщиной в этом роде войск. Дома, среди особенно ценных бумаг, военных треугольничков и «сгоревшего» ваучера, хранился полуистлевший блокнот в кожаном переплёте. На его бурых от пятен крови страницах Зоя вела счёт убитым немцам. Да не просто убитым из винтовки, как у снайперов, — ха, это было бы слишком просто! — а убитым различными способами. У одного она вырвала сердце, другому размозжила лопаткой голову, третьего на бегу ухватила за гениталии и проткнула штыком до самых гланд. За голову Чёрной Вдовы, как называли её немцы, давали тысячи рейхсмарок, но никто не сумел Зою даже ранить, как будто ангел простёр над Зоей свои крылья.

Он никуда не делся, этот ангел, и сейчас летел следом за ней, в подворотню, легко и неслышно, хотя кто-то мог подумать, что всего лишь лёгкая тучка заслонила солнечный свет.

Они делили её деньги. Двое подонков с пустыми белесыми глазами — наркоманы, не побрезговавшие двумястами старушечьими рублями. Она немного постояла у арки, отчасти, чтобы успокоить застучавшее сердце и обрести хладнокровие, отчасти, чтобы правильно оценить диспозицию. К сожалению, при ней не было никакого оружия — ни штыка, ни кортика, иначе всё закончилось бы для парней в считанные секунды.

Зоя Даниловна шагнула в темноту. Тот, что стоял ближе к ней, развернулся и осклабился: в пустых глазах отразился солнечный луч. Он дёрнул за рукав другого, который был занят тем, что страстно потрошил сумочку.

— Бабуся пришла, молочка принесла, — проблеял наркоман. — А ну вали отсюда, п… старая!

Зоя Даниловна молчала, привыкая к темноте и медленно поворачиваясь к парням боком.

— Сказано, е… по-быстрому, а то щас уделаем.

Она плотнее сжала маленькие сухие кулачки, ежедневно тренируемые эспандером. Наркоманы молчали. Она подозревала, что на этом их словарный запас исчерпан, а значит, оба сейчас перейдут в наступление.

«Запомни, Зоя, — говорил ей Иван, её первый командир, которого фашисты в сорок третьем сожгли заживо. — Сила иногда бывает и в слабости. Противник всегда недооценивает того, кто, как ему кажется, беззащитнее. Поэтому почти всегда проигрывает. Тебе повезло, ты женщина, и всегда пользуйся этим».

Теперь она была ещё и старой женщиной.

Наркоман прыгнул к ней, одновременно занеся руку для удара в лицо. Зоя Даниловна немного отклонилась, пропуская кулак, а потом что было сил рванула за руку, подсекла и, не без усилия, кинула через бедро. Наркоман упал, и она, не давая ему опомниться, ударила ногой в лицо, ещё и ещё. Хрустнуло.

За спиной Зоя Даниловна услышала щелчок перочинного ножа и боковым зрением уловила движение второго выродка. Этого она вырубила ударом ноги в пах — он не успел даже вскинуть оружие. Наркоман согнулся, и Зоя Даниловна ударила его сплетенными руками в основание черепа.

Перед ней лежали двое, потерявшие сознание, но живые. Поодаль валялась сумочка, пустой кошелёк и желто-лимонная пачка, частично разорванная, — видимо, парни решили, что там наркотик. Денег Зоя Даниловна не обнаружила, а карманы нападавших обшаривать побрезговала.

Она подобрала сумочку, сунула туда кошелёк. Увы, «Комета» никуда не годилась — половина уже просыпалась на грязную землю, а дыра в пакете так велика, что уже не оставалось никакой возможности донести пакет до дома. Зоя Даниловна обозлилась: разве не «Комета», которой она теперь не может пользоваться, стала причиной её сегодняш-

него приключения?! Она подняла пакет и наклонилась к лежащим: пусть помнят Черную Вдову…

Десятого мая, сразу после праздников, Зою Даниловну разбудил звонок в дверь. Накануне они с подругами ели пирог, выпили немного водки, поели колбасы, посмотрели праздничный концерт. О происшествии Зоя Даниловна не стала рассказывать, постаралась только выпроводить захмелевших подружек пораньше, пока не зашло солнце, а перед сном обзвонила всех, спросила, как добрались. Легла она спать в самом прекрасном расположении духа, а утром — вот незадача — кто-то прервал её сон бесцеремонным звонком…

— Ой, — сказал молодой лейтенант милиции.

— Ой, — насмешливо подтвердила Зоя Даниловна. — Тебе чего?

— Я участковый ваш, здрасьте. Мы тут следствие ведём. Нужно пару вопросов…

— Проходи. Я Зоя Даниловна. Тебя как величать?

— Иван. Петрович.

— Проходи, Иван. Петрович. Чай будешь?

— Не, я при исполнении… Зоя Даниловна, шестого числа, рядом с вашим домом, на рынке нашли двух молодых людей. Убитых. Зверски. Вот, может, узнаете их?

— Нет, — сказала Зоя Даниловна, бросив взгляд на фотографии. — Не знаю. А чего это у них во рту синее такое?

— Я же говорю, зверски убиты. Кто-то их избил сначала, а потом, пока они бесчувственные лежали, насыпал в рот порошок «Комет», которым раковины чистят…

— А парни-то, поди, наркоманы?

— Наркоманы, — охотно подтвердил Иван Петрович.

— Я вот почему пришёл-то, — вдруг добавил он. — Несколько человек в день их смерти видели, что эти парни сумочку у старушки на базаре вырвали. По фотороботу вас опознала продавщица, которая вам порошок продала.

— Неужели? — вскинула брови Зоя Даниловна. — И никто из тех, кто меня вспомнил, даже не помог тогда? Ай-ай-ай. И что теперь, вы меня подозреваете? И как вы себе это представляете? Я, на девятом десятке бабуся, зверски убила двух молодых здоровых парней. Не смешите меня, молодой человек.

— М-да, — произнёс лейтенант. — Ошибочка вышла… А, позвольте спросить, сынок ваш с вами проживает?

— Какой сынок? У меня детей сроду не было. Вот, гляньте, паспорт. Ни мужа, ни детей.

— А гирьки с эспандером чьи? — поднял брови Иван Петрович.

— Мои. Тренируюсь потихоньку, чтоб старая кровь не застаивалась. Они легкие — по пять кило, даже ребёнок поднимет. Может, выпьете немного чаю, у меня пирог остался и колбаска после вчерашнего праздника.

— Ой, нет, надо бежать, — поднялся участковый. — С праздником вас прошедшим!

Уже у порога обернулся.

— Вы пока на рынок не ходите, — наклонился он к Зое Даниловне. — У этих двух дружки остались, мало ли что. Ну, до свидания.

«Наша служба и опасна и трудна», — спускаясь вприпрыжку вниз, мурлыкал Иван Петрович.

Ольга ЛЮСОВА

Родилась в 1980 г. в г. Кемерово. В 1986 г. семья переехала в Переславль-Залесский. Ольга училась в США, окончила факультет иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.
Занималась в литературном объединении «Третья пятница» (Ярославль). Публиковалась в местной периодике, в газете «Молодёжная линия» (Кострома), коллективных сборниках, в журнале «Русский путь». Автор книг «Стихи» (2002) и «Дерево без коры» (2010), вышедших в Ярославле.
Живёт в Швейцарии, но связи с ярославскими литераторами не теряет.

«Все наши будущие встречи»

* * *

Я вспомнила — мне не хватает восторга.
Голову тщетно ломала, откуда такая сонливость,
Такая размеренность, выдержка — как у работника морга,
И низкий порог на шумы, и такая брезгливость.

Вспомнить ещё бы, когда моё ёкало сердце,
Визгом щенячьим когда раздирало мне глотку.
Может, поэтому я так чрезмерна со специями
И в лошадиных количествах кушаю водку?

В цирке невесело, лес недостаточно дикий,
В горы сходила — и там мне всё так же обыденно.
Только один человек мог стеснить мои рёбра до крика.
Да что толку теперь о яйце разглагольствовать выеденном.

Может, правда, податься в гористую странную Индию
И себя растворить в бормотании сутр и мантр?

© О. В. Люсова, 2012

Ни к чему мне восторг.
На ладони инакие линии.
Что ещё остаётся тому, кто с рождения стар?

* * *

Такая, видно, участь от рожденья —
Смотреть в чужие окна по ночам,
В чужие жизни… До самозабвения
Носить пустыню звёздную плечам.

Вбирая кожей горести и холод,
Хранить от ветра ладанку в груди.
А может, будет мне предложен повод
На чей-то свет без повода зайти.

Согреться чтоб, но не до одурения.
Расслабиться, но чтоб не разомлеть.
И вновь уйти, исполненной терпения,
Не дав в груди лампадке прогореть.

* * *

Летом холодным в простуженных реках
Я полоскала раны.
И не заметила, как после вербы
Вдруг расцвели каштаны.

Я их ждала всей душой… Но пока
Нам с погодою было дождливо,
Белые свечи под облаками
Таяли сиротливо

Во спасение всех, кто рассудок терял
И чьи руки разжались безвольно,
Отпуская соломинку веры, кто спал,
Чтоб не пить и чтоб не было больно.

* * *

Когда сверху уделов была раздача,
Мне достался, на первый взгляд лёгкий, —
Быть зрячей…

Ведь бывают уделы мучительно сложные —
Вечной жажды или переливать из пустого
В порожнее.

Но с течением лет мне взмолиться хотелось отчаянно,
Тихо веки прикрыть и не видеть страданий
И чаяний.

Я готова и руку отсечь, и полжизни отдать,
Но не видеть. А видеть —
Синоним — знать.

* * *

Жизнь на боль меня натаскивала,
Огрубляла руки ласковые.

Мой последний детский вой —
С кем угодно меня стравливай,
Умоляю — не с собой.

Жизнь на смерть меня натравливала,
Я все делала неправильно.

И молочными зубами
Грызла вены неуклюже
Под святыми образами.

На любовь сама набросилась,
Как в цветенье поздней осенью.

Задержи усталый взгляд
На видении прекрасном.
Чуешь, скоро снегопад.

* * *

Нечем заняться? В моей узкой вселенной
Осталось несколько непришитых пуговиц.
Посвятить сутки поискам переменной,
Которая диктует пересечение улиц.

Можно заранее нарезать бинты — лет на двести,
Пропитать их перекисью водорода.
Рассуждать о нецелесообразности мести
И других неэтичностях подобного рода.

А заняться нечем. Я убогий смотритель
Мусорных корзин и электронных ящиков.
Холодной-горячей воды смеситель.
Тайный покровитель электросварщиков.

Но будет мой рейс, будет суббота,
И Бог завалит меня работой.

* * *

И не чище в душе,
Не светлее на небе,
А из жизни моей
Увезли мебель.
Заиграли лучи
На немытом паркете.
Не пойму, я на том
Или этом свете.

Время встало.
Свернулась в комочек быль.
Схоронила меня
Золотая пыль.

* * *

Левый глаз. Нижнее веко. Родинка.
Туда устремляю взгляд. (Мысленно — губы.)
При этом трезвость хранить попробуй-ка.
Этот надменный глаз ко рту бы.

Чтоб перестал в такт речам раскачивать ногой,
Чтобы вальяжно так не откидывался в кресло.
По ночам чтоб бродил под мостами больной,
Чтобы пусто в груди — в целом городе тесно.

Дневной свет исчерпан. Электрический?
(Сигнал. Если включит — останется.)
Но нет, уходит. Прощаюсь стоически,
Хотя каждый мускул сжимается
На прыжок,
На мольбу,
На окрики –
Во всю пасть.
Запустить пятерню
В затылок, в волосы
И к родинке припасть.

* * *

Хочу с тобою в дальний путь.
Грустить с тобой в одном вагоне,
Читать, неловко улыбаться
И предлагать горячий чай.
Смотреть в окно и знать, что это
Отныне наши города,
Поля и реки.

Вновь за книгу…
И, никуда не торопясь,
Вести негромкие беседы.

Хочу с тобою в дальний путь,
Чтоб ритм сонного вагона
Нас навсегда объединил,
Чтоб не покинула неспешность
Все наши будущие встречи.
Ведь у нас будет за плечами
Великолепных трое суток,
Прошедших словно краткий миг,
Простого счастья без причины.

* * *

О тебе я писала так,
Что у неба сводило скулы.
Попадала луна впросак,
И свисал её шарф со стула.

Почему ж, как упрямый бес,
Не садилась тебе на колени?
А по-волчьи смотрела в лес
И писала, писала, писала стихотворенья.

* * *

В доме моём не было пусто.
Лица мелькали, брызгали чувства.
Мне ж — как удар о пустую кастрюлю.
Вся суета отгремела впустую.

Помню, иду, громыхаю пакетом.
И вроде не дура, прилично одета.
Но рвётся животная боль через глотку,
Бьётся в пакете пиво о водку.

Прошло? Отболело?
Возводится в степень!
И дома уж нет,
И хочется в степи.

* * *

После ливня
Массовый суицид
Дождевых червей
На асфальте.

У меня немного
Помятый вид.
Кстати, с прошедшими
Поздравьте.
Угораздило же меня
В праздничный день
Родиться.
Только не думайте,
В этот раз
Даже не думала
Напиться.
Просто встретился
Человек.
Просто раскаты грома
Были так в тему.
И жаль червей,
Которые по-другому,
Видимо, не умеют.

* * *

Где они, наши морозные окна,
Плача в которые, мы тосковали,
Ждали в которые — на расстоянии,
В муках застывшие, как изваяния.
Не приходили молиться к ним сколько?

Тысячи жизней отдать на заклание,
А не хватило лишь капельки веры.
Храм на замок — и да выдержат нервы! —
Смахивать стала любовь на консервы,
Вкуса совсем не добавят скитания.

Знаешь, а этой морозною ночью
Слягу, размякну и даже всплакну.
Сяду писать, только всё зачеркну,
В ужасе праведном встану к окну,
Чтобы тебя в нём увидеть воочию.

* * *

Врачевать…
Нет у меня такого дара.
Это так же естественно,
Как прижать ребёнка,
Вырвавшегося из кошмара.
Это так же естественно,

Как помочь
Напуганной роженице.
Да, я не врач,
Просто я подвернулась
В час,
Когда закрываются больницы.

* * *

Как отчаянно в солнечном ныло сплетении,
Пока наш самолёт набирал высоту.
Облака друг на друга бросали тени
И порочили миф про свою чистоту.

По сценарию надо бы нам разбиться,
Но коснулась рука моего лица.
Мы летели с тобой из станицы в столицу
Над громадами туч из воды и свинца.

Мы летели с тобой в ослеплённом пространстве,
И слезились глаза — от одной синевы?
Ты забылся во сне, я забылась в упрямстве,
А в кармане пучок терпкой горькой травы.

Общежитие

Окна немытого квадрат…
Под звуки радиорекламы,
Чеканя шаг, пройдёт парад
На фоне пыльной панорамы.

Поджав замёрзшие ступни,
Чешу задумчиво затылок.
Толпа! Распни его, распни
Изобретателя бутылок.

Сергей
БАТАЛОВ

Родился в 1982 г. в Ярославле. Окончил юридический факультет ЯрГУ им. П. Г. Демидова.
Занимался в литературном объединении «Третья пятница» при Ярославском отделении Союза российских писателей, в литературной гостиной «СтихиЯ», в литературном объединении при Ярославском областном отделении Союза писателей России.
Публиковался в коллективных поэтических сборниках: «Серебряная даль», «Ярославский альманах», «Чем жива душа...», «Кочевье» и др.
Победитель публицистического конкурса «Русский характер: новый взгляд», проводимого в рамках общероссийской литературной «Илья-премии» (2011).
Работает в правоохранительных органах.
Живёт в Ярославле.

Разговор о погоде

Музыкальное...

Там, где лёгок, как вздох, полукруг музыкальной площадки,
Музыканты играли, и музыка делалась тише,
Оседала, стихая, над утренней стылой брусчаткой,
Прижималась к земле и к земным делам делалась ближе.

И из музыки той, как сквозь морось сырого тумана,
Проступал не во сне — наяву чудом явленный город.
Проступали деревья, дома, парки, скверы, фонтаны,
Клумбы, вазы и львы, купола, и кресты, и колонны.

Проступал сквозь него чёрный плац древний Марсова поля,
Где ходили полки, чёткий шаг в чёткий ритм заплетая,

© С. А. Баталов, 2012

А ещё где-то там, в стороне, зашумела торговля,
Просыпалась от сна поутру это площадь Сенная.

И наполнился град своим шумом, и гулом, и гамом,
В Губернаторский дом собирались там гости на танцы…
И сидели в каморке своей в полутьме музыканты,
И молчали во тьме, согревая замерзшие пальцы…

* * *

Разговор о погоде
За книгами,
С умным дождём,
С очень умным дождём,
Ты не веришь мне? Нет? Что за дело?
С дождевою водой разговаривать можно о чём?
Как обычно, о многом, о том, что река обмелела
И никак не нальётся… Ты знаешь, ведь эти дожди
Промочили века и одежду, размыли дороги,
Никуда не проехать. Нам далее нету пути!
Будем дома сидеть, продолжать разговор о погоде...

Очень скользкая тема.
Огромный воздушный шатёр
Заиграет серебряной тканью за окнами дома.
Выходи на балкон. Или нет, загляни за балкон,
Загляни в глубину, высоту дождевого затона.
Так листва зелена, пахнет остро земля и трава,
Под дождём мрачно лезут в подвалы промокшие кошки.
Всё дожди и дожди… Чем такая погода права?
Тем, что, день отложив, наблюдать можно дождь за окошком.

Посмотри за окно, дождь всё там же, по-прежнему льёт.
Отвлекись от него, улыбнись, выпей кофе с корицей,
Посмотри за окно: там прохожий случайный идёт,
Безнадёжно зонтом от дождя не пытаясь укрыться.
Но он дальше идёт. Там, под зонтиком, спрятанный мир,
Знать, не хуже, чем наш, золотой, по-кофейному терпкий,
Всё вобравший в себя, словно зонтик огромный без дыр,
Нас укрывший собой от мокрот этой улицы топкой.

Разговоры с дождём. И молчание в ритме дождя.
В этом стуке воды тишина по-особому длится.
Как прекрасно молчать, и в молчании знать про себя,
Что, пока этот дождь, ничего на земле не случится.
Ты была под дождём. Много можешь поведать о том,
Как он дарит, бывает, на пару и насморк, и стойкость,

И поэтому так нам понятен вон этот с зонтом,
Что бежит среди луж, демонстрируя некую бойкость.
Мы стоим у окна. На границе дождя и тепла.
Мягкий свет освещает двоих в молчаливой квартире,
В мире нет никого, кроме нас. За окном темнота,
И застыли с тобою мы взглядом в том сумрачном мире.
Но по комнате той мотылёк одинокий кружил,
Бесконечность назад где-то раньше встречал его вроде,
Ну пойдём, дорогая, и чайник, конечно, остыл,
В теплой кухне с тобой продолжать разговор о погоде.

Сюжет для ненаписанного романа

Молодой живописец бросается в Рим.
Утомлённый, бредёт по разбитым дорогам,
Укреплённый в лишеньях, скитаньях — во многом,
В вечных цыпках своих — молодой пилигрим

В этот Город приходит — как будто домой.
Из фонтана пьёт воду — где торс Посейдона,
И ему всё знакомо, хоть всё незнакомо,
Много думал о ней — об Италии той.

Он вокруг поглядит: вот пасётся коза,
Рядом — кошки, лежат средь каких-то развалин,
Как в деревне его… Ведь ему не сказали,
Как тоскуют по дому… Не скоро назад.

У фонтана мальчишки играют в пыли —
Эти игры ему незнакомы, признаться, —
Но он знает, что может, что должен остаться
В этом месте, в котором он будет — один.

Здесь — учиться: любить, рисковать, рисовать,
Просто жить в размышленьях о чём-то прекрасном,
И когда оно станет хоть чуточку ясным,
С лёгким грузом таким — возвращаться назад.

Чтоб в далёкой России — её не забыть! —
Где другие совсем наблюдал он картины,
Хоть росточек Италии — солнечной, милой,
Хоть частицу её попытаться — привить.

Римское...

Мягкое зимнее солнце,
Скатываясь к земле,
Неким руинам древним
Лишь добавляет тайны,
Жирные римские голуби
Нежатся на окне,
Машут крылами,
В пару к открытым ставням.
Мир, где шатры из пиний
Дарят приют в тени
Разным прохожим,
Шедшим по всем дорогам,
В городе вечном этом
Чувствуешь — ты не один,
И никогда судьбу
Не будешь просить о многом.

В жизни всё очень просто:
Жизнь хороша, пока
Хлеба довольно нам
В ломтиках помидоров,
Чистой воды довольно:
Маленького глотка,
Что с акведуком древним
Нам подарили горы.
И теперь, поверишь,
Всё там же вода бежит
Древним руслом, как будто боясь остаться,
Чтобы в этих потоках света свой миг прожить,
Всею сотнею римских фонтанчиков
Расплескаться…

Солнце, правда, здесь очень мягкое,
Потому
Согревает нас, как горящий огонь в печурке,
Словно гладит ласково, глубину
Придаёт стенам, трещинам, штукатурке,
Этим кошкам в развалинах,
Что лежат,
Так, как будто хранят неземную тайну,
На туристов бросить боятся взгляд,
Будто — раз! — и выдадут всё случайно.

Даже лица здесь… Обожжённые,
Нет смуглей.

Будто год покрывались густым загаром,
Эти кудри чёрные —
Все в смоле.
Расцвели художества здесь недаром!
И любой ребёнок случайный здесь
Ангелочком смотрится Рафаэля,
Да и сам он, вроде бы, где-то есть,
Проезжал недавно, на той неделе.

Этот Рим, однако,
Так прост на вид,
Твою душу он ловит совсем не сразу,
В переулочках тайны свои хранит,
Полутёмных, сырых,
Недоступных чужому глазу…
Где-то там, в сердцевине,
В середине путей Земли…
На булыжнике ли,
На каком-то обломке античном
На беспечных прохожих случайных
На миг взгляни
И пойми, что теперь
Будет всё в твоей жизни отлично.

Погляди вокруг,
В черноту ночей погляди,
На фальшивыми сумками
В ней торгующих
Сенегальцев,
Вот толпа идёт —
Погляди! — в ней идут одни
Бесконечных римских ночей
Скитальцы.
Пантеон стоит,
С Пантеоном стоит толпа,
Что ему толпа,
Если вечность проходит мимо?..
Убежишь в метро.
Но и там набежит волна,
В перехлёстье путей
Заиграет вдруг «Хава-нагила»…

То ли римский еврей, а то…
То ли просто безденежный итальянец,
Со своею скрипочкой к нам в метро –
Как с небес слетевший во тьму посланец.
Он играет так, что идти назад
Так ли, вдруг подумаешь, необходимо?

Видно, в музыке той
Есть какой-то особый лад,
Бесконечная тайна попавшего в вечность Рима.

Опускается ночь.
И лучей от луны пучок
Вырывает из тьмы
Некий портик, кусок колонны…
Ты идёшь домой,
И в тебе тот поёт смычок,
Ты идёшь домой,
В бесконечную жизнь влюблённый.
Самолёт летит,
С ним ты завтра летишь назад,
Рим идёт с тобой,
Он не просит тебя остаться,
Потому жив в тебе
Этот самый особый лад,
И пока он жив —
Не приходится расставаться…

Кате

Разговаривать с ней — это чистую воду пить,
Разговаривать с ней — это просто глядеть в глаза,
И гулять под луной, строить планы, да просто жить —
Так любви началась долгожданная полоса.
Я живу сейчас, словно чистое небо пью:
Разговаривать с ней — это миг угадывать, птиц кормить…
От её небывалого: «Я люблю!» —
Мир становится тем, чем, казалось, не мог и быть.

Домам стиля классицизма
Век непонятный, век усталый
Домов эпохи классицизма.
Обыкновенный век, не старый,
Его застали даже мы…
Ты помнишь: кошки на окошке,
Бабульки, дворик очень чистый…
И одинокий брёл прохожий,
Держась тенистой стороны…

Ты помнишь, милый мой, ты помнишь,
Ведь здесь прошло и наше время,
Ты помнишь день, когда играли
Мы в самой солнечной пыли?

Тряслись соседские заборы,
Звенели старые трамваи,
Велосипедом день кружился,
И жизнь — по правилам игры…

А помнишь день, когда считали
С тобою солнечные пятна?
Палило солнце нам нещадно…
Тот день обратно не вернёшь.
Потом к нам опускался вечер,
Такой лишь чуточку прохладный,
Потом в «земельку» мы играли,
Бросая перочинный нож…

А если посмотреть внезапно
Во тьму старинных фотографий:
Иные дни, иные лица —
Но те же старые дома.
Седой извозчик держит лошадь,
И на прогулке — дамы в платьях…
Перед фасадом их, похоже,
Сменилась целая страна…

О, долговечный век усталый
Домов эпохи классицизма:
Лепниной — вазочки и лица,
Кисть винограда, чаши, львы…
Они довольствуются малым,
Им не пристало торопиться,
И за движеньем нашим странным
Устало смотрят вдаль они…

* * *

Сквозь немытые окна дремучих пустых поездов,
Созерцая киргизо-кайсацкие хмурые степи,
Чай держа в подстаканнике, я, тот беспечный ездок,
Проезжал сквозь больные пространства замёрзшие эти.

Частый стук подвагонный случайно отстукал «прости»,
Чем-то меньше нуля обрелась пустота за перроном,
Вот и всё, господа, вот и всё. Был я в долгом пути…
И плацкартный вагон обернулся мне временным домом.

В суету городов… В пустоту обозримых земель…
Сквозь пространство летя и уют охраняя вагонный,
Пролегла между явью и сном и моя колея,
Освящая пространство кругом ниткой улицы черной.

Но в пространстве пустом, как спасенье пустынных земель,
В зыбкой рамке небес, в темноте непростой, безыконной,
Огонёк замерцал, как морзянка: «Прости и поверь»,
Как надежда на жизнь вот и в этой сумятице чёрной.

Давний призрак забытый калмыко-кайсацких костров?..
(Странный ритм поездов — кто не стал бы в дороге поэтом?)
За окном пролетают виденья — подобия снов…
Их забрать бы в стихи — но веду разговор не об этом….

В пустоте огонёк — лишь приблизившись — словно сгорит,
В полумраке ночном на миг станет достаточно света,
И в скрещенье теней электрический свет озарит
Человека в ночи, впопыхах говорящего это.

P. S.
Так и едем, меж тем или этим, своё сердце в печали скрепя,
Кто б в дороге сказал, на каком, том ли, этом он свете?
Я вернулся домой, а ведь мог и себя потерять,
А уж как или где, даже сам бы в пути не заметил.

Николай Пайков: человек и его дело

За время, минувшее после ухода Николая Пайкова, сказано и написано о нём немало. Оказалось, что он интересен и нужен многим. Оказалось, о нём есть что сказать. Я не претендую здесь на суммарное обобщение. Я просто поделюсь своими соображениями и воспоминаниями.

Начну с того, что определить статус Пайкова в жизни города довольно трудно. В Ярославле есть, слава богу, культурная среда, есть сфера интеллектуальной и художественной коммуникации — и он точно не был, не воспринимался в этой среде белой вороной, странным чудаком. Вопрос в другом. Как определить и как назвать его в зерне его жизни, его активности?

Учёный, литератор, педагог, общественный деятель… В принципе Пайков был одним из не очень многих в Ярославле его времён людей, которые явным образом могут быть отнесены к той статусной группе, представителей которой называют свободными интеллектуалами.

Когда-то Сартр сказал, что «интеллектуал — это кто-то, кто вмешивается в то, что его не касается». В таком понимании, которое получило всеобщее признание, сословие интеллектуалов — это люди, которые известны как учёные или художники благодаря своим работам в области точных или прикладных наук, медицины, литературы; и теперь они «злоупотребляют этой известностью», выходят за пределы своей сферы и критикуют общество и действующую власть «от имени и по поручению» некоего идеального представления о человеке и культуре.

Именно так, широко, свободно, творчески, стремился реализовать себя Николай Пайков в пределах «ярославской гражданской общины». Что-то из этого получалось, что-то нет.

К примеру, в середине 1990-х Пайков организовывал дискуссионный клуб на факультете филологии и культуры ЯГПУ имени Ушинского. Здесь трепетали злобы дня. Помню, как ярославские интеллектуалы, собравшись вместе, довольно дружно договорились до мысли, что Чечня «изнутри» победит рыхлую, аморфную Россию: не в открытом бою, а энергетикой, этнической спайкой, волей к власти и стремлением к успеху… Так это или не так, но Пайков был замечательным модератором и душой предприятия в целом. Однако в целом означенная интеллектуальная мобилизация оказалась для городского общества в тот момент не весьма востребованной.

Видя, как много сил он вкладывает в организацию литературной среды, связанной с именем поэта Константина Васильева, участвуя в этом процессе сам, я не мог не утешаться тем, что у дела есть надёжная опора. Есть плечо, на которое всегда можно опереться. Есть мозг, который работает порой с невероятной отдачей. Есть обаяние личности, которая создаёт вокруг себя ауру творчества и настраивает на труд.

* * *

И всё-таки сначала Пайков — учёный, да. Литературовед, посвятивший много времени и сил изучению русской литературной классики и прежде всего творчеству своего тёзки, Николая Некрасова. Кто-то напишет потом даже, что некоторые характеристические черты Некрасова Пайков невольно перенял. Может быть. Хотя это уже не научное

© Е. А. Ермолин, 2012

На кафедре русской литературы ЯГПУ Н. Н. Пайков проработал более тридцати лет

отношение к предмету. И, собственно, научным подходом к творчеству Некрасова действительно нельзя объяснить всего. Уровень и качество научной рефлексии о Некрасове у Пайкова выглядят более чем убедительно. Между тем он так и не защитил докторской диссертации о поэте, и труды его производят впечатление незавершённости. Но мне кажется, что такое non finito случилось неспроста. Оно — результат особенно тесной, можно сказать интимной, связи с предметом.

Пайков, конечно, знал знаменитые строки Блока: «Печальная доля — так сложно, Так трудно и празднично жить, И стать достояньем доцента…» Он не хотел быть таким «доцентом». И не стал им. Он хотел быть посмертным другом, лучшим читателем, сочувственником и сорадетелем Некрасову. И он стал им.

У него есть работы о Некрасове довольно нейтральной тематики. Но даже и в них горизонтом осмысления является целостная личность поэта. Ну а в самых ярких, самых интересных его статьях (например, в очерке «Николай Некрасов: долгое возвращение на родину») Некрасов явлен сильно и отчётливо, и это явно приобщает нас к чему-то самому сущностному в поэте как в человеке.

Вообще, в науке, в литературе, в жизни Пайкову важна и нужна была личность. «Универсальный интегратор тотальности сущего как собственного бытия», как он сформулировал однажды по случаю. «Мир закономерностей, размерностей, эффектов, неклассических параметров жизни может существовать как вне субъекта, так и в присутствии субъекта. Но мир культуры, смыслов, ценностей создаётся именно родовым и эмпирическим субъектом». И если «родовой субъект» редко привлекал внимание Пайкова как исследователя, то «эмпирический субъект» — творческая личность — был предметом его постоянного и пристального интереса. Его взгляд на культуру, на искусство был личностен. В герое и в авторе он видел, в первую очередь, тип поведения и способ самовоплощения. Морально или экзистенциально не мотивированные литературоведческие абстракции редко его зажигали. Лучшее из написанного им, как мне кажется, посвящено как раз проблеме личности в её творческой, художественной самореализации.

И, возвращаясь к сюжету о личностных качествах Некрасова, усвоенных Пайковым, я б заметил так. Дело, возможно, не просто и явно не только в усвоении. Но и не только в характеристических чёрточках. Общественное призвание Некрасова и сложный роман его с малой родиной, Ярославской землей, так или иначе преломились в личностном опыте самого Пайкова.

Ярославская тема в разных ракурсах стала основной темой его жизни, его размышлений и творческих опытов.

Он писал и говорил о местной культуре. О краеведении. О судьбе Карабихи. О ярославских литераторах прошлого (характерен его яркий очерк о семибратовском поэте и лермонтоведе Олеге Попове), о художниках и писателях настоящего. Его герои — писатели Новикова, Васильев, Ястребов, Кемоклидзе, А. Калинин, Перцев, Советников, живописцы Аранышев, Рожков… Трезво оценивая сделанное Пайковым, можно сказать, что в свои последние годы он стал ведущим критиком Ярославля. Хотя, скажем прямо, позволял себе писать только о том и о тех, что и кто ему нравится.

III Васильевские чтения, пос. Борисоглебский. 2005

Читая его статьи, видишь среди прочего упорное стремление вписать своих героев в широкие культурные контексты, очертить масштабные литературные перспективы. Такие проекции были иногда впору, иногда на вырост, а иногда и вовсе имели значение только для внимательного читателя. Однако они, по сути, дают нам теперь представление о реальном масштабе самого Пайкова. О направлении его мысли, о характере его поисков, его симпатий, его бэкграунде.

Характер миссии приобрёл и его педагогический труд в Ярославле. Что-то стоическое было в его бдении на посту университетского преподавателя русской словесности — на рубеже тысячелетий. Что-то, что казалось ответом всеми нами сознаваемой нарастающей проблематичности литературного дела и прогрессирующей неуместности литературной традиции в современной «Эрэфии» — стране торжищ и зрелищ.

В студентах он видел силу сопротивления року и фатуму, в будущем учителе хотел угадать просто человека, который не сугубо профессионально проснётся навстречу смыслам и ценностям русской словесности, являвшейся средоточием русской жизни как таковой. И погружался в педагогику с головой, самозабвенно. Тратился без счета.

* * *

Мы встретились в 1989-м. Я пришел на филфак пединститута. Единственное требование, которое мне тогда предъявили, состояло в том, чтоб уже в сентябре я поехал со студентами первого курса в Борисоглеб на картошку. Вот так жизнь свела меня с Пайковым, которого тоже отрядили руководить студенческим сельхозотрядом.

Первого сентября я догнал его и студентов в училищной общаге на краю посёлка. Его внимательный, заинтересованный взгляд и глуховатый, негромкий голос, его характерная скороговорка с ритмическими перебоями, его приветливость и доброжелательность, которым он никогда не изменял, — всё это было удивительно, незаурядно. Он сразу располагал к себе, нисколько над этим не трудясь.

Становилось моментально ясно, что это редкого качества и уникальной конструк-

Н. Н. Пайков был одним из организаторов городского клуба любителей словесности «Тысячелетие». 2009

ции человек и от него нужно ждать только хорошего. Становилось вмиг понятно, что несовместимы он — и пошлость, он — и глупость.

И довольно быстро осознавались также его надёжность и опытность, его мудрая бережность к вчерашним школярам: экстремальные условия жизни давали много поводов наблюдать эти качества в действии. Меня тогда и потом всегда впечатляли его ресурсы человеколюбия, в сущности безграничные, избыточные, легко расходуемые и как будто без труда обновляемые.

А ещё он был артистичен. Это редкого качества искусство жизни. Общением с людьми он, казалось, решал внутреннюю задачу, стремясь к некоему идеалу совершенства, соотнося себя с этим идеалом и, как казалось со стороны, легко обычно с ним совпадая. В нём были органичная уместность и искренность в любой ситуации — в общении и со студентами, и с колхозным бригадиром, со всяким даже хамлом и быдлом, — были безошибочная трезвость, внятность и та гуманная мягкость, которая нисколько не походит на мягкотелость и беспринципную уступчивость, которые злопыхатели приписывают русским интеллигентам.

Никто и не заблуждался на сей счет. «Использовать» Пайкова можно было только апеллируя к чему-то важному и возвышенному, свободному от примитивной корысти и мелкой пользы. Для других надобностей он как-то слишком явно не годился. Успех, слава, благополучие и прочие фетиши не имели над ним совсем никакой власти. Да и просто формальные нормы не вдохновляли в отсутствие миссии.

Мне теперь кажется, что уникальное искусство жить было самым главным его искусством. Мысль об этом искусстве организовывала и его научный дискурс. Многое в его рассуждениях о русских классиках связано именно с таким подходом и такой темой. И сам он, как мнилось, так преуспел в этом искусстве, что вроде б и не нуждался в чужих советах и пожеланиях, он шёл по жизни уверенно и спокойно, доверяя себе и в готовности отвечать за всё без скидок.

Впрочем, оборотной стороной этой погружённости в процесс, совершенствования каждой детали процесса стала упомянутая невозможность завершения ни одного крупного проекта. Маячивший на горизонте итог, окончательный результат его не очень радовал, а процесс, «движуха» вдохновляли. Поэтому свой ресурс умений и способностей, творческой самореализации он никак не мог актуализировать до конца. И это его явно временами томило. Отсюда, возможно, его компенсаторная по отношению к основным занятиям тяга к журналистике, отсюда, быть может, выплески артистизма и творческие экспромты, о которых помнят многие.

…Что-то около месяца в одной комнатушке — это огромный срок, чтоб познакомиться и подружиться. Никто не мешал нам в часы досуга говорить про всё на свете, разбирать по косточкам агонизировавшую советскую власть, питать надежды, строить планы. Нашлось много общего во взглядах, в понимании жизни, что впоследствии стало простой и надёжной основой наших отношений, не требовавшей особой коррекции и регулярной сверки. В важном и главном и он, и я оставались верны себе.

На факультете русской филологии и культуры ЯГПУ после защиты магистерских диссертаций. 2009

Впрочем, и различия были очевидны. Пайков казался человеком абсолютно не идеологическим, не актуальным. Бродячие рефлексы момента его почти не занимали, сиюминутное бурление его совсем не касалось. Он казался человеком на отлёте, не от мира сего.

Пайков легко признавал твое право думать иначе. В душе он был тогда скорей всего социалистом-гуманистом, но в стиле дискуссионного общения — исключительно либералом. В нём не угадывалось того фанатического идейного воодушевления, той увлечённости фактурой разразившейся демократической революции, которые снедали в те времена меня.

Если он и ощущал себя заложником исторической и социальной ситуации, то как-то не особенно этим огорчался и скорее пенял на себя. Он предъявлял довольно уравновешенную позицию, смысл которой, возможно, состоял в том, что эпоха и режим не властны над совестью и призванием. А в них-то и заключена суть жизни.

Он был совсем не религиозен, не скрывал своего агностицизма — но одновременно стихийно космичен, философически неотмирен, в то время как я пребывал в состоянии религиозного азарта, но оставался притом тотально историчен и максимально актуализирован.

Я понимал, что никогда таким, как он, не стану. Не смогу так чётко дистанцироваться от злоб и тревог дня. Но подход к жизни Пайкова выглядел страшно убедительно как проекция цельной и яркой личности на всё, что происходит вокруг.

Различия в ритмике жизни, во вкусах и интересах не то чтобы не мешали… Задушевными друзьями мы не стали. Ведь нам даже поспорить ни разу как следует не удалось. Не случилось предметного повода. Но нас связало, как я теперь вижу, что-то не менее важное: такие теплота и нежность, которые были основаны практически на полном взаимоприятии. Ну просто невозможным казалось в нём усомниться.

Нет, всё-таки это дружба. Братское чувство, в котором брезжили высокие дух и пафос настоящего товарищества. Нам не нужно было держать друг друга на коротком поводке. Чувство доверительной близости и

даже родства удостоверялось просто взглядом и парой слов при встрече, где-нибудь на факультетской лестнице.

К тому же Пайкова отличала исключительная ненавязчивость. Возможно, у него на сей счёт даже водился, как я теперь думаю, некий комплекс. Он был невероятно отзывчив, щедр и нежен, если в нём нуждались, — но когда проходила у тебя в нём прямая нужда, он без обиды отходил в сторону, не претендуя на внимание и вполне игнорируя всякие формальные знаки благодарности. Умел оставаться один.

* * *

Потом случилось ещё несколько моментов, когда обстоятельства рождали потребность в более или менее регулярном общении. Поначалу в 1996 году он активно включился в проект организации журналистского образования в Ярославле: прилежно ходил и ездил на семинары с голландскими журналистами, которые делились с нами своей образовательной моделью, писал записки по поводу своим мелким бисерным почерком… И с огромным, как мне казалось, сожалением он принудил себя в итоге ограничить желания и амбиции и сосредоточиться на русской литературной классике.

С другой стороны, могу предположить, что Пайков трезво понимал: его великолепный литературный слог плохо соотносится с элементарными требованиями журналистского ремесла, которые максимально востребованы в нашей прессе, а другой прессы в Ярославле мало или нет вовсе.

Но всё-таки что-то он и пропустил по дороге, в итоге лишь отчасти (хотя мастерски) реализовав себя как журналист в жанре литературного портрета и шире — портрета художника. И это замечательные опыты.

Увы, я знаю сам, как заедает преподавательское дело, отнимая уйму времени и сил. А Пайков не умел на этом экономить. Он вообще ни на чём не экономил.

* * *

Я помню наши разговоры о кризисе литературоцентричной цивилизации, о зыбкости почвы под ногой и завершённости национальной судьбы. Но соглашаясь с этими печальными констатациями, он всё же явно собирался утонуть вместе с кораблём великой традиции, а не спасаться как-нибудь в одиночку. Не изменил своей любви.

Да, была в нём не просто правильность, но — праведность. Деятельная воля к истине и к добру. Очерк об Олеге Попове он назвал «Тайник духовный неповерженного Дон Кихота». Это, донкихотское, начало было очень явно выражено и в его собственных манере и жесте. И судьбе.

Евгений ЕРМОЛИН

«Превозмогая плен паденья вкось...»

Род Тарковских и Ярославский край

С нашим краем связаны судьбы многих прозаиков и поэтов, внёсших значительный вклад в развитие отечественной литературы. Для одних, чей талант полностью раскрылся в столице, ярославская земля навсегда осталась малой родиной, той духовной опорой, которая помогла сделать первые шаги в начале долгого и плодотворного творческого пути. Для других родной край навсегда остался «жизнью и судьбой». У третьих жизненные пути пересеклись с Ярославщиной в пору человеческой и творческой зрелости: писатели работали здесь над будущими книгами, приезжали в гости к друзьям-единомышленникам, выступали на литературных вечерах… Но, так или иначе, каждый из них не только оставил след в сознании и памяти современников, но и в определённой мере участвовал в формировании культурного пространства региона.

Михаил Кузмин, Мария Петровых, Борис Пильняк, Александр Фадеев, Владимир Маяковский, Василий Смирнов, Михаил Пришвин, Алексей Сурков, Лев Ошанин… Этот внушительный ряд, дарованный нам только XX столетием, можно расширять и длить, причём не одними писательскими именами, но также именами известных деятелей культуры — краеведов, скульпторов, художников и т. д. Но и на столь выразительном «фоне» уникально пересечение судеб представителей рода Тарковских с Верхневолжьем, и в том числе с Ярославским краем.

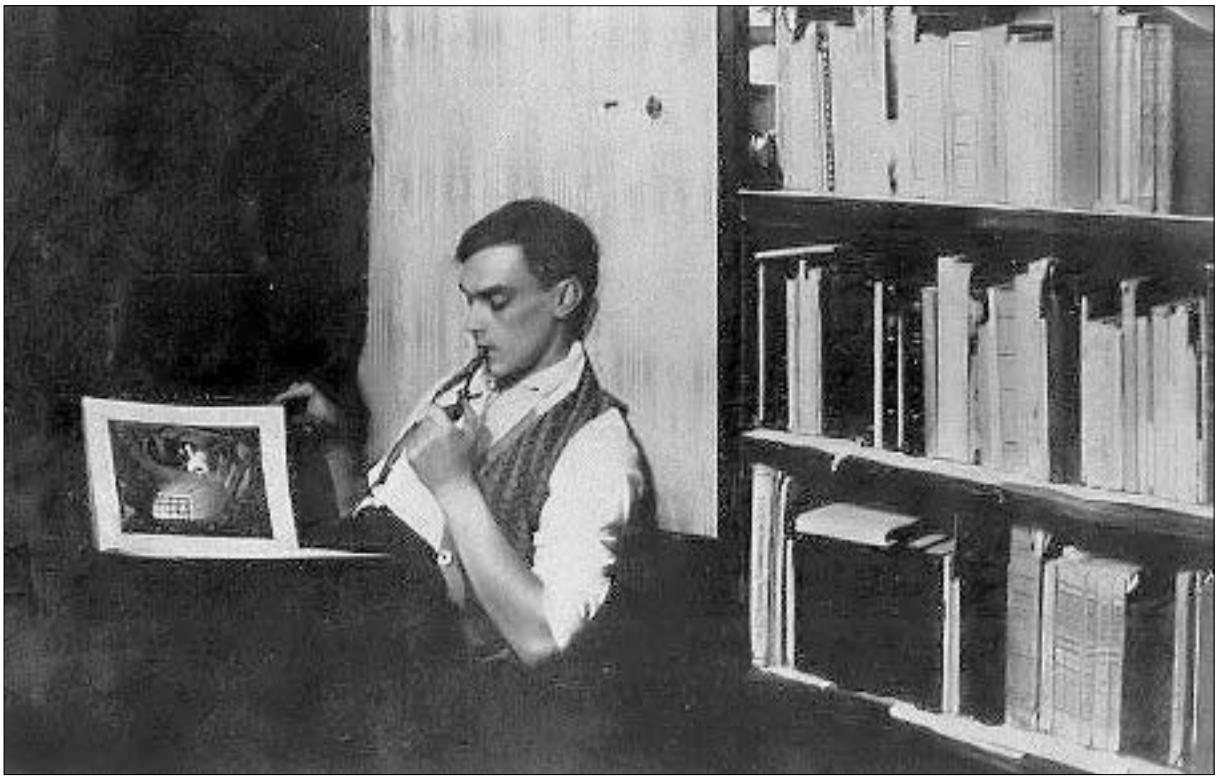
© О. Н. Скибинская, 2012

* * *

В 1925 году в Москве были открыты Высшие государственные литературные курсы с четырёхлетним сроком обучения «для подготовки профессиональных литераторов». Среди зачисленных слушателей оказались Юрий Домбровский, Арсений Тарковский, Мария Петровых, Павел Васильев, Даниил Андреев, Юлия Нейман… Имена, без которых картина отечественной культуры XX века будет неполной. Большая часть из них провинциалы по рождению. В частности, М. С. Петровых (1908—1979) приехала в Москву из Ярославля. А. А. Тарковский (1907—1989) прибыл в столицу из родного Елисаветграда (Херсонская губерния).

«Мария Петровых и я были приняты на первый курс и вошли в один из дружеских кружков юных поэтов, — напишет в 1979 году Арсений Тарковский. — Наша дружба длилась вплоть до её кончины в 1979 году. В этом кружке Мария Петровых по праву оказалась первой из первых. Известны вокалисты, у которых врождённый хорошо поставленный голос. Такой хорошо поставленный поэтический голос был у Марии Петровых». Конечно, среди слушателей курсов оказались и те, кто оставался глух к поэтическому слову. Так, Ю. Нейман вспоминает о «седобородом Аниканове», «милейшем человеке и очень слабом поэте», писавшем наивные стихи вроде таких: «Ехал в город Ярославль / Я и Луначарский. / Он народный комиссар, / Но отнюдь не барский…»

И всё же символично: в тот год, когда все они встретились на Литературных курсах,



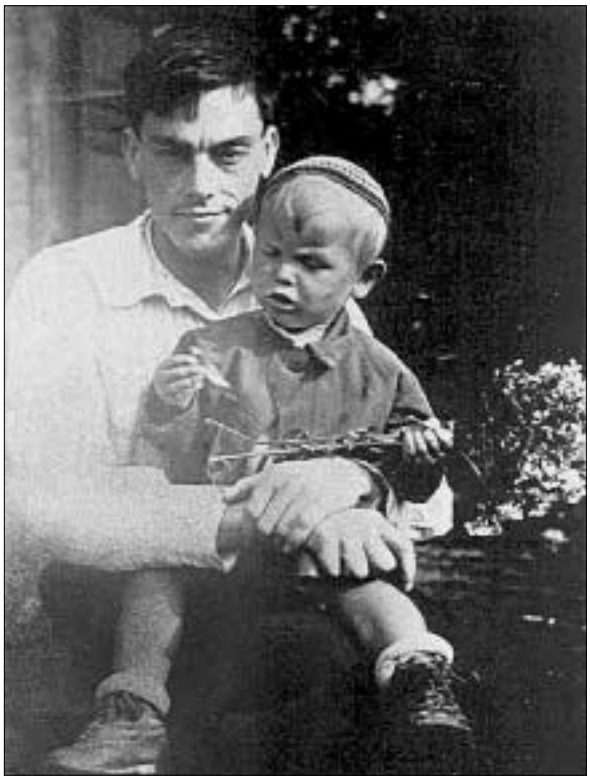
Поэт Арсений Тарковский. 1930-е

Москву потрясла весть о смерти Сергея Есенина… Практически у каждого из названных выше людей творческие судьбы оказались сложны и тернисты. В первую очередь потому, что их «мир не вполне совмещался с миром великих событий» СССР. Как напишет позже в своих воспоминаниях Арсений Тарковский, «в это время уже сформировалась литературная школа, немного времени спустя превратившаяся в литературного диктатора», «мир во всех его формах этой школе безразличен. Ей была дорога *теория* устройства мира».

После ликвидации Курсов преподававший на них поэт, литературовед Г. А. Шенгели взял под покровительство бывших своих студентов Арсения Тарковского и Марию Петровых. Отсюда исходное тождество «столичных» судеб вчерашних провинциалов: представилась возможность зарабатывать на жизнь сначала газетной подёнщиной (оба начинали в редакции газеты «Гудок», давшей приют не одному талантливому писателю), позднее, благодаря поддержке того же Шенгели, перешедшего из «Гудка» в отдел литературы народов СССР Гослитиздата, — переводами. На протяжении десятилетий оба печатались мало, но переводы поэтов из братских республик позволяли «не выпадать» из текущего литературного процесса.

И всё же в итоге творческая судьба у однокурсников сложилась по-разному. У Арсения Тарковского, пусть и поздно, с начала 1960-х, но начинают выходить авторские поэтические сборники, позже его имя включают в литературные энциклопедии и справочники. Увидит он и томик своих избранных стихотворений; через два года после его ухода в одном из самых престижных советских издательств — «Художественная литература» — будет издано трёхтомное собрание сочинений поэта.

У Марии Петровых при жизни увидит свет одна скромная книжечка стихов. Лишь незадолго до смерти, в 1979 году, ей, уже тяжело больной, будет присуждена премия СП Армении имени Е. Чаренца. Это притом, что в своё время стихами М. С. Петровых «восхищались Пастернак, Мандельштам, Антокольский. Ахматова утверждала: одно из лучших русских лирических стихотворений



Арсений Тарковский с сыном Андреем.
Середина 1930-х

М. И. Тарковская-Вишнякова,
первая жена Арсения Тарковского. 1930-е

("Назначь мне свиданье на этом свете") написано Марией Петровых… Тайна поэзии Марии Петровых — тайна сильной мысли и обогащённого слова». Это цитата из статьи Арсения Тарковского «Тайна Марии Петровых», опубликованной уже после ухода поэтессы из жизни, — впервые в сборнике «День поэзии 1980», а затем под разными названиями и с некоторой корректировкой статья выходила как предисловие к книге М. Петровых «Предназначение» (М. : Советский писатель, 1983), была включена в раздел «Воспоминания о Марии Петровых» в сборнике стихов и переводов поэтессы «Черта горизонта» (Ереван : Изд-во «Советакан грох», 1986), вошла в трёхтомное Собрание сочинений А. А. Тарковского (М. : Художественная литература, 1991) и в книгу Марии Петровых «Домолчаться до стихов» (М. : Эксмо-Пресс, 1999).

Однако вернёмся в конец 1920-х, на упомянутые Литературные курсы, среди слушательниц которых была и молодая поэтесса Мария Вишнякова. В 1928 году она стала женой Арсения.

Это благодаря Марии Ивановне Тарковской-Вишняковой Верхневолжье окажется связанным с судьбами Тарковских. В село Завражье Юрьевецкого района Иваново-Вознесенской области в 1930—1932 годах Арсений Александрович приезжал неоднократно. «У отца было плохо с лёгкими, и он уехал на Волгу к нашей бабушке, чей муж был врачом», — вспоминает Марина Арсеньевна Тарковская. Здесь же, в затопленной ныне части села, у Марии и Арсения Тарковских в 1932-м родился сын Андрей (кроме как с всемирно известным режиссёром эти края связаны с выдающимся философом, богословом, учёным Павлом Флоренским: в Завражье и в соседнем селе Борисоглебском в храмах более двух веков служили его предки).

Через два года после рождения первенца в семье Тарковских появилась на свет дочь Марина. Но в 1937 году поэт оставил жену и малолетних детей ради другой женщины…

Прихотливая судьба снова и снова будет возвращать Тарковских в Верхневолжье: невидимые крепкие нити и десятилетия спустя продолжают связывать представителей

этого рода, уже надёжно обосновавшихся в столице, с культурным пространством провинции, включая в её ткань в меньшей степени их быт, а в большей — именно творческое бытие, и даже в определённой степени формируя миф этого рода.

После ухода мужа М. И. Тарковская-Вишнякова будет поднимать детей одна. «Мы долго не могли забыть Никитино, деревню в глухих лесах Костромской области, где мы прожили десять счастливых лет», — скажет позже её дочь, Марина Арсеньевна. Пожертвовав собственным поэтическим даром ради мужа и детей, Мария Ивановна и после войны (в эвакуации семья жила в Юрьевце) словно ищет опору, спасение от одиночества в собственной молодости, на волжских просторах, а потому из Москвы, где она работает корректором в Первой образцовой типографии, будет не раз приезжать в Верхневолжье.

Андрей Тарковский съёмки «Андрея Рублёва» проведёт во Владимире и Суздале. «Оба эти города напоминают мне моё детство», — признается режиссёр. И под влиянием нахлынувших воспоминаний после непростого съёмочного дня набросает щемящие строки: «Сквозь пыль дорог, через туманы пашен, / Превозмогая плен паденья вкось, / Горячим шёпотом пронизанное насквозь / Пространство детства!..»

В 1996 году, к десятилетию со дня смерти Андрея Тарковского, в городе его детства, Юрьевце Ивановской области, открылся Дом-музей великого режиссёра. В 2004-м — начал действовать историко-культурный музей в селе Завражье. Однако при жизни режиссёра его встречи с малой родиной порой оказывались горше, чем, например, с Ярославлем.

* * *

В 1993 году, благодаря помощи фотокорреспондента ТАСС С. И. Метелицы, автору этих строк удалось разыскать почти чудом сохранившиеся плёнки с записями выступления режиссёра А. А. Тарковского осенью 1981 года на встречах с поклонниками его творчества, организованных рыбинским киноклубом «Современник» и ярославской киностудией «Юность». У одной из станций московского метро незнакомый человек передал мне четыре аудиокассеты, завёрнутые в мятую газету.

К 1981 году Андреем Тарковским (1932 — 1986) уже были созданы «Иваново детство», «Андрей Рублёв», «Солярис», «Сталкер». Тому, что встреча состоялась в Ярославле, мы, несколько сот счастливчиков, попавшие в актовый зал Ярославского госуниверситета, были обязаны его ректору Л. В. Сретенскому. Кроме него никто не рискнул в областном центре дать площадку для встречи с режиссёром, находящемся в немилости у сильных мира того, каким был тогда СССР. Один из многих отечественных парадоксов советского времени: фильмы Тарковского, получавшие престижнейшие международные премии, в родной стране шли малым экраном или вычёркивались ретивыми чиновниками от культуры из репертуара местных кинопрокатов. Чудо состояло в том, что в конце 1970-х — начале 1980-х годов ярославский кинопрокат, один из немногих в СССР, имел почти все копии фильмов полуопального Андрея Тарковского.

В Ярославль на встречу с культовым, как принято говорить в начале XXI века, режиссёром съехались кинолюбители из Москвы, Ленинграда, Куйбышева и других городов. Здесь, в провинции, Тарковский мог открыто говорить со сцены о своей творческой позиции, устремлениях, планах. Зал жадно ловил каждое слово, каждый жест гостя. Вёл встречу журналист Николай Портнов.

В эпиграфе к фильму «Зеркало» врач-гипнотизёр излечивает мальчика от заикания: «Ты сейчас будешь говорить громко и чётко, свободно и легко, не боясь своей речи и своего голоса...» Кто тогда мог предугадать, что эти слова станут эпиграфом целого поколения? За прошедшие с тех пор годы мы, благодаря в том числе и режиссёру Андрею Тарковскому, научились не бояться своего голоса. Но многие проблемы, о которых на встречах с ярославцами тридцать лет назад говорил режиссёр, и сегодня остаются предельно злободневными. И мы, пережив социально-политическую трансформацию страны в конце XX — начале XXI века, снова возвращаемся к вечным вопросам. Удивительная вещь, но исключительный «гуманитарий» Андрей Тарковский многое понял го-

Андрей Тарковский с помощницей Марией Чугуновой. Остановка под Переславлем. Осень 1981-го

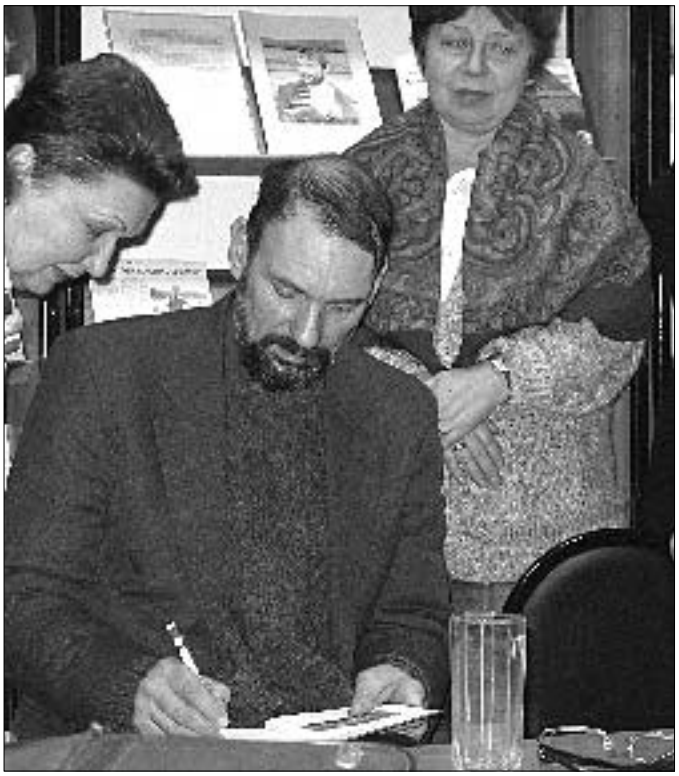
раздо раньше нас, свидетелей и участников так называемых рыночных реформ, а потому сказанное им в начале 1980-х сегодня звучит, может быть, даже более остро.

«Очень поверхностно было бы утверждать, что возрождение в экономическом, социальном смысле всегда соответствовало возрождению в области культуры...» Или: «Под духовностью я, прежде всего, имею в виду интерес человека к тому, что называется смыслом жизни. По крайней мере, это первый шаг. Человек, который задал себе такой вопрос, уже не может опуститься ниже этого уровня... Парадокс заключается в том, что на свободном и демократическом Западе отпадает необходимость в духовности».

И уж совсем «крамольное» (заметим, во все времена): «Есть профессиональные вожаки, ведущие нас по линии процветания, которые привели нас на грань катастрофы, и есть люди, которые воображают, что этот путь верен, и доверились им абсолютно. Вот цена, которую мы платим за кусок хлеба или за то, что называется западноевропейской демократией».

В то же время Андрей Тарковский был болен вечными вопросами, как может быть болен ими только Философ и Художник: «Если мир в порядке, в гармонии, он не нуждается в искусстве. Можно сказать, что искусство существует лишь потому, что мир плохо устроен». Или: «Единственный путь для Художника добиться понимания — это говорить то, о чём ты думаешь, искренне и языком, который свойственен только тебе».

Он делился самым сокровенным: «Для меня кино — это способ достичь какой-то истины в той степени, в какой я на это способен. Конечно, я не настолько наивен, чтобы верить в то, что мои фильмы воспринимаются всеми одинаково, что все их любят. У моих фильмов столько же врагов, сколько и друзей… Человек становится Художником только в том случае, когда он поймёт, как



Михаил Тарковский на встрече с ярославскими читателями в Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова. Январь 2010-го

он мало значит сам по себе в отношениях со своим искусством, со своими произведениями. Настоящий художник чаще испытывает чувство неполноценности, чем гениальности. Хотя эти два понятия неотделимы, и не всегда можно понять, где кончается одно и начинается другое. Всё же каждый Художник знает, чего он стоит, и, как правило, не ошибается. Он это знает по тому, какую ношу на себе несёт».

Его искренность находила отклик в зале, а потому монолог гостя иногда превращался в диалог.

— Почему вы удивились, что в Ярославле проходили киновечера, посвящённые вашим работам? — спросили режиссёра из зала.

— Потому что в Иванове, например, мои картины были вычеркнуты из репертуара кинопроката лично секретарём обкома партии после моего аналогичного этому турне.

— Что вы там делали?

— Ничего. Я просто разговаривал с публикой, как сейчас с вами. Я не говорил ничего такого, что могло бы стать компетенцией первого секретаря обкома партии…

«Он говорил, — вспоминает С. И. Мителица, привозивший на своей машине Тарковского из Москвы и в Рыбинск, и в Ярославль, — что иногда у него не было даже пятачка, чтобы спуститься в метро».

Нечастые встречи со зрителями были ещё и возможностью хоть както облегчить его материальное положение. За выступления в Ярославле и Рыбинске гонорар режиссёра составил 500 рублей, оплатили ему и обратный билет до Москвы. Этого оказалось достаточно, чтобы всех, причастных к организации выступлений Тарковского, потом вызывали в соответствующие кабинеты или требовали у них объяснений по телефону сотрудники ОБХСС. Лишь через месяц-другой «дело» замяли.

А режиссёр уезжал из Ярославля, собираясь в ближайшее время снимать «Ностальгию». И никому тогда ещё было неведомо, что вскоре он навсегда простится с Россией.

На международном конгрессе «Культура и будущее России», проходившем в феврале 1993 года в Ярославле, я взяла небольшое интервью у актрисы Маргариты Тереховой, сыгравшей одну из главных ролей в фильме «Зеркало»:

— Как много вам дало общение с Андреем Тарковским?

— Наверное, в этом наше единственное спасение — невозможно количественно подсчитать то, что нам действительно даётся, — ответила после долгого молчания Маргарита Борисовна. — Общение с Тарковским значило для меня очень многое. Роль Матери в «Зеркале» я до сих пор считаю своей лучшей ролью. Его без конца терроризировало всяческое начальство, чиновники от культуры, и всё же он находил в себе силы — новое в кино всегда говорил по сути. Искусство XX века — это искусство концентрации. Андрей Тарковский был представителем этого искусства… В то время Параджанова посадили, Иоселиани — уехал. Из всех гениев Андрей Тарковский остался единственным

живущим в миру. И он принёс себя в жертву, чтобы мы смогли спастись, выйти из мира, в котором жизнь человека ничего не стоит…

В апреле 2012 года Андрею Тарковскому исполнилось бы 80 лет. И ещё одна дата: ровно 50 лет назад его фильму «Иваново детство» был вручён главный приз кинофестиваля в Венеции — «Золотой лев Св. Марка».

* * *

В середине 1980-х сестра Андрея Тарковского, Марина Арсеньевна, писала брату за границу о своём сыне: «Миша начал писать стихи...» Но Андрей Арсеньевич так и не успел их прочитать. Сегодня Михаил Александрович Тарковский — известный российский писатель. Его творческие и житейские пути-дороги тоже соприкасались с Ярославским краем.

В очерке, опубликованном в журнале «Октябрь», № 9 за 2002 год, Михаил Тарковский вспоминает своё замоскворецкое детство: «Жили мы вдвоём с бабушкой, и, когда к ней кто-то приходил, я выползал, улыбаясь, из своей комнаты, говорил глупости, а взрослый улыбался снисходительно и частенько меня разочаровывал какой-нибудь банальностью или мелкой воспитательной уловкой… Только бабушка никогда не вела со мной лицемерных разговоров, как “с ребенком”… Бабушка всю жизнь прожила одна, после развода с дедом так и не выйдя замуж. Однажды я спросил у неё, почему они развелись с дедушкой. Она сказала что-то вроде, что любил он её сначала, а потом перестал, полюбил другую женщину…»

Мария Ивановна Тарковская-Вишнякова не раз возила внука по маленьким провинциальным городкам, дорогим её сердцу, — в Углич, Мышкин, Кинешму, Кимры. «Почему только в конце жизни выясняется, что если что и осталось главного в тебе — это забытая ширь детства, это весеннее утро с бабушкой в маленьком русском городе?» — напишет позже прозаик. Об одной из таких поездок, в Мышкин в 1960-е годы, о ярких детских воспоминаниях и о своём возвращении в древний волжский городок уже в январе 2012 года М. А. Тарковский рассказывает в очерке, который мы публикуем в нашем журнале.

…В 1992 году в Ярославле начала выходить газета «Очарованный странник», позиционировавшаяся как литературная газета русской провинции. В ней публиковались произведения авторов, проживавших в разных уголках России — от Хабаровска до Калининграда, независимо от их членства в писательских союзах. На страницах этого издания были напечатаны и первые прозаические опыты Михаила Тарковского: в 1993 году (пятом выпуске газеты) — рассказ «Васька», иллюстрированный рисунками автора, в 1995-м — рассказ «Паша». Заметим, «толстые» литературные журналы начали публиковать прозу Тарковского позже: «Согласие» и «Москва» — с 1995-го, «Литературная учеба» — в 1996-м, «Наш современник» — с 1998-го. В 2001 году увидела свет первая книга прозы автора — «За пять лет до счастья», в которую вошли и «ярославские» рассказы. Их же М. А. Тарковский включил в свою вторую книгу — «Замороженное время», выпущенную в 2003 году издательством «Андреевский флаг» в серии «Русская современная проза» в рамках Всероссийского проекта Центра Национальной Славы России «Я люблю Россию». Презентация книги прошла на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне.

Пятнадцать лет спустя после публикации в газете «Очарованный странник» писатель впервые приехал в Ярославль на встречу с читателями. В декабре 2008 года в Центральной городской библиотеке им. М. Ю. Лермонтова состоялся творческий вечер М. А. Тарковского, уже зрелого признанного писателя, лауреата многих престижных литературных премий, чьё творчество сегодня исследуется в кандидатских диссертациях, чьё творчество изучают студенты Московского Литературного института им. А. М. Горького, который он сам закончил в 1992-м и в котором теперь учится его дочь.

Примечательно, что и эта, и состоявшаяся год спустя новая встреча ярославцев с писателем каждый раз были связаны со знаковыми моментами в его творческой биографии. Встреча 2008 года стала скорее не литературным, а киновечером, так как

гость привёз с собой документальный цикл «Счастливые люди», состоящий из четырёх фильмов. Он был снят в красноярской тайге, где писатель, покинув благоустроенную московскую квартиру, живёт последние четверть века. Эти фильмы, созданные по инициативе и при непосредственном участии Михаила Тарковского, рассказывают о таёжных рыбаках и охотниках — о тех, кто является героями его повестей и рассказов. За два месяца до показа фильма ярославцам на российском кинофестивале неигрового кино «Счастливые люди» победили в номинации «Лучший сериал, цикл документальных фильмов 2008 года»: получили национальную премию — Лавровую ветвь. Конкурентами создателей этого цикла и явными фаворитами фестиваля считались Владимир Познер и Иван Ургант с проектом «Одноэтажная Америка», пафосно продемонстрированным по одному из центральных телеканалов страны. Однако благодаря объективности жюри победителем стали уникальные фильмы, рассказывающие о жителях российской глубинки, фильмы, которые из-за предельной коммерциализации современных электронных СМИ к тому времени ещё не были показаны по телевидению.

Второй раз в Ярославль писатель приехал в январе 2010 года. И опять с новым творческим достижением. В той же библиотеке им. М. Ю. Лермонтова прошла презентация не только новой повести Михаила Тарковского «Тойота-креста», над которой он работал четыре года. Писатель представил читателям трёхтомник, выпущенный к его 50-летию. В этом же году М. А. Тарковскому была присуждена самая престижная отечественная литературная премия — «Ясная поляна» (номинация «XXI век»). Примечательно, что присуждение состоялось в год 100-летия со дня смерти Л. Н. Толстого…

Как видим, локус рода Тарковских образует своего рода концентрические кольца, проецирующиеся на российскую провинцию, одно из которых на протяжении восьмидесяти лет замыкается на Верхневолжье…

Марина Арсеньевна Тарковская, член Союза кинематографистов, киновед, писатель, всю свою жизнь посвятила работе с наследием своего рода, исследованию творчества отца, Арсения Александровича, и брата Андрея. Вышедшая в 1999 году книга её воспоминаний «Осколки зеркала» стала одним из значительных культурных событий года и была удостоена премии «Антибукер». В конце 2011 года она закончила новую книгу — «Тарковские в Москве». Надеемся, что наша публикация внесёт свою скромную лепту в восстановление истории знаменитого рода, составившего часть культурного достояния России XX — начала XXI века, связанного в том числе с российской провинцией.

Ольга СКИБИНСКАЯ

Фото из архивов М. А. Тарковской и автора

Михаил
ТАРКОВСКИЙ

На Волге

Очерк

С рекой Волгой у моей бабушки были свои отношения. В детстве она жила в Кинешме, и поэтому с первого класса школы возила меня в этот город, где ещё жили её гимназические подруги и удивительная родственница тётя Шура. А однажды бабушка устроила путешествие на пароходе до Астрахани и обратно.

Пароход, точнее теплоход, назывался «Комарно». Больше всего тогда запомнился Углич и бабушкин рассказ про Дмитрий-Царевича (так она его называла). Ещё помню утро в Нижнем Новгороде (Горьком): я проснулся от какой-то странной музыки. Теплоход стоял на рейде, и всё лилась эта удивительная многоголосая музыка — когда я как следует проснулся, оказалось, что так работает земснаряд, мелодично, ритмично, переливчато, с какими-то медными подголосками.

Уже намного позже, когда я учился классе в седьмом, мы жили с бабушкой в одной ярославской деревеньке на речке Юхоть. Сначала, кажется от станции Большая Волга, добирались на колёсном пароходе «Помяловский» до Мышкина. Помню запах судовой кухни и ещё какой-то непередаваемый, пароходский, душный, какого не бывает на теплоходах. Я всё смотрел через оконце на работу колеса, на ленты воды, льющиеся с плиц, и, конечно, в трюм на машину, всю открытую, с огромными деталями, какими-то толкателями, блестящими втулками. В Кимрах на берегу стоял цыганский табор, и им верховодил очень нарядный цыган в костюме. Я запомнил его лакированные остроносые туфли и галстук с надписью «Туапсе».

В Мышкине мы пересаживались на катер. Были такие пассажирские катера серии «Москвич». Номерные, они обозначались сокращённо, например какой-нибудь «М-120». На Юхоти мы жили в деревеньке, имя которой до сих пор не могу вспомнить, хотя все окрестные помню наизусть: Бабайки, Бураши, Доры. Все помню, а нашу — нет.

© М. А. Тарковский, 2012

Михаил Тарковский на Юхоти. Мышкин. Январь 2012-го

Выбирались мы под осень в Мышкин. Утро было туманным, издалека снизу доносился трудовой гул катера — наша деревня была его конечной остановкой. По дороге у какого-то села на левом берегу чуть не наехали на лодчонку. Парнишка в «казанке», набитой народом, переезжал Юхоть под носом катера, и у него заглох мотор. Он лихорадочно дёргал свой «ветерок», между тем расстояние между нами всё сокращалось и сокращалось… Капитан сбросил обороты, включил реверс (или что там было у этого «М»), а парень со «шморгалкой» в руках и все пассажирки с раскрытыми от страха глазами, как трава под ветром, отклонились на противоположный борт и, не отрываясь, смотрели на нас. А мы на них… Не помню — не то катер остановился, не то «казанка» всё-таки успела сойти с нашего курса, но будто сейчас вижу, как откинуло парнишку страхом перед наползающей громадой катера.

В Мышкине ждали парохода. Бродили с бабушкой по городку, такому русскому и волжскому, над которым почему-то неслась песня «Синий-синий иней» в мужском исполнении, и эта необычная мелодия тревожила и звала в какие-то дальние дали. Помню стенд с фотографиями знаменитых мышкинцев, славных своей работой… Помню одноэтажный белёный домишко и ещё помню всю жизнь девчонку… Желтоволосую, со стрижкой «горшком», с огромными синими глазами на треугольном загорелом личике. И ещё мерещится мне вроде бы музей городской, куда мы заглянули с бабушкой, но не уверен, что это произошло на самом деле. Но девчонка и песня были точно… И ещё помню щемящее чувство какой-то глубинной причастности к волжской земле, к её старине, которая буквально пропитывала воздух...

Бабушка в молодости хорошо плавала. Она рассказывала, как однажды переплывала на спор Волгу напротив Кинешмы. И хотя всё происходило в сопровождении вёсельной лодки, картина от этого нисколько не теряла в моём представлении. Бабушкины расска-

зы давно слились в памяти в одну легенду. И легенда эта выглядит теперь так: вроде бы она плывёт и угадывает между буксиром, который тащит на длиннющем тросе баржу. И вот бабушка плывёт, торопится успеть и успевает вроде бы… И тут к своему ужасу видит, что за первой ползёт ещё вторая баржа, парная (хотя и непонятно, как она не заметила второй трос). Но успела бабушка и перед второй баржой...

И четыре десятилетия спустя снова и снова в памяти всплывает старинный волжский городок, жилами уходящий в древнюю русскую землю, и синеглазая девчонка, прошившая душу немыслимой далью, тоской по прошлому и будущему… И образ молодой бабушки, почти такой же девчонки… И гул грядущих потрясений, и бабушкина святая молодость… И всё это навсегда переплелось в такой узел, такую дорогу, такое пространство, имя которому бездна… А ещё и князь Мышкин, своим светлым именем почему-то перевязавшийся в моём полудетском сознании с именем волжского городка…

В мастерской народных музыкальных инструментов. Мышкин. Фото М. Тарковского. Январь 2012-го

* * *

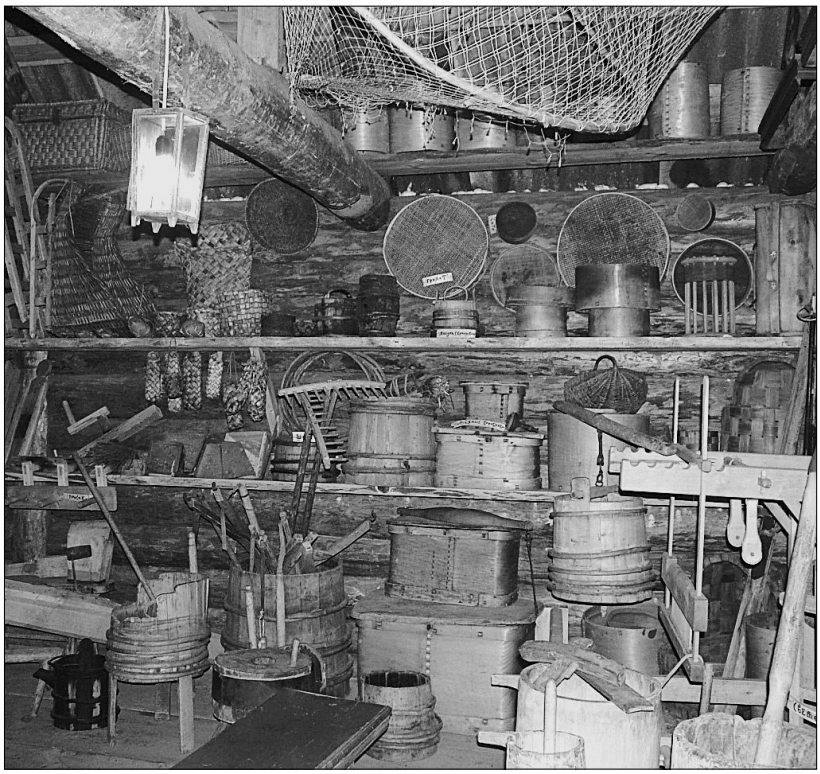
Тебе, моя Любовь, тебе, чьё имя всуе
И я произнесу, когда отговорят
В счёт будущих стихов о Кинешме и Шуе
Дарованные мне так много лет назад

Полночный небосвод, свирепый от мороза,
Холодных поездов затёртые скамьи,
Съезжающий стакан и топот паровоза,
Тревожный, как тоска по прошлому семьи,

По лучшей из держав Земли... А я подолгу
Скитался, одинок, у тех её границ,
Где бабушка на спор пересекает Волгу
Под грохот надвигающихся плиц.

* * *

В январе 2012 года выдалось мне вновь побывать на ярославской земле, посетить и город Углич, и Мышкин. Рождественские дни провёл я среди удивительных людей, которые выбрали для себя нелёгкий и редкий в наши дни путь — путь служения русской, или,



В музее крестьянской культуры. Мышкин.
Фото М. Тарковского. Январь 2012-го

ещё шире говоря, славянской традиции. Началось всё с одной многодетной семьи, приехавшей в здешние края из большого города и решившей жить по-русски, то есть в традиции православия, русской песенной, бытовой и мастеровой культуры. Вскоре к ним потянулись единомышленники из других российских городов и даже с Украины: всё это переросло в ежегодные летние фестивали, собирающие сотни участников.

Все знают, что в Мышкине целый туристический бизнес сформировался вокруг Музея мыши, и кого-то, слышал, даже раздражает ограниченность этой «мышиной» темы, существование её якобы безо всякой связи с историей, духовной и трудовой традициями. На самом деле это не совсем так. Кроме Мышиных палат в городе существует несколько десятков объектов, где представлена именно традиционная русская мастеровая культура: это музеи и мастерские (например кузница). Здесь вам покажут и традиционные ремёсла, и удивительные экспонаты, собранные в окрестностях Мышкина, — причём собранные крайне вовремя, можно сказать, спасённые от забвения и уничтожения. Особенно порадовала меня коллекция — я бы так назвал — «мужицкой культуры»: всего того, чем жил-выживал веками русский мужик. Это прежде всего огромное количество различного инструмента, который раньше имелся в каждой избе: рубанки, стружки, прялки, уторники, тесла и многое-многое другое. И, конечно, представлены предметы быта; особенно порадовали изделия из осинового луба — короба, бадейки. На Енисее — несмотря на то, что в тайге растёт осина, из которой изготавливают долблёные лодки и весла, — из осинового луба никакой утвари не делают, в ходу традиционно только береста. Очень мне понравились скамеечки из ёлки с использованием сучков — какое простое и гениальное в своей простоте изделие!

...Из Мышкина уезжал под впечатлением, хотелось рассказать о виденном своим знакомым, хотелось вернуться ещё раз в такие же рождественские дни, с детскими праздниками и колядками. Хотелось, чтобы в каждом российском городе устраивалось что-то подобное, чтобы больше было людей, для которых служение Отечеству является смыслом жизни. И ещё очень вдруг захотелось, чтобы бабушка всё это видела, я уверен — она была бы рада.

Усадьба Карабиха в пространстве культурно-исторической амнезии

Русские усадьбы… Их ветхие барские дома в окружении зарослей садов, их неторопливый жизненный уклад известны каждому, кто знаком с классической русской литературой. Пушкинские, настоянные на русском романтизме «деревня, где скучал Евгений», и мятежная Кистенёвка, убогая в своем «реализме» гоголевская Маниловка, возрождающие душу толстовские Отрадное, Богучарово, Лысые Горы, «ленивая» гончаровская Обломовка, запущенные тургеневские парки дворянских гнезд и бунинские ностальгически-однообразные тёмные аллеи, и, наконец, бессмысленный и бесплодный чеховский вишнёвый сад — вот неполный перечень ставших хрестоматийными художественных образов усадеб…

Как показывает практика, современные молодые люди воспринимают усадьбу исключительно в качестве места развития сюжета литературно-художественных произведений. Реальные усадьбы, даже такие известные, как Спасское-Лутовиново, Мураново, Тригорское, Тарханы, Пенаты, Шахматово, Горки, в сознании молодёжи, живущей вдали от них, уже никак не соотносятся ни с конкретными деятелями отечественной истории и культуры, ни с конкретными «губерниями». Да что усадьбы! Ведь имя, отчество и даты жизни самих «деятелей» сегодня назовёт далеко не каждый ученик старших классов.

Так что приходится констатировать неутешительный факт: усадьба в обыденном массовом сознании перестала ощущаться как явление реальное. А ведь когда-то «усадьбы старые разбросаны по всей Руси» …были.

© В. А. Лётин, 2012

Последние бастионы усадебной культуры — это места памяти, в лучшем случае превращённые в музеи, чаще же — заброшенные, предоставленные произволу времени, вандализму и стихии… Но даже «музеефикация» уже не спасает усадебный мир от забвения.

Практически все ярославские учреждения культуры, находящиеся в историческом центре города, расположены в зданиях бывших городских усадеб. Художественный музей — Губернаторский дом и Митрополичьи палаты; Музей истории города — дом Кузнецова, аналогичная ситуация с филиалами этого музея — «домашними» музеями М. Богдановича и Л. Собинова, «Домом муз» — усадьбой Бибикова. Главное здание педагогического университета — усадьба Горяиновых. Комитет историко-культурного наследия департамента культуры Ярославской области — дом Иванова… И при этом в областном центре мы имеем только два факта детального исследования «усадебного» прошлого этих зданий: «За окнами дома Иванова» (2008) — книга, созданная исключительно радением А. М. Рутмана и изданная на средства частного спонсора, и совсем недавно увидевшая свет работа И. А. Серовой «Ярославль дворянский. Мир губернаторской усадьбы и его отражение в жизни благородного общества. 1777—1917» (2011). И всё!

Для самих организаций прошлое здания существует в виде исторической справки и зачастую никак не соотносится с их актуальной деятельностью. Может быть, это и не обязательно…

А если речь идёт о музее? Правда, в Губернаторском доме создали ретро-кабинет губернатора, акцентировав всё-таки административное значение прошлого здания, а

ведь было ещё и культурное! В кузнецовском же доме о Кузнецове напоминает разве что лепнина на потолках… В одном из интереснейших зданий города, горяиновском особняке (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108), истории дома посвящено полстенда в очень формальной экспозиции университетского музея.

Таким образом, констатируем ещё один неутешительный факт: современные обитатели «исторических» зданий, не идентифицируют последние как усадебные. И, что особенно грустно, память о прошлом покидает сознание и тех, кто, казалось бы, по долгу своей службы обязан её хранить.

Одним из симптомов культурной амнезии является, на наш взгляд, игнорирование научными сотрудниками музеев, занимающих бывшие усадебные пространства, тематических — именно «усадебных» — конференций, раз в два года инициируемых и проводимых Государственным историко-литературным музеем-заповедником Н. А. Некрасова «Карабиха».

Некрасовская «Карабиха» в контексте городской жизни в этом плане явление исключительное. Но современная музейная «усадебная» жизнь в ней двойственна: экскурсионно-проектно-выставочная деятельность и научно-исследовательская работа. В обоих случаях пафос един: сохранение усадебной культуры. Однако, несмотря на то, что, казалось бы, эти две сферы бытования музея в современном социокультурном пространстве являются двумя сторонами одной медали, при их ближайшем рассмотрении становятся заметны противоречия…

Попытаемся разобраться в том, что же на самом деле можно считать продолжением традиций усадебной культуры на примере деятельности Некрасовского музея-заповедника.

Основная целевая аудитория музея — школьники. В силу своего незначительного жизненного и культурного опыта они плохо представляют своеобразие усадьбы как многогранного феномена культуры. Но именно на обогащение представлений об усадьбе и направлены основные музейные образовательные программы и проекты: игровая программа «Игры-потехи, забавы-утехи», интерактивная экспозиция в «Музее деда Мазая»,

историческая экспозиция «Класс земского начального училища» в Западном флигеле.

Эти проекты являются своеобразными «изюминками» в экскурсионной деятельности, призванными дополнить и разнообразить основную тему музейного пространства, — жизнь и творчество Н. А. Некрасова. Рассчитанные на игровую деятельность (от «побегать-попрыгать» до «подумать-вообразить»), яркие и эмоционально окрашенные, именно они-то, в первую очередь, и остаются в памяти у юных посетителей музея. В то время как сам Поэт и его усадьба, равно как и традиционные выставки, подготовленные научными сотрудниками музея, оказываются на периферии их сознания. Усадебный дом-дворец (единственный в области сохранивший первоначальный архитектурный облик) и уникальный пейзажный парк парадоксальным образом превращаются в аранжировку народных игр и истории о Мазае и спасённых им зайцах!

Конечно, это разные грани музейной деятельности, и чем она разнообразнее, тем лучше. Но смущает доминирование развлекательно-игрового компонента над содержательным, отсутствие привязки к усадебному быту и, что самое значимое, происходящая в сознании аудитории подмена. Дело в том, что большинство молодых пытливых умов даже к старшим классам не изживают в сознании своём стадию наивного реализма в восприятии не только художественного текста, но и окружающей действительности. Они верят в то, что всё показываемое и рассказываемое им это реконструкция реальных событий, которые когда-то давно здесь имели место быть. В результате ярославская некрасовская усадьба в их воображении становится местом жизни и деятельности (по спасению зайцев?) «костромича» (!) деда Мазая.

Интерактивные, «образовательные» же, программы, рассчитанные как на взрослых, так и детей, сводятся, в основном, к костюмированным экскурсиям. Встреча с «хозяйкой» усадьбы и нянюшками-мамушками, заканчивающаяся расписыванием пасхального яйца и угощением наливкой и яблоками (программа «Накануне светлого праздника Пасхи»), или аттракцион «Бельведер желаний» (в рамках празднования Дня семьи и Дня музея), хоть и привязаны к пространству главного архитектурного объекта усадьбы — дома-дворца, но никак не соотносятся ни с усадебной жизнью вообще, ни с жизнью семьи Некрасовых в принципе. Грубо говоря, предстань перед экскурсантами «ведущая» не в стилизованном костюме рубежа XIX — XX веков, а в современном — ничего бы не изменилось в восприятии. Ведь овладеть навыками культуры речи той эпохи, основами этикета, в том числе и ношения самого платья, в её задачи не входит. Но обидно даже не то, что посетителям не предложен образец социокультурного (!) поведения, а то, что гений места Карабихи, вытесняется из его собственной усадьбы путём превращения в предмет для бесед «вообще». А ведь Н. А. Некрасов относится к числу поэтов, очень остро чувствовавших нерв времени, очень точно реагировавших на «болезни века» своими произведениями.

Более того, сам «реквизит» этих мероприятий вступает, как минимум, в стилистическое противоречие со стационарной экспозицией. Помню, как при очередном по-

сещении музея в глаза бросился стол в гостиной, накрытый блестящей золотым позументом скатертью. Стоящий на переднем плане, перед ограничивающим экспозиционное пространство шнуром, из-за падающего на него солнечного света именно он, а не голицынские портреты и зеркала и не некрасовская мебель, стал самым ярким предметом интерьера.

В результате, то, что подаётся в ходе экскурсионной деятельности как туристический продукт, каким соусом его ни заправляй, всё равно оказывается суррогатом.

А ведь ресурс усадебного пространства как культурного ландшафта весьма богат! И как богат ресурс такого культурного ландшафта Карабихи! И свидетельства тому есть. Главное из них — конференция «Проблемы изучения, сохранения, реставрации и музеефикации русской усадьбы XVIII—XIX вв.». Её проведение раз в два года предваряет празднование Дня поэзии в Карабихе.

Собственно говоря, конференция проводится каждый год, но её тематика чередуется: год — усадьбоведение; год — некрасоведение.

Наверное, читатель массового литературно-художественного журнала спросит, почему автор статьи обращается здесь к несколько иной проблематике? Не уместнее ли было обсуждать проблемы научного сообщества, безусловно важные, но на другой площадке?

Что ж, объясню свою точку зрения на усадебные конференции, благо, являясь специалистом в усадебной культуре, неоднократно принимал участие во многих из них. Именно проводимые в усадьбах конференции, на мой взгляд, и воскрешают ту особую интеллектуальную и художественную атмосферу, присущую этим не столько дворянским гнездам (ох уж эти «социальные» предрассудки и художественные клише!), сколько культурным центрам. Это потом, на самом празднике, будут массовые «народные» гуляния: песни и пляски, чтение стихов и костюмированные (опять!) представления. Но ведь не только перечисленные праздничные «аттракционы» составляли суть усадебной жизни. Более того, совсем не они. Традиционно усадебная жизнь — это жизнь семейная, чурающаяся пышности и бравурности. Что говорить, если императоры и императрицы российские в своих усадьбах пытались вести простую помещичью жизнь, декларируя семейные ценности.

Усадебная жизнь второй половины XIX — начала XX века, а именно на этот период ориентируется в своей экспозиционной деятельности музей, приобретает ещё одну черту: усадьба объединяет людей, связанных не только узами крови, но и общими идеями и культурными приоритетами. Вспомним феномены художественной жизни толстовской Ясной Поляны, мамонтовского Абрамцева, репинских Пенат.

Именно в этом ключе я и предлагаю рассматривать «усадебные» конференции. Общение, живое, непосредственное, концептуальное и конструктивное общение современников и единомышленников — главная ценность научных конференций, проводимых нашей Карабихой.

Наберусь смелости и назову «карабихские» усадебные биеннале «салоном», в самом хорошем, «аристократическом» (ибо — аристократизм духа!), смысле этого слова. Благо по всем формальным показателям они этой форме социокультурного общения соответствуют. Прежде всего, здесь есть своя «хозяйка» — учёный секретарь музея-заповедника, кандидат культурологии Е. В. Яновская. Именно она полтора десятка лет организует это мероприятие, на которое съезжаются ведущие усадьбоведы страны. При этом личная скромность и профессионализм самой усадебной Мнемозины делают её присутствие для участников конференции не только необременительным, но и, практически, незримым, потому что на первом месте для неё — Поэт и его Дом.

Чувствуя дух времени и желание единомышленников-усадьбоведов/некрасоведов — не столько докладывать о научных открытиях, сколько общаться на актуальные темы, ценя именно человеческое общение, в результате которого и рождаются оригинальные идеи и новые творческие планы и союзы, г-жа Яновская инициировала смену «жанровой» парадигмы, отказавшись от традиционного слушания докладов участников в пользу проведения круглых столов. Живая, одновременно интеллектуальная и эмоцио-

нальная, беседа стала главным признаком этих собраний. И интересно каждый раз наблюдать за тем, как сотрудники музеев из разных регионов, делясь своими «домашними» радостями и печалями, воодушевляются общими интересами. Как от сетования о трудностях музейной жизни переходят к конструктивным предложениям по преодолению этих самых трудностей и обмену полезным практическим опытом. К концу «заседания» участники уже чувствуют себя не представителями разных музеев, а соучастниками единого культурного сообщества. И их общение не ограничивается сроками «мероприятия». Оно продолжается за пределами и времени, и пространства карабихского универсума.

Создание особой интеллектуальной атмосферы, провоцирующей творческие процессы, в том числе и научный, особо ценилось в старинных, в том числе и усадебных, салонах. Музейное усадебное пространство — главный предмет научной рефлексии карабихских конференций. Провинциальная усадьба на два-три дня становится центром интеллектуальной жизни города — региона — страны. А ведь это парадоксальное качество — вопреки своей внешней изолированности от окружающего мира оставаться с ним связанным множеством нитей — одна из главных особенностей бытования усадеб в прежние времена. Более того, даже несмотря на зачастую микроскопические размеры усадеб, в какой бы глуши они ни находились, благодаря инициативе и творческим способностям своих обитателей становились культурными центрами, в том числе и имперского масштаба.

Эту-то традицию творческого союза единомышленников и поддерживают усадебные конференции, и карабихская в их ряду одна из лучших, что мне приходилось видеть и в которой посчастливилось принимать участие. Благодаря ей в Карабихе жива одна из главных доминант усадебной культуры — аккумулирование культурной жизни. Научная деятельность с регулярными (это в нашу-то «эпоху перемен»!) конференциями не позволяет превратиться государственному музею-заповеднику в очередной культурно-развлекательный комплекс, сохраняя за ним статус культурно-просветительского центра.

Таким образом, являясь в ярославском культурном контексте явлением исключительным, как место живой исторической памяти некрасовская Карабиха несёт на себе все характерные признаки времени. Вынужденная существовать в трудных условиях, эта мемориальная усадьба пытается обрести идентичность, синтезируя в своей деятельности актуальные «проекты» и традиционные формы. Парадокс (или закономерность?) её современного бытования заключается в том, что именно в обращении к культурной традиции, а не в попытках преодоления оной, осмысливается актуальность и намечаются перспективы.

Вячеслав ЛЁТИН,
кандидат культурологии

Очарованные странником

Двадцать лет назад в Ярославле вышел в свет первый номер литературной газеты «Очарованный странник». Идея её создания принадлежала «неукротимого, аввакумовского темперамента» (Е. Ермолин) прозаику и публицисту Борису Черных, незадолго до этого переехавшему в Ярославль с Дальнего Востока — он и стал бессменным главным редактором издания, — и поэту Леониду Королёву. Последнему, вдохновлённому творчеством Лескова, газета обязана своим названием.

Первые годы издание поддерживал областной бюджет. Впоследствии газета выходила на средства частного спонсора.

Из-за возникших разногласий Леонид Викторович Королёв (1937—2008) вскоре покинул редакцию газеты (автор восьми поэтических книг, тонкий и ранимый человек, в декабре этого года он отметил бы своё семидесятипятилетие). В разное время в редакции «Очарованного странника» работали ярославские писатели — К. В. Васильев, К. П. Кравцов, Е. В. Кузнецов, Т. М. Рыкова, О. Н. Скибинская, Н. А. Смирнова и другие. Газета стала единой творческой площадкой не только для ярославского писательского сообщества. На её страницах печатались стихи, проза, литературная критика, публицистика авторов, проживавших в самых разных уголках страны, от восточных её границ до Калининграда. Наряду с гремящими на всю Россию именами «Очарованный странник» открывал и никому неизвестных авторов. Знаковым событием стало проведение в Ярославле по инициативе редакции газеты Всероссийского семинара молодых литераторов (1996). Принятые в Союз российских писателей по результатам этого форума талантливые литераторы Ярославской области и составили основу регионального отделения СРП.

За время своего существования, неполные пять лет, издание оказало поддержку сотням провинциальных писателей. Вышедший в 2007 г. двухтомник «Избранного» Б. И. Черных свидетельствует о том, что и для него самым плодотворным периодом в плане литературной и общественной деятельности оказалась именно первая половина 1990-х, когда он жил и трудился в Ярославле. Борис Иванович Черных (1937—2012) ушёл из жизни 5 апреля, немного не дожив до своего семидесятипятилетия.

Мы публикуем воспоминания А. Р. Валитова, работавшего в 1994—1996 гг. заместителем главного редактора газеты «Очарованный странник».

© А. Р. Валитов, 2011

Первый номер литературной газеты русской провинции «Очарованный странник» вышел в свет осенью 1992 года. Его соучредителями и соредакторами на первых порах были прозаик и публицист Борис Черных и поэт Леонид Королёв. Но ко времени моего прихода в газету, в марте 1994 года, единственным его руководителем оставался Б. И. Черных. Именно он и пригласил меня работать в качестве своего заместителя.

Мы выпускали газету до сентября 1996-го с разной периодичностью. Наиболее плодотворными оказались первые полтора года работы, то есть 1994—1995-й. Тогда финансовые возможности позволяли выпускать газету едва ли не ежемесячно. Следует заметить, что сам проект представлял собой сугубо частную инициативу, и для его финансирования Борис Черных стремился привлечь средства из разных источников. Но, как правило, они были весьма скудными и не предполагали, что газета будет выходить столь продолжительное время. Подобного рода или похожие издания в начале 1990-х появлялись во многих городах, но очень быстро затухали по причине финансовых трудностей. Вот почему «ярославскую литературку», более-менее регулярно выходившую в свет в течение достаточно длительного времени, можно считать даже уникальным явлением.

Своего рода долгожителем «Очарованный странник» стал благодаря спонсорской помощи крупного московского предпринимателя Виктора Поваляева, землякадальневосточника Бориса Черных. Именно его бескорыстное участие обеспечило выход более полутора десятков номеров газеты. Трагическая гибель этого человека в мае 1996 года, по сути, предопределила закрытие издания. Вскоре после того как «Очарованный странник» прекратил своё существование, покинул Ярославль и Б. И. Черных.

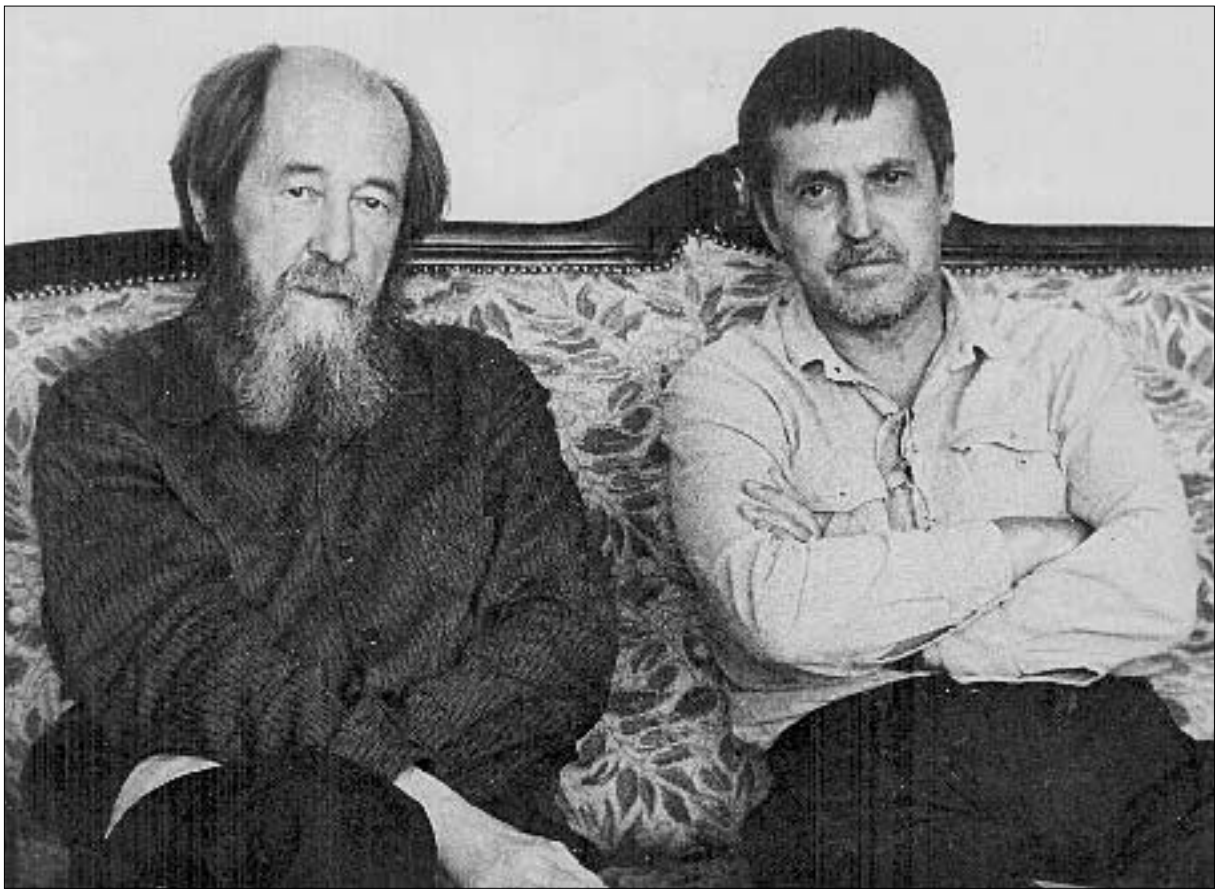
Он перебрался вместе с семьёй на свою малую родину — в город Благовещенск-на-Амуре. У иного обывателя и сейчас вызвал бы удивление выбранный миграционный маршрут: из центра России на восток (Дальний!), потому что реальные потоки миграции были и остаются стабильными со времён Столыпина, но... в обратную сторону, с востока на запад.

Причина столь радикального решения была, как мне кажется, не в отсутствии перспектив на достойный заработок в Ярославле. Или, во всяком случае, не только в этом. Амурский губернатор, которому писатель своим «громокипящим словом с берегов Волги здорово помог в предвыборной кампании», пригласил Бориса Ивановича в свою команду, предложив должность советника по культуре. Правда, в чиновниках областной администрации Черных пробыл не более года. «Кается»: находиться в подчинении у «властей придержащих» не мог по определению.

Когда супруги Борис и Майя Черных сообщили мне о своём решении покинуть город, я ничуть не удивился: было такое впечатление, что я уже знал об этом. В облике Бориса Ивановича давно проявилось нечто такое, что можно обозначить словами «человек затосковал». Природа такой тоски особенна; она одолевает далеко не каждого и свойственна натурам чувственным, способным к душевным переживаниям определённого свойства, остро, порой до болезненности, ощущающим границы внутренней свободы.

Испытаний судьбы, выпавших на долю Бориса Черных, хватило бы на нескольких человек. Только привычка к «расходке» у коренного амурского казака чего стоит: город Свободный (Амурская обл.), Иркутск и область, Владивосток, Магаданская область, Одесса, Владимир, снова Иркутск, Чусовой (политзона в Пермском крае), вновь Иркутск, Ярославль, Благовещенск... И ездил по стране он вовсе не по комсомольским путёвкам и не как ответственный партийный работник. Разве только в случае с Ярославлем было иначе. В наш город он приехал в 1990 году, в числе других кандидатов на должность главного редактора создаваемой тогда новой общественно-политической областной газеты. Выступил на заседании областного Совета и вскоре был на эту должность утверждён. Правда, в данной ипостаси прослужил не более года.

На профессиональных и жизненных поприщах проявлял себя многогранно: дипломированный юрист, он работал освобождён-



А. И. Солженицын и Б. И. Черных. Ярославль. Гостиница Юбилейная. Фото А. Скворцова. 1994

ным комсомольским секретарём и учителем словесности, журналистом и садовником, редактором газет и чиновником. Диссидентскую деятельность начал в 1964 году (когда ещё само понятие «диссидент» не употреблялось в привычном для нас значении), когда написал письмо в ЦК ВЛКСМ, в котором звучал крамольный по тем временам вопрос «Что делать?». В конце 1970-х развернулась диссидентская «классика»: психушка и постоянные преследования в течение нескольких лет, а в 1983 году — пятилетний срок за антисоветскую деятельность.

Правда, о годах, проведённых на политзоне, Борис Иванович всегда вспоминал, как мне казалось, с особой теплотой. Такое часто бывает с мужчинами, служившими в армии или сидевшими в тюрьме. Видимо, с той поры родилось в нём комплиментарное отношение к зекам, которых он иногда привечал. Мне хорошо запомнился тёзка Черных, бывший зек и бомж, который иногда привлекался нами в редакции по хозяйственной части. Борис писал только стихами и однажды попросил меня прочесть воссозданную им одиннадцатую (!) главу «Евгения Онегина». Текст «главы», аккуратно записанный в толстую тетрадь, явно превосходил по объёму великий роман в стихах. Дивясь аккуратно срифмованной абракадабре, я не сразу заметил, как ко мне на колени упал вывалившийся из тетради мёртвый и засохший таракан… Последний раз я видел бомжа Бориса прошлым летом. Он обитал возле гаражей в Бутусовском посёлке и был уже без обеих ног...

Артефактом тюремных лет можно считать один из предметов личного гардероба Бориса Ивановича. Захваченная из зоны ватная стёганая телогрейка надевалась им в особых случаях, например… для похода по кабинетам высокопоставленных начальников (по другим и не ходил).

Однажды, облачившись в эту самую телогрейку, Борис Иванович позвал меня прогуляться до Белого дома. Мы шли довольно

Владыка Михей и гость «Очарованного странника» директор издательства YMKA-PRESS (Париж) Никита Струве. Ярославль. 28 июня 1995-го

быстро и оживлённо беседовали всю дорогу, но у гранитных ступеней главного административного здания мой «вожатый» разом замолчал, как-то надсадно вздохнул, поник в плечах и начал медленно, по-стариковски, подниматься по невысоким ступеням. Уже в холле я разглядел выражение лица главного редактора «Очарованного странника»: оно было преисполнено печалью и скорбью. Тем временем к нам быстрым шагом приближался дежуривший милиционер, лицо которого менялось на глазах. Сначала на нём отразились тревога и недоумение. После того как Борис Иванович предъявил какое-то удостоверение, на место тревоги явилась недоумённая улыбка очень доброго малого, но слегка идиота. И тут я уловил выражение глаз «бывшего бродяги и острожника»: они были озорными и лукавыми. Замечено, что писатели, в чьём творчестве преобладает трагический пафос, в отношении к собственной жизни больше раблезианцы, чем сатирики и смехачи.

Итак, мы зашли в приёмную одного федерального чиновника. Не помню, как называлась тогда его должность. Он был выходцем из «демократов первой волны», чьи имена скандировались на митингах Народного фронта во время выборов в областной Совет народных депутатов. Помещение приёмной было отремонтировано в редком для того времени (1994 год) куртуазном стиле. По дубовому паркету, оставшемуся, наверное, с обкомовских времён, нам навстречу, улыбаясь, шагал не старый ещё человек, чью слегка грузноватую фигуру облегал добротный костюм. Насколько отличались своей фактурностью, статью люди, шагнувшие во власть после митинговых страстей конца перестройки, от тех, кто «мутил» для них воду, организуя митинги, собрания, шествия! Где вы, страстные ораторы, с всклокоченными бородёнками, в коротких брюках и стоптанных ботинках, выкрикивавшие в микрофоны всю «горечь и боль» советского

лихолетья? Где те женщины с мальчишечьими причёсками и стальным блеском в глазах, останавливающие рёв толпы простым поднятьем руки? Где гениальные юноши в очках, перемотанных синей изолентой? Где все вы теперь, спустя двадцать лет? Искренние, честные, чистосердечные? «Возьмёмся за руки, друзья…» Где вы? Не дают ответа… Чиновник, радостно улыбаясь, шёл с раскрытыми объятиями в сторону человека в тюремной выцветшей телогрейке с лагерным номером Щ-854 на груди…

Нет, солженицынский Иван Денисович не герой Бориса Черных. Его герой — сам Александр Исаевич, которого он буквально боготворил, насколько я знаю. У них очень много общего, конечно, если не брать во внимание масштаб уникальной и загадочной личности Солженицына.

Общее есть в языке их прозы, в их стремлении к корневому слову, в синтаксисе. Речь не идёт о простом подражании. Я думаю, что схожесть художественной манеры их письма обусловлена схожестью их судеб, но в большей степени — общностью понимания экзистенциальных проблем: борьбы и страдания, жёсткости и враждебности мира. Борис Черных долго мечтал о встрече со знаменитым писателем. Она состоялась летом 1994 года. Они долго беседовали в номере гостиницы «Юбилейная». Помню, Борис Иванович по её окончании был просто счастлив.

Солженицынское «целились в коммунизм — попали в Россию» Б. И. Черных переживал очень. Полагаю, «Очарованный странник» и родился из переживания писателя за русскую литературу, её грядущую роль в строительстве новой России.

«Литературная газета русской провинции» — в этом позиционировании «Очарованного странника» суть первоначального замысла её создателя. Тогда, в начале 1990-х, Борис Черных видел себя активным участником литературного процесса всероссийского масштаба. Но ситуация в России тех лет менялась на глазах. Человек, посвятивший свою жизнь борьбе, вдруг осознал: врубаясь в стан врага к пехотинцам, ландскнехтам с одной алебардой в руках, он расчищал пространство совсем для другого. Начавшиеся в стране масштабные процессы энтропийного характера коснулись и русской литературы. По-другому и не могло быть, поскольку литература есть квинтэссенция национального духа и самосознания…

В самом начале нашей совместной работы я предложил Борису Ивановичу перепечатать из журнала «Москва» статью его главного редактора писателя Леонида Бородина (тоже иркутянина и тоже политзаключённого) под названием «Русская литература: рейтинг — ноль». Это сделано не было, уже не помню, по какой причине. Но так мы с ним и проработали в самой «низкорейтинговой» сфере «народного хозяйства» в течение двух с половиной лет. Иногда было грустно, часто разбирало зло, наваливалась апатия. Но мы работали как умели, делали то, что могли, стараясь оставаться честными перед авторами и читателями. Признаю, не всегда получалось. Но иногда, пролистывая ещё и ещё раз очередной номер газеты, пробегая глазами имена авторов и названия публикаций, мы вдруг понимали: вот это, наверное, и есть «Литературная газета русской провинции».

Андрей ВАЛИТОВ,
кандидат филологических наук

Фото из архива автора

Правила раскадровки сновидений

О сборнике Александра Белякова «Углекислые сны»

Век визуальной культуры поэзии, похоже, суждено превратиться в вербальный слой видеоряда — в бегущую строку на экране, субтитры к фильму на неизвестном языке, стенограмму снов наконец. «Углекислые сны» Александра Белякова (М. : Новое издательство, 2010) поначалу и воспринимаются как выговариваемые вслух сумеречные видения; слова едва поспевают за странноватыми гостями, заглянувшими в сон; каждая строчка, как моментальный снимок, тут же сменяющийся новой картинкой; стоп-кадров много — но их не успеваешь разглядеть как следует. «Блудная кровь утопает в извёстке / Местное время дрожит на нуле / Девушка денежку гладит по шёрстке / Музыка спит на ничейной земле» (с. 8), «голова орфея стрекочет в мусорном баке / лысой зимой все лестницы волосаты» (с. 53), «бродят в поле три слепых олимпийских мишки» (с. 80).

Некоторые словесные формулы, впрочем, с трудом поддаются обратному переводу в визуальный ряд: воображение тормозит в поисках подходящей зрительной аналогии — да так и замирает в нерешительности. Вот, например, что-то вроде вербализованной галлюцинации Передонова из «Мелкого беса»: «человек-недотыкомка выпил ветер» (с. 52) — такой сеанс ежевечернего запланированного сумасшествия по силам не каждому. А вот — необъявленная война, навязанная пунктуацией читателю поэтического текста: «хищные очи ночных двоеточий / удары под дых запятых / сядь на притычке — дойдёшь до точки» (с. 104). (На самом деле не дойдёшь: в «Углекислых снах» нет точек, равно как и запятых или двоеточий; из всех знаков препинания Александр Беляков признаёт только тире — «пешеходные мосты» между фразами — да изредка знаки вопроса.) Словом, всё сущее явится в углекислых снах обло, озорно, огромно и лаяй, но проснуться здесь — не значит освободиться от удушающих объятий Морфея: проснуться — значит безоговорочно осознать, что вас больше нет.

© Т. Г. Кучина, 2012

К сюрреалистическим картинкам с выставки «Углекислых снов» (особенно первой части сборника) надо пообвыкнуть, присмотреться, прежде чем они откроются для прочтения. Время в них нелинейно — оно движется, как в песочных часах: туда и обратно. Видеоряд запросто можно запустить от конца к началу: «После кукольного плена / Деревянный гуманоид / Возвращается в полено» (с. 9), «и отчие тени молчат неумехи / отныне расти им приказано вспять» (с. 107). Движущуюся картинку можно и вовсе остановить, сровняв прошлое с будущим: «Маршируя на месте старом / Старый ворон каркает даром — / Совершенно как молодой» (с. 12). Едва ли не самая выразительная эмблема времени в «Углекислых снах» — циферблат, где «посредине — пусто место» (с. 7); вообще, склонность времени обнулять течение жизни отмечается в сборнике регулярно: «а вокруг бесконечен и вязок / нулевой эллиптический год» (с. 50).

Подобно тому как время углекислых снов не нуждается в календаре и движении стрелок на часах, пространство обходится без привязок к параллелям и меридианам («вертикаль горизонтали» — вполне приемлемый здесь ориентир). От описания Морфеевых владений нелепо было бы ждать правдоподобия — и «Углекислые сны» не обманывают наших неожиданий. «Пейзаж снотворный», «магнитные поля», «безразмерная тьма» — именно здесь предстоит блуждать читателю сновидений, в поле зрения которого попадает то абрис спального района, то как будто бы «приток» Леты — «спят посреди реки мёртвые языки» (с. 76). Пространство обречено на ускоренную сном дематериализацию — ткань бытия истирается и ветшает на глазах, «простор истоптан как придётся» (с. 17), и «на сетчатке зыбучей ничему не прижиться» (с. 15). Не этот ли прах — распавшуюся на молекулы жизнь — закладывают потом в песочные часы?

Нарочитая иррациональность визуального ряда — по мере того как читатель осваивается в мире «Углекислых снов» — постепенно истаивает, и проступают внятные связующие смысловые линии, которые стягивают все стихотворения сборника в единое и неразъёмное целое. Слово-доминанта, повторившись в соседних текстах, создаёт «эхо», отражает одно стихотворение в другом. Вот, например, один из разворотов сборника:

пейзаж бликует обмелев
и выцветает от нагара
давай станцуем барельеф
как архаическая пара
секретной нимфой будешь ты
я в теневые фавны двину
не больше чем наполовину
выпрастываясь из плиты
(с. 124)

танец снятия кож
дней живой остаток
если ты не хорош
будь хотя бы краток
и свое неглиже
обдирай умело
чтоб не ссохлось уже
в печке не сгорело
(с. 125)

Обнажённые «архаические» танцоры видятся в буквальном смысле сбрасывающими кожу — и при этом «косметический» результат (подобный тому, что в сказке про Царевну-лягушку превращал холодную пупырчатую тварь в красавицу) в рассмотрение не принимается: за бескровный, но вовсе не сказочный стриптиз платить приходится собою. (Попутно заметим, что мотив сбрасывания лягушачьей кожи появляется ещё в первой части сборника в стихотворении «Каждый каждому на что-нибудь годен…», а «человек без кожи» возникает следом, через три страницы — «В тихом городе N…».)

Эффект агглютинации текстов в «Углекислых снах» возникает иногда и в силу псевдограмматических связей: если стихотворение заканчивается строками «в этих троих влюбиться нетрудно / и заблудиться немудрено» (с. 121), а следующее за ним начинается со строк «две самые чудесные из них / меня любили» (с. 122), то читатель невольно вы-

делит «двух самых чудесных» именно из «этих троих» — и хватится ошибки лишь тогда, когда оба на самом деле нестыкующихся лирических сюжета уже соединятся для него в диптих.

Ничуть не менее значимы в сборнике и «оптические» метафоры, прошивающие тематически разнящиеся тексты и скрепляющие их стежками ассоциаций. «Глаз молодильные яблоки» (или «чёрные зонтики глаз»), «натруженные очи» (добыча ангелов, слетевшихся «на запах неудачи»), «глазные сети» и «зыбучая сетчатка», «вспышка цветного зрения», за которой наступают серые сумерки, — вот персонализованный тезаурус сновидений в сборнике Александра Белякова. Смотреть углекислые сны — словно бы прозревать и слепнуть одновременно. В монтажной мастерской ночного сознания сюжет собственной жизни видится как несовершенный баланс тяготений — в противоположные стороны («раскололось лицо и не клеится / пополам холодеет и греется / вразнобой молодеет и старится» (с. 44)). Прокручиваемый сюжет утомителен и однообразен — он весь вписан в «настоящее несовершенное» (Present Indefinite), и этот факт приходится принимать стоически. Однако «фильма» собственной жизни периодически засвечивается («сказку шинкуют вспышки»), становясь слепым изображением (с. 111), или погружается в «безразмерную тьму» (с. 110), разглядеть в которой ничего нельзя.

Впрочем, в «Углекислых снах» читатель имеет дело отнюдь не с немыми фильмами — у сновидений высококлассный саунд-трек, созданный весьма сложными акустическими образами. В фонетическом строе стихов выделяется, конечно, паронимическая аттракция (притяжение по звуковому подобию): она ярче других отмечена артикуляционно (точность звуковых отражений при паронимии достаточно высокая) — и именно ей принадлежит ведущая роль в формировании контекстуальных смыслов (в обыденном языке, в отличие от поэтического, потенциальные семантические связи паронимов не актуализируются). «***В***о ***чреве речи*** снега по пояс / недобрый ***вечер*** увязший поезд» (с. 59) — это лишь один из сюжетов «Углекислых снов», имеющих отправной точкой сшибку одинаковых согласных и гласных (цветаевская формула «поэт издалека заводит речь, / поэта далеко заводит речь» для Александра Белякова всегда в силе).

Не столь очевидными, но оттого более изысканными перекличками отмечено стихотворение «дух орудует под дых»:

*меж**ду** **ду**хом и **ду**шой*
*в **те**сно**те** **те**лесной*
промежуток небольшой
*о**бе**рнулся **бе**здной (с. 67).*

Из гула языка — «ду-ду-ду», «те-те» да «бе-бе» — выговаривается вдруг пронзительное и парадоксально-ясное обобщение. «Телесная теснота» — а на плотность вещества существования недвусмысленно указывает фонетическое удвоение *тесн* — *те*(ле)*сн* — внезапно разрывается зияниями, а на «привычных» местах — ни души, ни духа, ни материи, сплошь пустоты.

С паронимическими акустическими перекличками естественным образом соседствуют анаграммы («В каждом *литре* ищем *трели*» (с. 26), «притих *небосвод несвобод*» (с. 31)) и внутренние рифмы («во чреве *торф*яной горы / *Орфей* братается с *Морфеем*» (с. 17)). Рельефность, объёмность фонетической формы дополнительно подчёркивается и аллитерациями, особенно значимыми тогда, когда наглядным метаморфозам подвергаются привычные языковые клише: «***б***ьёт ***б***оржоми из ***б***аклуши» (с. 36), «над ***с***едой равниной ***с***нега / ***с***пелись альфа и омега» (с. 80). Сложным узором акустических переплетений отличается стихотворение «негодник приходит в негодность…»:

негодник приходит в негодность
как в отчий заброшенный дом
где времени павшего плотность
наполнила лёгкие льдом
где вдох замирает у входа
а выдоху выхода нет

снаружи нагая свобода
внутри строевой лазарет (с. 90).

Паронимические дублеты «вдох-выдох», «вход-выход» образуют смысловое ядро стихотворения, где всё построено на слиянии противоположностей: отчий дом напоминает строевой лазарет, время по мере своего движения уплотняется и сжимается, а не растягивается, свобода вовсе не обеспечивает вольного дыхания. Нарочито оксюморонный характер имеет и сама логическая структура стихотворения: описание остановки всякого жизненного движения начинается с языкового сдвига — «негодность» из компонента фразеологизма (прийти в негодность) превращается в самодостаточное обстоятельство места.

Жизнь как короткие перебежки без передышки («дошёл до ручки нажал на ручку») неотменимо конечна: «кому предшествуешь без оглядки / дорогу торную пролагая?» (с. 91).

«Углекислые сны» дочитываешь с ясным ощущением того, что все «рапорты от Морфея» на самом деле — перифразы смерти, и просто по имени она ни разу не была названа. Закономерно, что лишь в финальном стихотворении, на последней странице, она явится в своём подлинном обличье — с тем чтобы быть поверженной словом и светом:

кто пролил свет того уж нет
и свет в округе санаторной
предмету сватает предмет
поёт охотничьей валторной

отвадив горе от ума
на смерть накладывает вето
как будто тьма совсем не тьма
а только остановка света (с. 126).

Впрочем, как знать — не с остановки ли света всё только начинается.

P. S. Отличный слоган для рекламной кампании по продвижению «Углекислых снов» на рынок (авторство принадлежит Арсению Тарковскому, ударение — наше): «И ва́м приснится всё, что видел я во сне».

Татьяна КУЧИНА,
доктор филологических наук,
профессор

Два взгляда на поэзию Сергея Хомутова

Один на один со временем

Есть русская
интеллигенция.
Вы думали — нет?

Вопрос, мучающий всё «бесславное поколение».

Поколению нынешних 20—30-летних намного проще, ибо уже было сказано: интеллигенции больше нет. В то же время «глас вопиющего в пустыне» упрямо взывает к вере в то, что «кругом не масса индифферентная». Каждый раз это вызывает некоторое недоумение. Закончилась ли эпоха интеллигенции, очнулась ли она от наркоза 1990-х, что сейчас интеллигенция? Стихи Сергея Хомутова провоцируют задать эти вопросы, точно так же как и пытаться найти на них ответ, в первую очередь в книге самого поэта («Всё будет в срок», 2010).

«В рекламных шоу, пиршествах тщеславия / Мы преуспели нынче как никто», «Вот земля позади, впереди — только небо», «Сиди да ожидай — состав придёт, / Такой же точно едет в нём народ. / Куда, зачем, в какие времена?», «Мы уходим из тьмы и во тьму — / И к потомкам вернёмся едва ли», «Другие у эпохи короли. / А мы пройдём, как ветерок вдоль поля», «На каком перевале стоим, на каком рубеже?» — всё это строчки разных стихотворений, разных лет, это лишь немногие строчки, но каждая из них — взгляд на часы. Время, кажется, — главный герой и, может быть, главный оппонент Сергея Хомутова. Его лирический герой, говоря о себе, всё время смотрит на циферблат. Его взгляд — попытка бросить вызов течению времени, движению мира. При чтении стихов Хомутова возникает ощущение того, что находишься при разграблении музея, когда разбиваются витрины, хранящие герметичный мир давно ушедшего, когда черта, отделяющая поток экскурсантов, проходящих мимо и дальше — к выходу, уходящих навсегда, стирается, и чуждый мир современности врывается в мир исторической условности. Мир отказывается быть в прошлом времени. Посреди этого «разграбления» стоит поэт — Ахилл, оплакивающий друга и врага. Помнящий о своей уязвимости.

© Д. Л. Карпов, 2012

Остановить убегающее прекрасное мгновение, прошлое, детское — желание, которым живёт, дышит лирический герой Хомутова:

Было в ней что-то божественно-доброе,
Что возвращало в былое сполна.

В детство далёкое, время отрадное,
К воле не здешней, счастливой, родной…
Как же хотелось мне крикнуть обратное:
«Божья коровка, останься со мной…»

Жизнь становится недостижимой, ибо она — в плюсквамперфекте, герой видит себя в центре картины крушения мира, ощущает свою ответственность за него, что придаёт самой ситуации историческую значимость, ибо крушение, в его понимании, и есть история:

И смотрим с дебильно-умильным лицом,
Как рушится храм или попросту дом...
Вбиваем, вбиваем за клинышком клин,
Вот так и живём — от руин до руин.

Эсхатологичность поэтического мира Хомутова поражает: он упивается ею, окружающее приковывает своей безнадёжной смертностью:

Что надо ещё для поэта, что надо?
Последний, прощальный огонь листопада,
Последний, сиротский цветок у забора
Да влажная тропка с родного угора…
…
Такая случается милость природы,
Когда опустели уже огороды,
В округе умолкли кузнечиков звоны,
Лишь кличут гортанно кого-то вороны.

«Нужное» поэту ужасает своим неудержимым порывом к безвременью. В стихотворении что ни образ, то маленькая могилка, частица целого кладбища, где как-то и о жизни говорить неловко, где милость — опустение, где вместо кузнечиков вороны…

Негативность поэтического взгляда не является редкостью в современной поэзии, она никогда не была редкостью, от Пушкина до Орлова. Настораживает другое: негативность взгляда лирического героя стирает весь окружающий мир:

А друзья-то где? — Потопай
По России, поищи
По вокзалам, по пивнушкам,
По Бульварному кольцу,
По негаданным подушкам,
Не склоняющим к венцу.

«Ширь земли» к финалу редуцируется в точку:

А друзья-то где? — При месте,
В тихих холмиках земных.

И опять поэт остаётся наедине с прошлым, всякий раз по-новому оплакивая его, хватаясь за любую надежду вернуть хоть что-то, частицу, каплю. И бросает горсть земли на его гроб.

«Кладбищенство». Болезнь, от которой Молотов пытался вылечить своего друга, художника Череванина. Болезнь, появляющаяся в переломные эпохи. Череванин не смог

пережить пошлости разночинного мира, который, по сути, и стал родителем интеллигенции. Можно представить, как современный художник переживает кажущуюся концом всего современность (о Мавромати и Тер-Оганяне вспоминать не будем).

Сегодняшний Гамлет поставлен в более суровые условия: Россия последних двадцати лет — энциклопедия кризиса. Провинциальный поэт, хранящий (сейчас очень часто об этом говорят, говорит об этом и поэт Хомутов) русское, чистое, праведное, вынужден лавировать между праведностью и отречением:

Всё решается в мире любовью,
Были б травы, да птицы, да люди,
Да сходили слова к изголовью,
Да иконы глядели добрее
На плутания наши земные,
Да в зелёной старинной аллее
Душу трогали звуки родные:
Шелест листьев, травы колыханье,
И кузнечиков звонкая лира,
И великая нежность дыханья
В отдаленье от чуждого мира.

Недаром русский народ всегда почитал юродивых: сложно решить всё любовью в миру, не отдаляясь от него. Лирический герой пытается *сыграть* эту роль, но его мир раскалывается надвое: есть мир, в котором всё решается любовью, а есть мир «чуждый», от которого следует держаться в «отдаленье». И чуждость эта — временна́я: «Нас не грани терзали, а граммы, / Килограммы весёлого яда. / Тонны времени гнули да мяли…» Поэт делает попытку быть хранителем — тем, кто неподвластен времени, кто несёт вверенный ему дар, — и находит себя выпавшим из времени: «Случайность печальней других для поэта»!

Когда выпадаешь из времени, сложно
Вернуться обратно, почти невозможно.
А выпасть из времени в вечные дали
Немногим из нас небеса даровали.

Заметим, что и «вечные дали» — пространство, в котором время остановилось, в котором оно попросту бессмысленно; время не даёт покоя лирическому герою, он ругает его, проклинает, угрожает вечностью, лишь на миг забываясь среди родной природы («Заволжский край», «Окраинный неповторимый свет», «Ещё пытаюсь уберечь» и др.), преодолевающей цикличностью смерть. Муза Хомутова переносит героя в мир идеального или почти идеального прошлого, и, выпадая из времени, он ловит сам себя на обмане, теряя «нить ощущенья сквозного».

Поэт ставит сам себя в двойственное положение: его притягивает прошлое, он желает отдаться ему, надевая маску страдальца по ушедшей России, кляня день сегодняшний, в то же время он будто бессознательно жаждет слиться с современностью, не потерять связь со временем. Поэт словно утверждает неправомерность поэзии, которая хранится тем, что было, а не хранит для того, что будет. Но это его поэзия. И вот перед читателем поистине трагедия современного лирика: будто противореча своему творцу, поэзия, проговариваясь, отрицает отрицание «сейчас», отрицает саму законность такого отрицания. И поэт приходит к стиранию того, что пытается сохранить: «Божья коровка, останься со мной»; Царевна-лягушка у него превращается в стирающуюся с карты Россию; молодость оказывается чересчур порывистой… Много примеров. Миф прошлого трансформируется, теряет герметичность.

И поэт уже не слышит или не хочет слышать «неба содроганье»:

Нельзя пророком быть во времена безумья,
В такие времена ты должен быть врачом.

Новая избранная им функция — менее «почётна», но зато прагматична, под стать «железному» веку. Правда, читателя должно волновать другое:

В мире людном, гудящем, как вече,
Звёздной ночью и солнечным днём
Как живётся тебе, человече,
Замурованный в теле моём?
Я пойму твои мысли, быть может,
Не таясь в отрешённой тиши,
Что печалит, мучительно гложет,
Откровенно, открыто скажи.
Кто ты — сгусток безмолвья и речи,
Отзвук неба и вечных могил?
Слишком много противоречий
Ты явленьем своим породил.
Кто ты — свет удивительной силы,
Что возвысит собой бытиё,
Или тьма, что меня поглотила
И присвоила имя моё?

Ещё одно противоречие скрывается в самом поэте-страдальце: всегда нужно сделать выбор — быть или не быть. Художник не смиряется, художник ищет свет, часто для этого погружаясь во тьму. Поэзия Хомутова интересна именно тем, что в попытках прорваться к святому, смириться и отречься он не выдерживает этого прекрасного искушения — быть поэтом, несмотря на то, что теряет веру в жгущий сердца́ глагол. Отказывается от противостояния, но не может удержаться от выпада в сторону ЖКХ… Если быть серьёзным, то поэзия С. А. Хомутова — это диагноз советской интеллигенции, внезапно выпавшей из времени, потерявшей единственного врага, празднующей победу над ним и подсчитывающей контрибуцию. К сожалению, в виде последней она получает двойственность настоящего: уже не время идти в народ, от которого и радости всей, что крест не стащил; уже не совсем ясны идеалы; остаётся только растерянное и непреходящее ощущение недостачи. Поэтому и мечется поэт между всепрощением и неприятием — а что ещё остаётся? Остаётся уверенность в том, что ты поэт, но за уверенностью мелькает, как бес, неверие; остаётся прошлое, но настоящее предъявляет на него права, ибо это непреложный закон течения времени; остаётся мир, который кажется чужим; вера, но:

Неужели не будет спасения? —
Вопрошаю, не зная кого.

И, может быть, приходит время не «вопрошать», а просто спрашивать. Но этому тоже нужно учиться — отказать себе в пафосе вопрошания. Недаром лирический герой о себе говорит во втором лице: «Кто ты?» И он же: «Слишком много противоречий / Ты явленьем своим породил». Вторя «Сумеркам» Баратынского, Сергей Хомутов показывает поэта Железного века, «через двести лет». Двести лет, отделяющие Золотой век от века оптоволоконного. Правда, между ними Серебряный век, поэты 1930-х, лирики 1960-х, петербургская поэзия, рок-поэзия, да и современная поэзия. Но, видимо, чему-то пришёл свой срок…

Денис КАРПОВ,
кандидат филологических наук

«Звенящее созвучье — жизнь»

Стихи многих поэтов напоминают глобус: вертится глобус, а вместе с ним крутятся перед читателем города и веси, материки и страны. Не таковы стихи Сергея Хомутова. У них — точный адресат. Это рыбинская земля. Есть города, которые немыслимо представить без поэзии. Есть поэты, чьё творчество не мыслится без одного-единственного города.

Милая родина, грустная родина,
Тихая тропка в поля —
Право исконное в некоем роде на
То, что зовётся земля.

Сергей Хомутов родился в послевоенном Рыбинске, в живописной заволжской его части. Однако подлинное осознание того, что значит для человека малая родина, пришло только с годами.

В краю, где заборы как скрипки звучали,
Где небо столетние сосны качали,
Где полнила осень добром огороды,
Я вырос под оком родимой природы.

Его можно назвать продолжателем традиций русской философской лирики.

От Пушкина до Гумилёва
Легла великая основа.
Единая, как свет с небес,
От Баратынского до Блока
Прошла прекрасная дорога...

А дальше — Бунин, Заболоцкий, Якушев, Рубцов, чьи интонации порой угадываются в стихах поэта. Хомутов не боится перифразов, вкладывая в давно знакомые строки своё чувство, свою боль, свой смысл:

Всё на свете, должно быть, не внове,
И душа сопричастна душе,
Вот явилось прозрение в слове,
Но, глядишь, это было уже.

У Александра Блока есть высказывание о том, что человек есть будущее, а душа человеческая даже в прошлом ищет будущее, заложенное в нём. Время необъяснимо и неотвратимо как философское и историческое понятие. Ценно каждое человеческое мгновение, ценна каждая человеческая жизнь. Они проходят, исчезают навсегда. Поэт не может согласиться с этим — он останавливает мгновения, моменты жизни, пытается восстановить связь между прошлым и настоящим и, пусть хотя бы пунктирно, продолжить «дней связующую нить» из настоящего в предстоящее.

Всё будет в срок: и радость, и тоска,
И с миром нашим грешным примиренье...

В истории он ищет ответы на свои вопросы и остро ощущает в себе преемственные связи с далекими предшественниками. Ведь все события, что происходили до нас, имеют

© С. Г. Котов, 2012

к нам прямое отношение. Всё, что происходит с обществом, не только формирует личность, диктует те или иные дела и поступки, но высвечивает и находит необходимые именно этому времени слова. Жизненные силы лирическому герою дают родная природа, воспоминания детства:

Окраинный неповторимый свет,
Тобою был я с детских лет согрет, —
Той жизнью удивительно простою.
Дух дорогого мне житья-бытья,
Отсюда проросла строка моя,
Навеянная доброй красотою.

«Сколько я ни пытался уехать в другие, заманчивые края, какая-то магическая сила тянула меня обратно», — вспоминает поэт. С бережной трогательной любовью пишет Хомутов о городских проулках. Он не может не провести читателя по дорогим его сердцу местам. Поэт подмечает, что и стихи-то у него пишутся только среди родных пейзажей, и поэтические образы и мысли приходят на уютных рыбинских улочках и приволжских аллейках. Ведь именно здесь изведал он

Босую радость ливней пенных,
Дурманный дух закатных рос,
И сладость поцелуев первых,
И горечь первых взрослых слёз.

Здесь к мальчику пришла его первая любовь — любовь к родному слову. Дедушка читал ему вслух Пушкина, Лермонтова, Некрасова. В четыре-пять лет будущий поэт многое знал наизусть. Поэзия вошла в него в раннем детстве, а спустя время трансформировалась в собственное творчество.

Для каждого поэта наиболее важны два периода: детство и начало творческого пути. Детство даёт образ мира, начало формирует творческое «я». Своим детством Хомутов связан с послевоенными годами, начало сознательного творчества приходится на 1970-е годы, когда в литературе в полную силу зазвучали имена выходцев из провинции — Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Николая Рубцова. Вероятно, тогда к поэту пришло осознание, что без чувства родины малой нет Родины большой. Уже в те годы стихи его выделялись гражданственностью, ответственностью за слово.

Призвание требует проверки временем и делами, мерилом которых является полная самоотдача.

Покуда ты идёшь — всё достижимо,
Покуда дышишь — всё тебе дано.

Сергей Хомутов живёт содержательно и беспокойно, много общается с людьми. Любит подолгу беседовать с молодыми литераторами о стихах и прозе, о делах литературных и читательских, расспрашивать о новых замыслах. И при этом подсказывает, советует, учит. Скольким начинающим авторам помог мастер добрым советом, критическим словом, ободрением. У него безупречное чувство родного языка, нетерпимость к банальности, расплывчатости и неточности в поэтической строке. Молодым поэтам он незаменим как старший друг. Десять лет руководил Хомутов городским литературным объединением, при нём оно стало носить имя учителя — Николая Якушева. Большинство тех, кто за последние четверть века начал рифмовать в Рыбинске, так или иначе прошли через его требовательный глаз и руки.

Поэт может говорить о людях, природе, времени только через себя, через своё личное мироощущение, через биение собственного сердца. «Зачем надумывать судьбу», если «на

жизнь, что истинной была, возможно только ждать ответа». Но жизнь — это движение, а движение — это дорога. Алгоритм биения сердца сводится к двум классическим точкам: «быть» и «не быть». Быть или не быть литературе, быть или не быть традиционным жизненным устоям, быть или не быть родной природе, быть или не быть, наконец, стране с названием Россия? Как рассчитать, определить расстояние между «быть» и «не быть»?

Это — путь по тропинке до милого края,
Это — вечных раздумий летящая стая,
Это — строки, что в десятилетья длиною,
И задумчивый свет над твоей сединою.

Дорога — устойчивый образ русской поэзии. У Сергея Хомутова своя «дорога — поля да березы, да тихая нежность небес». Но если дорога не ведет к храму, зачем она? Тем более что уже давно «душа в ожидании храма». Вот только храм далеко не всегда «в ожиданье души», нередко разрушен диким набегом безбожного времени.

Этот храм не спасут, это чудо возвышенной воли;
Сквозь надтреснутый купол осеннее небо сквозит...
Не от боли сжимаюсь, скорее, от вечной недоли,
Что на завтрашнем дне, как на шее котомка, висит.

И хотя поэт верит, что «прольётся Божественный свет с высоты на печальные своды святыни», его пронизывает боль за день сегодняшний, за завтрашний день. Сопричастность всему происходящему — вот, пожалуй, главное свойство стихов Сергея Хомутова.

Мы полжизни проехали, в полку лицо уронив,
Мы детей проглядели родимых и женщин любимых,
Ничего не открыв до конца о себе и о них,
Заплутав навсегда в постулатах то ложных, то мнимых.

Отсюда и чувство нечаянной вины за это происходящее:

Что ни день, самолёты срываются вниз,
И космический вызов печально завис –
То ли нас отвергают уже небеса,
То ли мы опустили под землю глаза?

Сергея Хомутова можно назвать поэтом чётко определённой, направленной к глубинам бытия и при этом ярко личностной мысли. «Смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания радости жизни», — много лет назад записал в дневнике Михаил Пришвин. Спустя годы, на переломном этапе истории, поэт приходит к такому же выводу. Обращаясь ко времени, поэт говорит:

Как я хочу, всем вопреки приметам,
Чтоб очертанья светлые — предметам
И мудрость в мыслях ты явило — нам,
Не долларовым взглядом воспалённым,
Не поясом шахида раскалённым
Запомнилось грядущим временам.

Для поэта «мезозойская эра и ближние к нам времена — всё едино, и всё пониманья и чувства достойно». Он живёт во времени. Время пульсирует в каждой его строке. Порой в весьма ироничной форме:

Трудно спокойствие нам вернуть,
Коль не понять что где?

Нынче в огне бы не утонуть
И не сгореть в воде.

«В полуночной тиши от строки до строки» приходят раздумья о современной жизни, о природе, о назначении человека, о его долге перед родной землёй, звучат и предостережение, и призыв, и утешение, и надежда.

И с прошлыми днями свиданье,
И новые чувства твои,
И первой листвы ожиданье,
И, может... последней любви.

Кажется, проще не скажешь. Но какая ёмкая, всеохватная, «тютчевская» эта кажущаяся простота. Быть может, только в одном поэт абсолютно уверен: русская литература рано или поздно возродится, а вместе с ней и всё лучшее, что было и есть в человеке.

В иные времена, когда опять стихи
Начнёт читать народ и песни петь родные,
Мы обретём себя, замолим все грехи,
Нас воскресит любовь... Во времена иные.

Нет поэзии без любви. Нет любви без поэзии. Так память об увиденном и пережитом и обобщённый образ детства становятся эстетической программой автора.

Бессонные ночи, бесплодные дни,
И тьма, и зажжённые миром огни —
Всё это и есть постиженье;
И грустная песня за тихим ручьём,
И всё, что ты принял и думал о чем, —
Пусть где-то найдёт продолженье...

…Судьбы талантов складываются по-разному. Есть поэты, стихи которых прочитываешь только один раз. Их просматриваешь бегло, по диагонали и только глазами — сердце они не трогают. Под их монотонный ритмический стук хорошо дремлется. Стихи Хомутова иного свойства. В них много тепла, света и простора. Созданные неостывающей душой поэта, они остаются с тобой, всплывая в памяти точным словом или яркой метафорой.

Поэзия Сергея Хомутова обладает свойством спокойной и ненавязчивой доверительности. Стоит только вчитаться, и ты уже видишь, что автор не пророк, не оракул, а человек, мучимый теми же сомнениями, тревогами, надеждами, что и ты. Поначалу всё кажется простым и само собой разумеющимся. Но, вчитавшись, понимаешь, что строки поэта выверены не только личным, но и глубинным, народным опытом.

Судьба моя, земля моя — Россия,
По указанью Божьего перста
Во мне твои бессилие и сила,
И нищета твоя и высота...

Простыми и ясными словами поэт умеет сказать то, о чём многие думают, но не могут выразить. Он не подстраивается под выпавший на его долю отрезок вечности, во взаимоотношениях со временем правдив, независим и строг:

Если век наш не создал возвышенных песен,
Значит, он для грядущего неинтересен.

Некоторые считают поэзию Хомутова пессимистичной. Московский критик Николай Переяслов даже назвал его плакальщиком. С достаточной долей иронии поэт так сказал об этом:

Был я мрачен порой, даже очень,
Но пускай за прошествием лет
И от самых мучительных строчек
Остаётся негаданный свет.

Сергей Хомутов пытается осмыслить быт и бытие во времени и пространстве на очередном переломе истории. Это своего рода лирическая летопись последних десятилетий и вместе с тем — перекличка, незримый диалог времён и эпох. Автор уверен: только поэзия способна передавать вести из одного времени в другое. Так дети компьютерного века, читая Пушкина и Некрасова, воспринимают их стихи, словно они написаны сегодня.

Поэт не может оставаться равнодушным ко всему, что мешает жить, любить и работать, что разрушает связь времён, веру в человека. Вот почему часто его стихи становятся разяще-непримиримыми:

Ещё недавно столь великая,
А в отдалении — Святая,
Теперь же — воровская, дикая,
Расхристанная и пустая.

Здесь Хомутов напрямую обращается к России, и неожиданно всплывает полузабытый, но обновлённый бунинский образ:

Лишённая глубокой памяти
Уже почти необратимо, —
Как будто нищая на паперти,
Где все тебя проходят мимо.

Строки Хомутова афористичны, в сознании читателя они оставляют след, прочерченный чувством и словом: «Привела дорога к Храму, / Только вот — порушен Храм», «Человечество не удалось, / Надломилась небесная ось». Мысли здесь полемически заострены, но тем сильнее их воздействие на читателя. Не боится он прослыть и сентиментальным, пожалуй, даже наоборот. Вкус и чувство меры надёжно оберегают поэта от слащавости.

У Сергея Хомутова обострённое чувство долга, ответственности за этот мир со всеми его радостями и горестями, за судьбу родины, большой и малой. Но подлинное чувство чуждо риторике, оно не кричит, оно всегда немного загадочно, оно всегда глубоко потаённо.

И верю, и люблю, и жду,
И припадаю к образам,
Свою сокрытую звезду
Ищу, скользя по небесам.
И — каждый день молю:
«Свершись!»
Но главное судьба дала,
Звенящее созвучье — ЖИЗНЬ
Вошло под сердце, как стрела.

Вот оно, ключевое слово — «жизнь»! Поэта радует, что жизнь в своей основе осталась той же, что и в его далёком детстве. И, чтобы в этом убедиться, надо всего лишь:

Вглядеться, как дышит червяк,
Задумчиво кружится жук,
Плетёт свою вечность паук,
Подслушать в ромашках тайком
Беседу пчелы с мотыльком.

Картины природы родного края порой реальны до нереальности. Поэтический объектив фокусируется то на не понятых людьми дивах-стрекозах, то на мечтающих о золоте царских корон лягушках. Поэт умеет увидеть неожиданное в самых простых вещах.

Сергей Хомутов — поэт остро современный, осмысляющий все победы и беды нашего времени. Вдумчивому читателю, живущему той же жизнью и в то же время, они близки и понятны.

Каждый чертит свой земной пунктир —
Направленью разному внимают,
Если ты не понимаешь мир,
Не считай, что все не понимают.

Свой внутренний мир поэт проецирует на развернутое, многомерное изображение жизни:

Но рябины рдяные вокруг,
На песке мальчишка чертит круг, —
Может, в нём от нечисти спасаясь.
Век тяжёл, но разве кто-то нам
Предрекал другой?.. По сторонам
Сам ищи спасительную завязь.

Возможно, были времена, когда и солнышко ярче светило и люди лучше были. Но поэт живёт своим временем, изменчивым и непредсказуемым, сложным и апокалипсическим. Оно даёт возможность ему испытать любовь и ненависть, боль и радость и выразить их собственным словом. Он стремится собрать в своих стихах все краски, все звуки родной земли, не создавая при этом духовной перенасыщенности.

Я врос в эту почву руками и словом своим,
От жизни глубинки затерянной неотделим,
От этих тропинок, домишек, живых родников,
От сёл исчезающих, смятых судьбой мужиков,
От баб, что рожают всё меньше и меньше уже,
От горьких раздумий, что боль оставляют в душе.

Россия — страна большая, но поэтам ещё дано такое право стирать «белые пятна» на её литературной карте. Мы знаем Рязанщину Есенина, Смоленщину Твардовского, Вологодчину Рубцова... Сергей Хомутов наносит на карту поэтической России свою малую родину — дорогую его сердцу рыбинскую глубинку.

Сергей КОТОВ,
литератор

«В провинции журнал нужнее...»

Интервью с главным редактором журнала «Знамя» Сергеем Чуприниным

— Сергей Иванович, начнём с самого острого вопроса. Есть ли, на ваш взгляд, будущее у «толстых» литературных журналов или его нет?

— «Толстые» журналы хоронят уже без малого двадцать лет. Так давно и так настойчиво, что в последнее время даже немного уже угомонились. Помнится, критик и телеведущий Николай Александров опубликовал в «Известиях» статью с эффектным заголовком: «Они есть, но их нет». Он писал, что вроде как журналы сейчас не хуже, чем прежде, по наполнению, по составу авторов, но гораздо меньше, чем раньше, играют роль организаторов литературной жизни.

Да, эта роль изменилась. Когда-то литературную репутацию можно было составить благодаря журнальной публикации. Проснуться знаменитым. Сейчас путь в литературу проходит не только через журналы.

Тем не менее и сегодня узнаёшь о возникновении всё новых и новых изданий. Суммарно «толстых» литературных журналов не становится меньше. Есть города, где издаются несколько литературных журналов, дополняющих друг друга или находящихся в конфронтации друг с другом. Иногда их издают союзы писателей, то один, то другой. Иногда это бывает общая площадка, где снимаются цеховые различия и люди сообща делают общее дело. Мне кажется правильным и позитивным именно такое забвение прежних распрей и возможность сойтись в общем деле.

— Собственно, нечто подобное и происходит в Ярославле, где журнал «Мера» создан как единое литературное пространство, единая региональная среда литературной жизни…

— Да, я посмотрел два первых номера, и у меня возникло такое ощущение. Важно также, что журнал задуман как «большой» журнал. Журнал не того или иного сегмента литературного пространства, скажем постмодернистский или объединяющий «реалистов». А журнал, привечающий произведения разных по духу и стилю авторов… Мне понравились как посыл слова во врезе к одной из публикаций о том, что она, возможно, кого-то шокирует, но редакция всё же предлагает на суд публики и такой текст.

— Речь идёт о повести Бориса Гречина «Бамбино». Она очень необычная для молодого автора, насколько позволяют судить имеющиеся у нас представления о молодой прозе. А как вы относитесь к тому, что журнал отдаёт свои страницы

© Е. А. Ермолин, 2012

почти исключительно ярославским авторам?

— Есть две модели существования немосковского журнала. Первая модель: журнал для местных писателей. «Мера» пошла по этому пути. Возможен другой вариант, и на него тоже часто идут: всероссийский, даже международный, журнал с дислокацией в Саратове (как «Волга») или Екатеринбурге (как «Урал»). В лучшем случае только половина авторов этих журналов живут в том регионе, где они выходят. Я не могу сказать, какой вариант лучше. Для успеха и всероссийского эха предпочтительней второй вариант. Вот, скажем, последний номер «Сибирских огней» открывается романом Проханова. К Сибири он никакого отношения не имеет, но редакторы рассчитывают на общероссийское эхо. А в предыдущем номере у них был Юрьенен, который живёт в Нью-Йорке. Это *сибирские* огни? Конечно, здесь важны обстоятельства времени и воля учредителей, тех, кто финансирует издание. И всё-таки не менее важно другое. Нужно воздерживаться от применения местной локальной системы ценностей и иерархии дарований, от искусственного завышения градуса оценок в суждениях об авторах. Это особое искусство.

— Речь идёт о суждениях в критических статьях и вводных заметках об авторах?

— Да. Учтите, что «толстый» литературный журнал отличается от альманаха наличием того, что в старые добрые времена называли второй пагинацией. Это смесь из статей о жизни, литературе, очерков, историко-литературных и краеведческих публикаций, рецензий, хроники… Подозреваю, что с критикой вам будет не всегда легко, а вот хроника и аннотации на книги ярославских авторов — это важнейшая часть журнала. Здесь можно и нужно наращивать усилия. Не в нашей власти организовать появление замечательных стихов и превосходной прозы. Но вторая пагинация — это то, что в нашей власти. Чем больше разработано тем, рубрик, тем значительнее выигрывает журнал.

— И совсем странный вопрос: есть ли у журнала, выходящего в провинции, преимущества перед столичным периодическим изданием?

— В провинции журнал, может быть, даже нужнее, чем в столице. Сейчас в Москве журналы потеснились. Роль консолидирующего центра для писателей, читателей и издателей взяли на себя литературные премии. Вокруг каждой премии формируется определённое литературное сообщество. Скажем, Русский Букер организует писательскую среду, может быть, больше, чем литературный журнал. С этой премией связано больше споров, толков. А в провинции этого нет. Союзы писателей консолидирующую роль выполнять не могут. Тут много грызни и возни, дележа неполученных грантов и прочих пустых хлопот. Что до издательств, то те из них, которые вдохновляются платоническими соображениями, любовью к литературе, влачат незавидное существование. А те, что думают о себе, заняты этими соображениями коммерческой выгоды. Остаётся журнал.

В Ярославле один журнал. Дай бог, чтоб финансисты его, его закопёрщики не перессорились, чтоб хватило ума и вкуса и дальше печатать разные произведения, объединённые лишь тем, что написаны они на русском языке.

Беседовал Евгений ЕРМОЛИН

Наши юбиляры

Двадцать первого сентября 2012 года будет праздновать **80-летие** ярославская поэтесса **Эмма Васильевна Марченко.** Она родилась в Воронежской области, детство прошло в Крыму, а после окончания Московского историко-архивного института была направлена в Ярославль. Так и стала она Ярославной, так и осталась ею. Да и как же было иначе. Древний красавец-город вдохновил её на первое стихотворение, напечатанное в 1959 году в газете «Северный рабочий». Потом пошли публикации в центральных журналах и поэтических сборниках. Затем — авторские книги: «Влюблённость» (1964), «Млечный путь» (1968), «Парусник» («Советская Россия», 1970). В 1969 году Эмма Марченко окончила Литературный институт, в 1972 году принята в Союз писателей. Давая ей рекомендацию, известный поэт Владимир Туркин писал: «В её стихах — особое, свойственное талантливым людям видение мира, предметов, явлений, людей, цвета вокруг». Это свойство отличает и более поздние книги Эммы Марченко: «Счастливый плёс»(1985), « И юг, и север»(2003).

Четвёртого апреля отметил **75-летие** известный во всей России ярославский писатель **Юрий Серафимович Бородкин**, член Высшего творческого совета Союза писателей России. Родился он в городе Горьком, но когда отец ушел в 1941 году на фронт, семья перебралась в костромскую деревню, где и прошло детство будущего прозаика. В 1954 году Юрий приехал в Ярославль. После окончания химико-механического техникума работал на заводе СК. По словам Юрия Серафимовича, писать серьёзную прозу он начал с 1961 года. Заочно окончил Литературный институт, стал печататься в сборниках ярославских писателей, в журналах «Крестьянка» и «Наш современник». Первые книги вышли в Верхне-Волжском книжном издательстве — «Ветры над яром» (1966) и «Рябиновые бусы» (1968). По этим книгам был принят в 1969 году в Союз писателей СССР. С тех пор Юрий Серафимович написал много книг, посвящённых русской деревне. Главная его книга — роман «Кологривский волок», удостоенный Первой премии СП СССР и ВЦСПС. Более 20 лет Ю. С. Бородкин был руководителем Ярославской писательской организации.

Отмечает своё **75-летие** поэт и прозаик, член Союза российских писателей **Владимир Гаврилович Колабухин.** Владимир Гаврилович родился в 1937 году в городе Коломна Московской области, окончил юридический институт. Работал редактором газеты «Северная магистраль», в ор-

ганах внутренних дел. Подполковник в отставке.

Публиковался в журналах «Театральная жизнь», «Советская милиция», «Земля родная» и др. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Его перу принадлежат повести и рассказы о нелёгких буднях работников милиции.

В минувшем январе исполнилось **75 лет** члену Союза писателей России **Юрию Владимировичу Оловянову**. Он родился в селе Поречье Ростовского района и, окончив Некрасовский ветеринарный техникум, работал зоотехником, потом председателем колхоза. Затем ушёл в журналистику и книгоиздательское дело. Много лет трудился в Верхне-Волжском книжном издательстве, в том числе главным редактором. Юрий Оловянов — автор многих юмористических рассказов. Они вошли в его весёлые книжки: «Скептик и оптимист», «Лишняя единица» и «Бутафория». Главный редактор областной Книги памяти, посвящённой ярославцам, погибшим в Великую Отечественную войну. Заслуженный работник культуры РФ.

Семьдесят лет исполняется члену Союза российских писателей **Тамаре Михайловне Рыковой**. Поэзия Тамары Михайловны привлекает возвышенной гражданской позицией, благородным негодованием и искренней болью за родину, так ей свойственных наравне с мягкостью и врождённым тактом. Её стихи в 1980-е публиковала областная молодёжная газета «Юность», в 1990-х — журнал «Русь» («Русский путь на рубеже веков»), коллективные сборники и альманахи. Автор книги «Не суетись, душа» (2003). С 2004 по 2009 год возглавляла Ярославское отделение Союза российских писателей. Заместитель председателя Комиссии по творческому наследию Константина Васильева, активно участвует в организации ежегодных Васильевских чтений «Голоса русской провинции». Один из организаторов Ярославского городского клуба любителей словесности «Тысячелетие», председателем которого она является по настоящее время.

Своё **65-летие** в феврале отметила поэтесса **Тамара Алексеевна Пирогова**. Она родилась в Рыбинске Окончила факультет журналистики Московского государственного университета. Работала журналистом, преподавателем. Сейчас живёт в Ярославле. Первые её стихи увидели свет в 1978 году, затем печаталась во многих изданиях, автор одиннадцати книг. О содержании стихов можно судить по названиям её сборников: «Любви и боли непокой», «Прозрение любви», «Заповедь сердца», «Живёт красотою душа». Тамара Пирогова много выступает перед любителями поэзии, наставляет на творческий путь молодых поэтов. Член правления Ярославской областной организации «Союз писателей России».

Исполнилось **65 лет** прозаику **Альфреду Николаевичу Симонову.** Родился в Рыбинске, окончил филологический факультет Ярославского педагогического института. В 1970 году пошёл на службу в органы КГБ, а после ухода в отставку в звании полковника работал на различных штатских должностях. В настоящее время руководит Общественной приёмной полномочного представителя Президента РФ по Центральному федеральному округу в Ярославле. Член Общественной палаты Ярославской области. Публиковаться начал в студенческие годы. В 2007 году вышел в свет первый роман Альфреда Симонова — «Имя на запотевшем стекле», под одной обложкой с повестью «Светские беседы на пленэре». В выпущенную ярославским ИД «Печать» книгу «Орбита осколка» (2007) вошли четыре повести под общим грифом «Из записной книжки полковника контрразведки». Его книга «Искусствовед в штатском» (2008) издана в серии «Граждане Ярославля» издательством Александра Рутмана. В 2009 году вышла книга «Подсказка ангела». Произведения писателя наполнены любовью к природе, пережива-

ниями за судьбу своей малой родины, народным юмором, светлым чувством любви и ожидания чуда.

Пятьдесят лет отмечает поэт, журналист, издатель **Наталья Анатольевна Черных** (Смирнова). Наталья Анатольевна родилась в городе Ангарске Иркутской области, окончила Иркутский университет, работала учителем в средней школе, преподавала в Иркутском политехническом институте, сотрудничала с газетами. Её стихи публиковали журналы «Огонёк», «День и ночь», «Байкал». Автор книги стихотворений «Ботанический сад», за которую ей присуждена премия имени И. З. Сурикова. Переводит с монгольского и украинского языков. Член Союза российских писателей Н. А. Черных неоднократно была лауреатом областных премий по журналистике.

В октябре 2012 года отметит **полувековой** юбилей поэт и прозаик **Михаил Алексеевич Лебедев.** Живёт он вдали от городской суеты — в родной деревне Селище Борисоглебского района. Одновременно занимается и предпринимательской, и литературной деятельностью. По его признанию, стихи он писал всегда. Первое стихотворение опубликовано в 1980 году в районной газете. Стихи и рассказы печатались в журналах и альманахах, которые выходили в Москве, на Ярославщине, на Дальнем Востоке. Член Союза писателей России.

Ко всем нам

В апреле нынешнего года своё шестидесятипятилетие отметил наш земляк Юрий Михайлович Кублановский. Поэт, эссеист, литературный критик, он родился в Рыбинске в 1947 году в семье актёра и преподавательницы русской литературы. Стихи, по собственному признанию, начал писать в 14—15 лет.

В 1964 году Кублановский поступил на отделение искусствоведения исторического факультета МГУ, где встретил молодых поэтов — Леонида Губанова, Владимира Алейникова и других. Их объединило неприятие официальной советской литературы. По инициативе Леонида Губанова студенты основали литературное объединение «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» (СМОГ), которое просуществовало недолго, до 1966 года. Первые официальные публикации Кублановского — в сборниках «День поэзии» (1970) и «Ленинские горы. Стихи поэтов МГУ» (1977).

После окончания университета он уезжает экскурсоводом на Соловки. Суровыми зимами, когда корпуса огромного разорённого монастырского комплекса не отапливались, по рассказам Кублановского, он зимовал в той самой келье, где в 1930-е годы сидел Дмитрий Лихачёв. Затем Юрий Михайлович работал в Кирилло-Белозерском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Музее фресок Дионисия (Ферапонтов монастырь), в Муранове — в музее-усадьбе Ф. И. Тютчева и т. д. В середине 1970-х Кублановский познакомился с Александром Менем, который стал его духовным наставником.

«У Кублановского дух поэзии почти всегда интимно связан с русским православием… В моем представлении образ Кублановского раздваивается от великолепного стихотворца, несомненного мастера и даже в некотором роде стихотворного аристократа, до смиренника, послушника, сторожа или служки в поэтическом храме, где ему любовно знакома каждая мелочь, где он может передвигаться в темноте с закрытыми глазами и никогда не оступится. И странно: эти образы каким-то чудом не противоречат», — напишет в 2003 году в «Литературной газете» Павел Басинский.

В 1975-м Кублановский написал открытое письмо «Ко всем нам», приуроченное к двум годам высылки Александра Солженицына. После публикации текста письма на Западе Кублановский уже не мог работать по специальности; пришлось осваивать «диссидентские» профессии — дворника, истопника, сторожа в московских и подмосковных храмах. С середины 1970-х его стихи публикуют русскоязычные журналы и альманахи Европы и США. В 1981 году в американском издательстве «Ардис» вышел его первый авторский сборник стихов — «Избранное», составленный Иосифом Бродским. «Это поэт, способный говорить о государственной истории как лирик и о личном смятении тоном гражданина» — таково мнение Бродского о творчестве нашего земляка.

В октябре 1982 года Юрий Михайлович был вынужден эмигрировать за рубеж. Жил в Париже, в Мюнхене. Работал на «Радио Свобода», был многолетним членом редколлегии и составителем литературного раздела журнала «Вестник русского христианского движения».

В 1990-м Кублановский вернулся в Россию. Сегодня он живёт в Москве, работает в журнале «Новый мир». Лауреат премий им. О. Мандельштама альманаха «Стрелец», Правительства Москвы, журналов «Огонёк», «Новый мир». В 2003 году члену Союза российских писателей Ю. М. Кублановскому была вручена премия Александра Солженицына за «правдивую точность поэтического слова, за богатство и метафоричность языка», за ясную гражданскую позицию; в 2006-м — Новая Пушкинская премия. Член-корреспондент Академии российской словесности. С 2010 года — член Патриаршего совета по культуре.

В 2010 году при финансовой поддержке мэра Рыбинска Ю. В. Ласточкина увидел свет семнадцатый по счёту авторский сборник стихов поэта «Посвящается Волге», ставший первой из его книг, изданных на родине.

Несколько лет Ю. М. Кублановский собирался начать редактировать свои дневники, которые ведёт не первый год. Часть материалов уже обработана, и в 2012 году с февральского номера в «Новом мире» началась публикация его мемуаров «Ноль девять».

Премия «Поэт»

Редакция журнала «Мера» совместно с областной библиотекой им. Н. А. Некрасова выступила инициатором презентации в Ярославле российской национальной премии «Поэт».

Эта литературная премия учреждена Обществом поощрения русской поэзии при финансовой поддержке РАО «ЕЭС России» как награда за наивысшие достижения в современной русской поэзии. Согласно статусу премии ею могут быть награждены ныне живущие поэты, пишущие на русском языке, безотносительно к их национальности и месту проживания. Премия присуждается одному лицу только один раз. Денежное вознаграждение этой крупнейшей в мире поэтической премии эквивалентна 50 000 долларов США. В жюри премии входят известные российские писатели, литературные критики, филологи: Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Сергей Гандлевский, Ирина Роднянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Сергей Чупринин, Олег Чухонцев и др.

Литературный вечер в Ярославле, который вызвал большой интерес у местных литераторов и филологов, открыл координатор премии главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Знамя» Сергей

Выступает Олег Чухонцев

Чупринин. Сергей Иванович рассказал об истории премии «Поэт», назвал имена талантливых современных поэтов и представил публике одного из лауреатов премии — члена Союза российских писателей Олега Чухонцева.

Олег Григорьевич, автор семи поэтических сборников, переводчик, поделился «секретами совершенных рифм», ответил на вопросы зрителей. В авторском исполнении гости услышали стихи разных лет. Среди них прозвучало стихотворение «Рыбинское море», посвящённое Ярославскому краю.

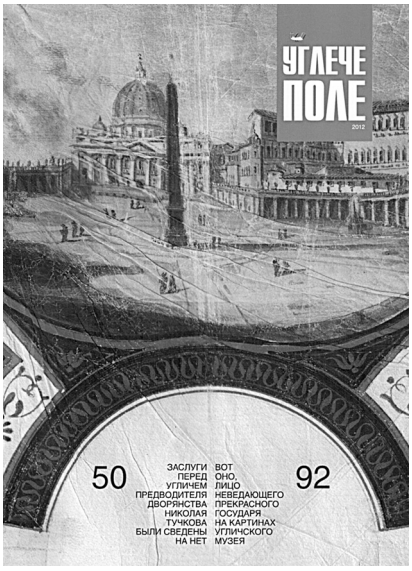
Сюрпризом для собравшихся стала презентация новых книг: юбилейной антологии «Национальная премия “Поэт”»: визитные карточки» (сост. и предисловие С. И. Чупринина), в которой собраны стихи и статьи членов Общества поощрения русской поэзии, и вышедшего на правах рукописи сборника «Ситуация-2011: со-

Литературный вечер в областной библиотеке вызвал большой интерес у местных литераторов и филологов. Март 2012-го

временная русская поэзия в зеркале литературной критики» (2012), куда вошли проблемно-аналитические статьи, дискуссии, вызвавшие интерес, о сегодняшнем состоянии русской поэзии в стране и мире. Эти издания были подарены Ярославской областной библиотеке им. Н. А. Некрасова.

Двенадцать

Своё пятилетие историко-краеведческий и литературный журнал «Углече поле» (Углич) отметил выходом нового, двенадцатого, номера. Его презентация состоялась в Ярославле, в городском выставочном зале им. Н. Нужина. Журнал, редактируемый Алексеем Сусловым, является приложением к «Угличской газете». Учредителем издания выступает дума Угличского муниципального района.



Журнал во всех отношениях заметное и замеченное явление, его выпуск — настоящее культурное событие далеко не только угличского масштаба. Так, один из номеров «Углече поля» был отмечен президентским грантом. О сегодняшнем бытии издания говорили на презентации председатель Ярославского отделения Союза журналистов Ирина Пухтий, музейщик Виктор Ерохин, политолог Пётр Стряхилёв. Журнал большой и интересный, сделан с душой и при этом выглядит очень современно, даже стильно.

На встрече выступили и авторы номера: искусствовед Светлана Кистенёва, исследователь ярославских древностей Юрий Галыбин (выставка работ которого в эти дни проходила в выставочном зале), журналист Олег Гонозов и другие. Был проведён даже небольшой мастер-класс лицевого шитья, традицию которого на угличской почве обновил народный мастер Владимир Кузнецов, герой статьи Н. Чвановой «Лицевое шитьё. Прошлое и настоящее».

Литературную часть нового номера составили стихи Алексея Будникова, историческая проза Андрея Рощектаева, пьеса Ольги Городецкой, статьи на литературные темы Владимира Эрвольдера и Светланы Кистенёвой.

Памяти Александра Коноплина

Совсем недавно мы поздравляли его с присуждением премии города Ярославля в области культуры и искусства. Понимая его значимость, мы открыли первый номер журнала «Мера» именно его повестью. Она называлась «Флейта». И была вся такая лёгкая, воздушная, как звучание этого старинного музыкального инструмента. Лёгкая, хотя рассказывала о вещах далеко не лёгких. Но таков уж был талант у писателя. Повесть была на современнейшую тему. И даже не верилось, что написана она человеком, которому уже восемьдесят пять, и он прикован к постели. И вот не стало

этого умного, доброго, красивого человека, замечательного писателя.

Александр Викторович Коноплин — плоть от плоти и кровь от крови своего времени. Со всеми его достоинствами и заблуждениями, с высокими идеалами и суровой реальностью. Он ушёл в 1943 году юным добровольцем на фронт, не думая и не гадая, что, став победителем в войне, окажется потом в одних лагерях с побеждёнными немцами. После реабилитации он вступил в компартию, наивно полагая, что не она несёт ответственность за произошедшее с ним. Потом с жаром откликнулся на демократические преобразования: на улицах висели листовки, где он приветствовал крах советской системы. А затем с грустью наблюдал, чем обернулся этот крах.

Он прошёл в литературу по первой пороше, присыпавшей тяжесть прошлого. Он так и назвал свою первую книгу рассказов, вышедшую в 1963 году: «По первой пороше». Чтобы цензура не тормознула книжку бывшего зека, Ярославское книжное издательство снабдило её аннотацией, сообщавшей, что основное в рассказах — «утверждение социалистических принципов отношения к труду, к человеку и страстное обличение того, что мешает людям, обществу двигаться по пути к коммунизму». Разумеется, никакого обличения в книжке не было, и к коммунизму в ней никто не двигался. На страницах кипела жизнь, которая имеет ценность только потому, что добро в ней способно победить зло.

«Вор» — назывался зачинный рассказ книги. Но он не о зле, а о доброте: с каким участием отнеслись солдаты, едущие на фронт, быть может на смерть, к мальчику, укравшему у них хлеб. Эта тема доброты прошла через всё творчество Александра Коноплина, она и в последней его книге, которую он увидел на пороге смерти: «Млечный путь». Вот рассказ «Жили-были король с королевой». Солдат Галкин руководит сооружением землянки на хозяйском огороде, отмахиваясь от крестьянки, убеждающей его копать в другом месте, ведь земля на огороде ухожена, не гоже ей гибнуть. У них на тот момент разные интересы: ему нужна землянка, а крестьянке — земля. Злой Галкин оказывается добрым человеком: видевший множество смертей, он глубоко переживает произошедшую на его глазах и ставшую самой несправедливой гибель беженки Насти, убитой немцем только за то, что хотела спасти детей от голодной смерти. Как и солдаты в «Воре», Галкин отдаёт осиротевшим детям всё, что пригодилось бы ему и самому в тяжкой солдатской жизни.

Александра Коноплина больше нет, но доброта, которой наполнены его книги, ещё долго будет согревать нас, ярославцев.

Ярославская книга

Нынешний 2012 год стал юбилейным для Ярославской областной библиотеки им. Н. А. Некрасова, одной из старейших библиотек региона, которая ведёт своё начало от общественной городской Пушкинской библиотеки, открытой в марте 1902 года по инициативе ярославского земства.

В юбилейный год сложно обойтись без упоминания знаменательных дат. С самого первого дня библиотека пользовалась большой популярностью среди жителей города. По интенсивности деятельности она занимала в 1913 году одно из первых мест в числе 12 крупнейших библиотек России. Серьёзно пострадав во время Ярославского мятежа, библиотека продолжила свою деятельность как просветительское учреждение. В 1919 году ей был присвоен статус губернской. В 1923 году она утратила имя А. С. Пушкина и стала просто Ярославской центральной губернской библиотекой. С образованием в 1936 году Ярославской области библиотека получает статус областной. Яркой страницей в её истории стал 1967 год: библиотеке присваивается имя поэта-земляка — Н. А. Некрасова, и она переезжает в новое, специально построенное здание на ул. Свердлова, где располагается и в настоящее время.

Сегодня ЯОУНБ — это крупнейшая библиотека области, информационный центр, имеющий современные коммуникационные средства, областной депозитарий краеведческой литературы, координационный и методический центр для библиотек Ярославского края. К услугам пользователей система специализированных отделов и читальных залов. Библиотека располагает универсальным фондом, который содержит литературу по всем отраслям знаний, более 2,7 млн экземпляров документов, в том числе около 48 тыс. изданий на иностранных языках, выписывает около 800 названий журналов и газет. Функции и полномочия учредителя библиотеки от имени Ярославской области осуществляет департамент культуры Ярославской области.

Традицией последних лет стало проведение в библиотеке ежегодного книжного форума. Посетителям этого главного книжного события региона предоставляется уникальная возможность — увидеть на одной площадке одновременно все издания, вышедшие на территории области за предыдущий год и поступившие в областную библиотеку; речь идёт о 650—700 изданиях. В апреле 2012 года состоялась юбилейная XV областная выставка-ярмарка «Ярославская книга». Длительная история книжной выставки-ярмарки, способствующей раскрытию информационного потенциала Ярославской области, позволяет говорить о её особом месте в культурной жизни региона.

Ярославская область стабильно занимает среди 17 регионов Центрального федерального округа 3—4 место по количеству наименований и по тиражам книг, выпущенных на территории края. Местная печатная продукция в целом имеет большое историко-культурное значение. Она отражает вклад региона в развитие культуры и науки страны, даёт важный материал для

© Н. В. Абросимова, 2012

изучения издательского дела, истории печати на данной территории. Это, в известной степени, показатель авторской активности, измеритель научного, культурного, творческого потенциала региона.

Выставка изданий, выпущенных на территории Ярославской области, — это главный герой всей «книжной» недели, вокруг которого происходят различные мероприятия: юбилеи и презентации издательств, новых издательских проектов и книжных магазинов, презентации только что вышедших книг, продажа книг ярославских издательств, буккроссинг (книгообмен краеведческими книгами), встречи с издателями, писателями, художниками.

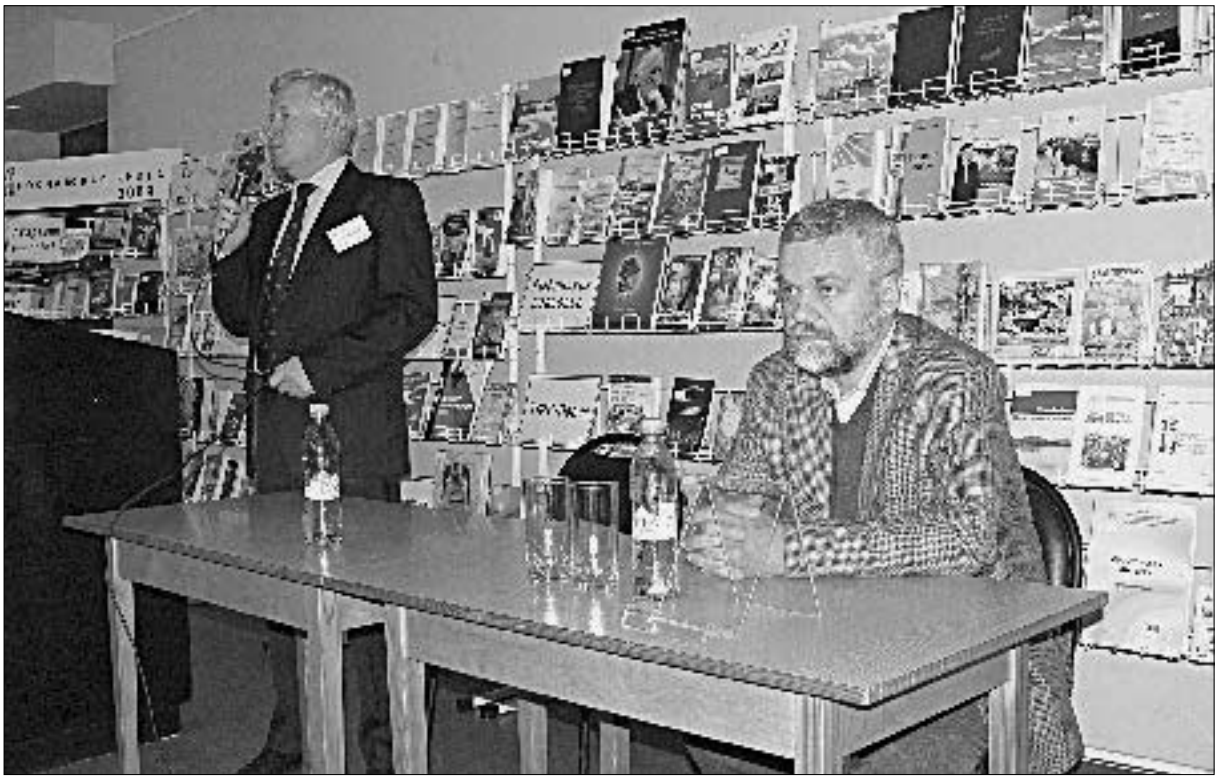
Например, в разные годы в рамках книжного форума проходили встречи с эссеистом и прозаиком, лауреатом Пушкинской премии Вячеславом Пьецухом, с лауреатом престижных литературных премий, автором нескольких биографических романов, вышедших в серии ЖЗЛ (книги о М. Пришвине, А. Грине, А. Толстом, Г. Распутине, М. Булгакове), писателем Алексеем Варламовым, с профессором, академиком Академии русской современной словесности, лауреатом премии «Антибукер 2000», заместителем главного редактора журнала «Континент» и лауреатом областной премии имени Л. Н. Трефолева в номинации «Журналистика» Е. А. Ермолиным, творческая встреча и мастер-класс Игоря Сакурова — ярославского художника-иллюстратора книг Бориса Акунина, круглый стол «Ярославская книга — Тысячелетию Ярославля». В стенах библиотеки в 2009 году отметил семидесятилетний юбилей председатель правления Ярославского отделения Союза писателей России Г. В. Кемоклидзе.

Читателям запомнились презентации книги Яна Левина «Сто деталей Ярославля» (проект издательства Александра Рутмана), ставшей победителем VI Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина», и книги Ярослава Смирнова «Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи», завоевавшей Почетную грамоту VII Всероссийского конкурса регионального и краеведческой литературы «Малая Родина» в номинации «Увлекательное краеведение».

Вячеслав Пьецух
в Ярославской областной библиотеке

На встречах читателей и сотрудников библиотек области с писателями и издателями обсуждаются самые острые вопросы развития книжной культуры страны и региона. Так, на недавней встрече с писателем Алексеем Бархатовым на тему «Бестселлеры “из пробирки”, или Силиконовый век русской литературы» шёл разговор о том, что происходит с чтением и книгами, кого ныне усиленно пиарят в качестве «писателей», как «пекутся» издательские продукты, какая аудитория воспитывается на подобном «фаст фуде».

С 2007 года одним из значимых мероприятий выставки-ярмарки стало проведение научной конференции «Книжная культура Ярославского края». География её участников постоянно расширяется не только благодаря докладчикам из районных центров области, но и из Москвы, Вологды, Нижнего Новгорода.



Встреча с Алексеем Варламовым

К открытию книжной выставки-ярмарки специалисты краеведческого отдела библиотеки с 1999 года выпускают ежегодный библиографический указатель «Ярославская книга». Каталог включает описания печатных документов (книг, брошюр, буклетов, альбомов, карт, схем, наборов открыток) и аудиовизуальных материалов. Все документы группируются по отраслям знаний. Учтены в каталоге и краеведческие книги, изданные за пределами области, большей частью полученные библиотекой в дар от авторов.

В рамках форума ежегодно проводится конкурс на лучшее издание года, в котором принимают участие все издания, представленные на выставке «Ярославская книга». С 2010 года, благодаря финансовой поддержке областного бюджета, победители конкурса получают не только дипломы, но и денежные призы.

ЯОУНБ им. Н. А. Некрасова как никто представляет себе проблемы местного книгоиздания и книжной культуры в целом, включая снижение качества художественного оформления книг, их несоответствие ГОСТу на издательскую продукцию, отсутствие научно-справочного аппарата, затрудняющего ориентацию и т. д. Важнейшей проблемой местных издательств в начале XXI века является книгораспространение, точнее, отсутствие информационного канала, предоставляющего полные данные о местных изданиях, и сокращающийся читательский спрос. В таких непростых условиях многие издательства и авторы рассматривают библиотеки как партнёров в решении задачи продвижения книги к читателю. Областная библиотека получает в дар сотни экземпляров местных изданий и способствует их распределению по публичным библиотекам региона. При этом, несмотря на очень скромные порой тиражи, многие авторы, издавшие книги за собственный счёт, считают престижным лично подарить библиотеке свои труды. Отмечу, что книги с автографами авторов автоматически становятся книжными памятниками регионального значения.

Наталия АБРОСИМОВА,
заместитель директора по научной работе
ЯОУНБ им. Н. А. Некрасова

На книжную полку

Батов П. И. В походах и боях. Рыбинск : Медиарост, 2011. 534 с.
Уроженец деревни Филисово Рыбинского уезда дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов начал военную службу ещё в царской армии. Участвовал в Гражданской войне, воевал в Испании. В Великую Отечественную войну командовал войсками в Крыму, а затем возглавил 65-ю армию, с которой прошёл от Сталинграда до Щецина. Переиздание мемуаров известного полководца предпринято по многочисленным просьбам читателей.

Беляков Ю. П. Дорогие мои ярославичи. Ярославль, 2011. 288 с.
Книга издана к 70-летию со дня рождения одного из старейших ярославских журналистов Юрия Белякова. В первой её части собраны очерки, заметки друзей и соратников о жизни и творчестве юбиляра, во второй — очерки самого Юрия Белякова о его друзьях, людях творческих профессий: художниках Олеге Отрошко, Спартаке Глушкове, журналисте Евгении Лобачёве, писателях Алексее Грачёве, Владимире Колабухине, поэтах Розе Гуревич, Марии Сборщиковой и других. Все они оставили заметный след в ярославской культуре.

Богачук А. Н. Севера : Избранные стихотворения. Ярославль : Ремдер, 2011. 80 с.
За плечами автора, коренного ярославца, работа электромехаником на полярных станциях в Арктике, армейская служба на Дальнем Востоке, многолетний труд конструктора. Богатый жизненный опыт стал основой многих его стихотворных произведений, представленных в новой книге в разделах «Севера», «Армейское», «XX век — ЯМЗ», «Ярославлю — 1000». Завершают сборник члена литературного объединения «Волжане» Александра Богачука поэтические переводы с украинского.

Бытие в языке : Сборник научных трудов к 80-летию В. И. Жельвиса.

Голиков В. П. Не спрятать кольца годовые : Стихи. Ярославль : ИД «Печать», 2011. 132 с.

Автор, полковник в отставке, всю жизнь отдавший работе в спецслужбах, предстаёт перед читателем как лирик, наследователь поэтических традиций Некрасова, Есенина, Рубцова. Стихи Валерия Голикова рождены любовью к родной земле, красотой русской природы, воспоминаниями о детстве, проведённом в деревне. Его лирический герой открыт и сердечен.

Голоса русской провинции : Науч.-худож. сборник. Выпуск 5. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. 264 с.

В сборник вошли материалы, подготовленные участниками VIII Международных Васильевских чтений, в преддверии 1000-летия Ярославля. Учёные, писатели и литераторы, студенты и аспиранты вузов Москвы, Минска, Ташкента, Ярославля, Углича представили результаты своих размышлений, посвящённые как личности и творчеству поэта Константина Васильева, так и актуальным проблемам творчества иных «голосов» творчески богатой российской глубинки.

В раздел «Литературные портреты» включены стихи лауреатов Первого поэтического конкурса памяти К. В. Васильева — членов Союза писателей России Н. Кудричевой, В. Топоркова, члена Союза российских писателей Н. Папорковой, а также Е. Коновалова, Т. Бикбулатова, Н. Козвониной, Л. Страховой.

Презентация сборника прошла в Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова в Ярославле.

Гонозов О. С. Из Кошанска в Москву: юмор и сатира. Ярославль, ИПК «Индиго», 2012. 248 с.

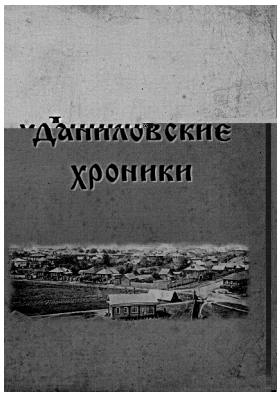
В авторский сборник вошли юмористические произведения, напечатанные в «Литературной газете», «Московском комсомольце», ярославских периодических изданиях.

Герои рассказов написаны с натуры. Это и Наташка Белова, которой «поменять работу — всё равно, что улицу перейти». Это и Галя Лункина, отправившаяся в Москву посетить какой-нибудь театр, а точнее — походить по Тверской, чтобы познакомиться с симпатичным москвичом, выйти за него замуж и поменять свой невзрачный Кошанск на столицу нашей родины… Они и другие персонажи живут в огромной стране, придуманной и описанной Олегом Гонозовым, в той стране, которая так похожа на окружающую нас всеми миллионами квадратных километров Россию.

Издание вышло в свет при поддержке бюджета Ярославской области.

Гончарова Н. Н., Овсянников С. Н. Рыбинск. Градостроительство и архитектура. Рыбинск : ООО «Издательство РМП», 2011. 416 с.

Авторы издания, архитектор и искусствовед, собрали под одной обложкой уникальный материал — более 500 иллюстраций: карты города с XVIII века до наших дней, планы зданий и сооружений разного времени и разных стилей. Рассмотрены все этапы архитектурной истории города, включая советский.



По мнению специалистов, «такой объём материала и такая подробность рассмотрения крайне редко встречаются и в книгах о больших губернских центрах, исторические же города уездного масштаба таких публикаций не имеют».

Даниловские хроники. Выпуск IV. Данилов, 2011. 134 с.

Альманах публикует отрывки из краеведческих записок И. Е. Белосельского, над которыми он работал много лет, — обзор страниц истории Даниловского края начиная с заселения региона древними славянами до середины 1960-х. Издание иллюстрировано фотографиями конца XIX—XX в.

Составитель — редактор газеты «Мой Данилов» Татьяна Белова.

Книга выпущена при содействии администрации Данилова.

Желенис Л. Э. Здравствуй, день нарёченный! Лирика. Ярославль : Ремдер, 2011. 124 с.

Первая книга стихов Ларисы Желенис вышла в 2000 г. Её поэзия представлена также в ряде московских коллективных сборников. Новое издание — подарок для всех любителей поэзии.

«Читатель любого возраста и жизненного опыта найдёт в этой книге для себя самое волнующее», — пишет в предисловии к книге генеалог, публицист и художник Юрий Аруцев, иллюстрировавший это издание. — Лариса пишет искренне, сердцем. А когда пишет сердце, образы и слова рождаются сами».

Зайцев П. Записки пойменного жителя. Рыбинск : Медиарост, 2011. 216 с.

Уникальные воспоминания бывшего мологжанина состоят из двух частей. В первой — подробный рассказ о прежней красоте и удивительной природе Молого-Шекснинской поймы вплоть до её затопления водами Рыбинского водохранилища. Вторая посвящена обычаям и нравам живших там людей. Издание иллюстрировано рисунками ещё одного мологжанина — Вячеслава Корнева.

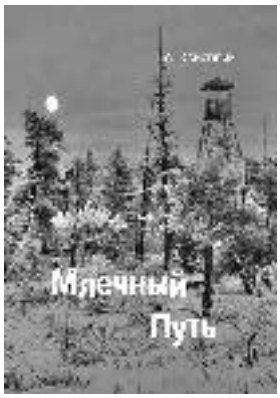
Редактором рукописи стал Ю. М. Кублановский. В 1990-х гг. Юрию Михайловичу удалось опубликовать фрагмент этих воспоминаний в «Новом мире» и в «Нашем современнике». Полностью текст издаётся впервые.

Презентация книги прошла на заседании «Землячества мологжан», посвящённом 70-летию начала заполнения Рыбинского водохранилища, в Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова в Ярославле.

Комогорцева С. Негасимый свет : Стихи. Проза. Ярославль : С-Принт, 2011. 148 с.

Третья книга автора включает произведения разных лет.

«В стихах — моя жизнь с горестями и радостями, потерями и обретениями, — пишет сама Светлана во вступлении к сборнику. — Так я мечтаю и переживаю, радуюсь и негодую, страдаю и люблю…»



Коноплин А. В. Млечный путь : Роман. Повести. Рассказы. Рыбинск : ОАО «Рыбинский Дом печати», 2011. 320 с.

В книгу известного ярославского писателя вошли его новый роман «Млечный путь», а также повести и рассказы «Клара», «Снайпер», «72 часа», «Шкет», «Плюшевый заяц». Александр Коноплин продолжает разрабатывать хорошо знакомые ему темы — застенки ГУЛАГа и Великая Отечественная война.

Все эти произведения вновь затронут самые потаённые глубины читательских душ, не оставят равнодушными никого из тех, кто чувствует настоящее Слово, подарят радость общения с подлинно художественной литературой.

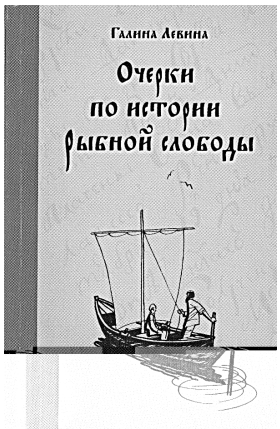
Издание вышло в свет при поддержке бюджета Ярославской области.

Кравцов К. П. Аварийное освещение : Стихотворения. М. : «Русский Гулливер / Центр современной литературы, 2010. 64 с.

Это четвёртая книга члена Союза российских писателей Константина Кравцова. И в ней снова поэт собеседует со священником — и беседа записана как поэтический текст.

«Тридцать лет назад предположить было невозможно, чтобы в советском издательстве вышла книга стихов священника. Изменился не режим, изменилось пространство, — пишет в предисловии к новой книге стихов Константина Кравцова член Союза российских писателей Наталия Черных. — Книга открывает мир, в котором уже произошла катастрофа. Священник пишет о самоубийце Ван Гоге, об Эзре Паунде и Готфриде Бене, о Николае Шипилове и Денисе Новикове, которые оживают в нём, поэте, и в которых он присутствует стихами и молитвой…»

Литературные критики признают, что «мир поэзии Кравцова вместе труден и изящен», что его «босхианское совершенство гипнотизирует и отталкивает одновременно». Не случайно книга вышла в «Русском Гулливере» — издательском проекте, позиционирующем себя как самостоятельную платформу для поэзии, декларирующую ответственность по отношению к поэтическому слову как альтернативный способ жизни, активную ячейку сопротивления обывательской цивилизации.

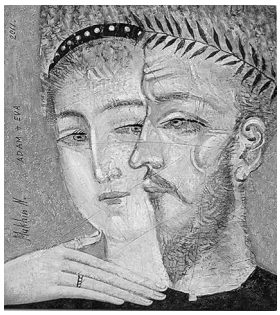


Левина Г. Д. Очерки по истории Рыбной слободы. Рыбинск, 2012. 240 с.

Автор книги Г. Д. Левина, педагог и краевед, лауреат премии Вадима Нефёдова «За заслуги в развитии краеведения», много лет изучает историю Рыбной слободы по летописным, а также архивным источникам XVII—XVIII вв. Впервые цикл очерков, написанных ею на основе собранного и обобщённого уникального краеведческого материала, был опубликован в газете «Рыбинская среда» в 2008—2011 гг. Дополненные и переработанные, они составили новое издание.

Выпуск книги осуществлён при содействии управления культуры администрации города Рыбинска.

Презентация прошла в Рыбинской центральной библиотеке им. Энгельса.



Мухин Н. А. Проекты : Живопись. Графика. Скульптура : альбом. Рыбинск : Медиарост, 2011. 448 с.

Николай Александрович Мухин — народный художник России, действительный член Российской Академии художеств, член Союза художников РФ, основатель школы «Ярославская икона», член совета при Президенте РФ по культуре и искусству.

В альбоме, посвящённом творчеству мастера, представлены произведения, созданные им с 1977 по 2011 год. Книга рассказывает о пути художника в искусстве, его достижениях и творческих победах, деятельности по созданию живописных, графических, скульптурных работ, фресковых и иконописных образов. Альбом включает две статьи известных искусствоведов, академиков Марии Вяжевич и Валерия Шилова.

Издание снабжено большим количеством репродукций, фотографий.

Не предать забвению : Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 8. Ярославль : ИПК «Индиго», 2011. 448 с.

Новый том Книги памяти (составители А. В. Коноплин и Л. А. Сковородкина) открывается статьей Н. В. Рябининой «Репрессивная политика в 1930-е годы: истоки, цели, проявления». Основу издания составляют списки реабилитированных граждан; дополнены списки расстрелянных в ходе политических репрессий; осуждённых по статье 58 УК (участники восстания в июле 1918 г. в Ярославле, крестьяне, рабочие, служащие, красноармейцы, священнослужители и др.); дополнены списки несовершеннолетних детей, оставшихся без попечения одного или обоих родителей, репрессированных по политическим мотивам, а также находившихся вместе с репрессированными родителями в местах заключения, ссылке, на поселении и др.

Книга издана за счёт средств из бюджета Ярославской области

Новожилова Л. Е. Трефолева, 12. Ярославль, 2011. 40 с.

Издание приурочено к 75-летию созданного в Ярославле в 1936 г. книжного издательства, с которым самым тесным образом связана история становления и развития регионального отделения Союза писателей СССР.

Автор книги Людмила Евгеньевна Новожилова десять лет проработала литературным редактором в укрупнённом Верхне-Волжском книжном издательстве, выпускавшем в свет книги авторов Ярославской, Владимирской, Ивановской и Костромской областей. Она рассказывает о формировании издательского коллектива, о специфике подготовки рукописей, о коллегах-писателях — В. В. Рымашевском, П. П. Голосове, В. Ф. Московкине, М. И. Глазкове, М. А. Рапове, А. В. Коноплине, Ю. С. Бородкине, Л. В. Коконине, В. А. Лебедеве, об историках и краеведах П. Г. Андрееве, С. Н. Тачалове, П. И. Козлове, И. А. Ковалёве, А. Н. Иванове, М. Г. Мейеровиче, М. Н. Тюниной, Г. А. Мурашове, архитекторе И. Б. Пуришеве, о художниках-графиках Наркисе Флоринском, Глебе Никитине, Дмитрии Позднякове, о встречах сотрудников издательства с племянником А. П. Чехова — Сергеем Михайловичем Чеховым, внучатым племянником Н. А. Некрасова — Николаем Константиновичем Некрасовым и др.

Новикова Л. Н. Задыхаясь от боли : стихи. Ярославль : ИПК «Индиго», 2011. 232 с.

Это пятая книга автора, члена Союза российских писателей Любови Новиковой. Анализируя творчество поэта, Н. Н. Пайков так сказал о ней: «Новикова вводит читателя в особый мир, где властвуют вечные темы — душевная неукоренённость, потребность любви, обманувшее счастье, неотпускающая память, понимание трагичного устройства бытия, боль несправедливости, хождение по мукам, потребность истины, одиночество, безнадёжность, быстротечность жизни, мучительность самосознания. Но сами темы эти никак не повод для очередного литературного упражнения. Это живое пространство личного переживания драмы существования».

Попович Марина. Я — летчик! Ярославль : ИПК «Индиго», 2011. 224 с.

Перу Марины Попович принадлежат 15 книг, вышедших общим тиражом 1,5 миллиона экземпляров. По её книгам написаны сценарии и сняты художественные фильмы.

В новом издании она рассказывает о людях, о жизни, о небе. И о своём военном детстве, и о лётно-испытательной работе, и о поездках за рубеж автор пишет простым, доходчивым языком, с некоторой долей юмора. Все персонажи исторически реальны.

Поэтический меридиан : Сборник стихов. Ярославль : Ремдер, 2011. 216 с.

Это седьмой выпуск альманаха, собирающего под одной обложкой членов литературного объединения «Поэтический меридиан» имени Ирины Бариновой (Ярославль). «У одних авторов строение стихов тянется своей континентальностью к песне, — пишет в предисловии к книге доктор философских наук профессор Тамара Дадианова, — других манит эпичность, что выявляется в повествовательности работ: будь то легенда, баллада или басня».

Открывается сборник стихами ярославских поэтов, членов Союза писателей России Ивана Смирнова и Эммы Марченко. Напутствуют участников литературного объединения Сергей Хомутов и Евгений Чеканов, Евгений Гусев и Владимир Сокол, Тамара Пирогова, Олег Гонозов и Николай Родионов. В раздел «Память» включены стихи Ирины Бариновой и Георгия Бязырева.

Новое издание представляет как постоянных авторов альманаха, так и новые поэтические имена.

«Прошу детей моих жить в мире и согласии». Ярославль : Издательство «Академия Пастухова», 2011. 352 с.

Издание посвящено 190-летию со дня рождения Николая Петровича Пастухова (1820—1909), основателя известной российской династии богатейших купцов и промышленников, и его потомкам, разбросанным революцией по всему свету. В духовном завещании, составленном в 1907 г., Н. П. Пастухов просит своих детей жить в мире и согласии, не заводить

никаких между собой ссор и тем не оскорблять его памяти. Новая книга завершает трилогию: ранее вышли «Имею честь быть вашим…» и «В потомственное почётное дворянство возведён».

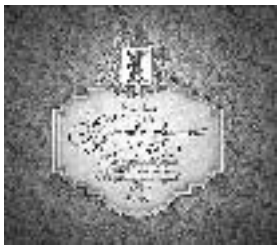
В сборник включены статьи ярославских историков, написанные на основе архивных материалов, а также интереснейшие документы, фотографии, воспоминания потомков Н. П. Пастухова и его двоюродных братьев, между которыми были не только родственные связи, но и деловые, и духовные. Впервые публикуются уникальные фотографии из семейных альбомов Филиппа Пастухова (США), Дмитрия Шаховского (Франция), Екатерины Беляевой (Швейцария).

Презентация книги прошла в Государственной академии промышленного менеджмента имени Н. П. Пастухова.

Рыкунов А. М., Рыкунова И. И., Иванов Л. М. Рыбинск. Путешествие сквозь века. Археология земли Рыбинской. Рыбинск : Медиарост, 2011. 168 с.

«Мы живём в системе координат «пространство — время». Линии их пересечения — земли предков и исторического времени — образуют своеобразные социокультурные реалии, — считают авторы научно-популярного издания. — Наша задача — пройти этими тропами, сверить масштабы, выявить собственную ментальность, спрогнозировать будущее…»

Увлекательное повествование сопровождается богатым иллюстративным материалом: в книгу включены уникальные фотографии находок археологических экспедиций разных лет, репортажные снимки, древние карты.

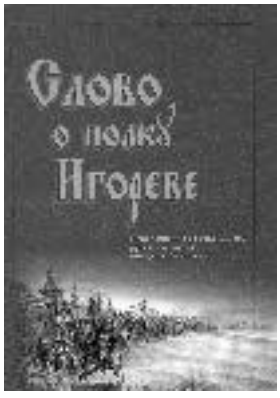


Серова И. А. Ярославль дворянский. Мир губернаторской усадьбы и его отражение в жизни благородного общества. 1777—1917. Ярославль : ООО «Академия 76», 2011. 444 с.

Исследование ярославского искусствоведа И. А. Серовой охватывает временной период с образования Ярославского наместничества в 1777 г. и назначения первого генерал-губернатора А. П. Мельгунова до революционных событий февраля 1917 г.

Главный персонаж книги — Губернаторский дом в Ярославле в блеске своего торжества и в дни запустения. Вокруг него и в связи с ним представлена не только жизнь его владельцев — губернаторов, их жён и детей, но также своеобразный и практически неизвестный до сих пор мир ярославского дворянского общества, неразрывно связанного с историей России.

Презентация книги прошла в Ярославском художественном музее.



Слово о полку Игореве : Переложение со старинного русского языка исхода XII столетия на восприятие современного языка начала XXI века Геннадия Хирцова. Ярославль : ИПК «Индиго», 2011. 84 с.

Геннадий Хирцов по профессии инженер-строитель, но по своему многолетнему и страстному увлечению древнерусской литературой давно заслужил неофициальное звание ярославского любослова.

Председатель общественного клуба почитателей величайшего произведения древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», создатель клуба любителей поэзии «Раёк», Г. П. Хирцов первое издание своего перевода древнерусского текста предпринял в 1997 году.

Анализ вышедших в последующие полтора десятилетия исследований заставил ярославца переработать и дополнить результаты своего труда.

В книге названы авторы, чьи судьбы связаны с ярославской землей и кто так или иначе отобразил в своих произведениях мотивы и образы «Слова…» Это К. Д. Ушинский, А. В. Скульский, К. Д. Бальмонт, М. А. Богданович, О. Ф. Берггольц, а также наши современники — Е. Ф. Савинов, В. Ф. Сокол, В. А. Лебедев, Б. М. и М. Б. Сударушкины, Г. А. Бязырев, А. И. Симакин и др.

Основу издания составляет прозаическое переложение «Слова…» с параллельным древнерусским текстом (разбивка на строки Д. С. Лихачёва).

Смирнов А. П. Предощущенья : Стихотворения. Ярославль : ИД «Печать», 2011. 92 с.

Центральная тема третьей книги писателя — бытие простого человека в сложных условиях российской действительности.

Отсюда в стихах множество бытовых реалий: «вот вытащишь какую-нибудь рухлядь — плетёный стул, луну, осколок дня», «прорастало российское пьянство в подворотне, в скверу, в гараже», «элитный клуб: стриптиз провинциальный», «у проститутки юбка красная и губы, крашенные мглой…» Но в душе автора вполне узнаваемое «уездное» переплавляется в поэтические строки, «и казалось: открой только дверцу — будет сердцем весь мир озарён».

Смирнов В. Вдохновение : Стихотворения. Рыбинск: ОАО «Рыбинский Дом печати», 2011. 176 с.

В новую книгу Валерия Смирнова вошли стихи последних лет, а также лучшие стихи из первого сборника «Признание» (2004).

Все стихи поэта — о жизни, любви, о смысле творческого бытия, то есть обо всём, что радует душу и тревожит сердце.

Это память о прошлом, размышления о сегодняшнем дне, добрые слова о маме и о друзьях, преклонение перед великими поэтами….

Совпадение линий : Современные ярославские поэты. Ярославль : ИПК «Индиго», 2011, 88 с.

В литературном сборнике представлены стихи современных ярославских поэтов: Александра Авдеева, Александра Белякова, Василия Галюдкина, Николая Гоголева, Олега Гонозова, Владимира Колабухина, Ольги Коробковой, Константина Кравцова, Ольги Люсовой, Любови Новиковой, Надежды Папорковой, Ирины Перуновой, Владимира Перцева, Василия Пономаренко, Тамары Рыковой, Николая Смирнова, Натальи Смирновой, Леонида Советникова.

Сударушкин Б. М., Сударушкин М. Б. Сказание о Ростове Великом, затерянном граде Китеже и замечательных ростовцах. Ярославль : ИПК «Индиго», 2011. 368 с.

Авторы излагают свой взгляд на некоторые страницы древней истории Ростовского края, рассказывают о первом упоминании Ростова в летописях, о трёх его «чудесах» — ростовских колоколах, кремле и финифти.

В книге исследуется творчество Епифания Премудрого, Вассиана Рыла, Авраамия Палицына, Димитрия Ростовского и др., а также дореволюционных ростовских краеведов А. Я. Артынова и А. А. Титова, краеведов, прозаиков и поэтов XX века — П. А. Сергеева, М. Н. Тюниной, В. Ф. Мамонтова, К. Г. Брендючкова, О. П. Попова, И. А. Ханаева, А. С. Гаврилова, И. Е. Бариновой, рассказывается о становлении литературно-исторического журнала «Русь».

Книга издана к 1150-летию российской государственности и города Ростова Великого. Адресована школьникам, студентам и всем, кто интересуется историей Отечества.

Издание вышло в свет при поддержке бюджета Ярославской области.

Сударушкин Б. М., Сударушкин М. Б. Слово о русской основе, Великом Ростове и ростовских сокровищах. Ростов Великий : Издательство «Григорьевский затвор», 2011. 128 с.

Издание составлено из очерков и стихотворных произведений члена Союза писателей России Бориса Сударушкина и его сына Михаила, краеведа и талантливо заявившего о себе поэта, рано ушедшего из жизни.

«У авторов книги свой, порой спорный взгляд не только на прошлое Ярославского края, но и на многие события русской истории», — пишет в заключительной статье к изданию В. Степанов.

Холмовский Б., Китайнер М. Детская книжка от Борьки и Мишки. Ярославль : ИПК «Индиго», 2011. 32 с.

Эту книгу для детей создали два талантливых человека — художник Борис Холмовский и поэт Михаил Китайнер.

На каждой странице маленького читателя ждёт небольшой стишок, который легко запоминается сразу после первого прочтения. К каждой стихотворной фразе подобрано забавное графическое изображение.

Хомутов С. А. Года нулевые : Стихи. Рыбинск : Рыбинское подворье, 2011. 64 с.

Это третья книга своеобразной серии стихов Сергея Хомутова («Уходит эпоха», «В бреду реальности», «Года нулевые»), тематически связанная с началом нового века.

Как пишет сам поэт, «следующее за невероятно тяжёлыми девяностыми десятилетие, наречённое “нулевыми годами”, принесло ещё больше разочарований и утрат, и не сказать о “наболевшем самом” было просто невозможно. Обретённая, казалось бы, свобода внезапно потеряла свою значимость в атмосфере духовной деградации. Высшими ценностями стали деньги, власть, положение в обществе, а не совесть, справедливость, доброта, милосердие. Для меня лично усугубил это разочарование

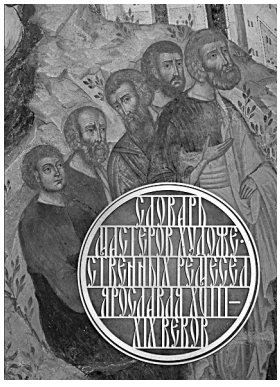
уход из жизни многих друзей, близких и дорогих людей. Из этих переживаний и родились стихи, которые и определили выход новой книги».
Однако несомненно, что поэт, «стихотворец окраины русской», «внимая вечному пространству», живёт не только перекличкой с прошлым, но и мотивами будущего.

Хохлова И. Л. Иконы «романовских писем»: Тайны и открытия забытой традиции Ярославской земли. «Свод русской иконописи» : Каталог. М., Рыбинск, 2011. 264 с.

Издание представляет собой первую полную публикацию, посвящённую одному из самобытнейших направлений русской иконописи конца XVIII — начала XX века — «романовским письмам», получившим своё начало и распространение в старинном Романово-Борисоглебске.
Автор-составитель, сотрудник Рыбинского музея-заповедника И. Л. Хохлова проанализировала истоки возникновения, творческие пути ведущих местных иконописцев, систематизировала стилистические особенности их письма. В издании приведены каталожные описания публикуемых икон из музейных и церковных собраний ярославской земли, Москвы, Санкт-Петербурга, а также многочисленных частных коллекций России, Германии, Дании, Нидерландов, Люксембурга.
На презентации издания в Российской академии художеств И. Л. Хохлова и И. Л. Бусева-Давыдова, один из лучших специалистов в области русского православного искусства, выступившая научным редактором книги, были удостоены серебряных медалей РАХ. Медалями награждены также активные участники проекта – директор Рыбинского музея-заповедника Сергей Черкалин и глава Рыбинска Юрий Ласточкин.

Чем жива душа : сборник поэзии участников I поэтического конкурса памяти Константина Васильева «Чем жива душа…». Ярославль : Издательство «Канцлер», 2011. 136 с.

В книгу вошли подборки стихотворений лауреатов и финалистов конкурса: Натальи Панишевой и Натальи Козвониной (Вятка), Надежды Кудричевой, Тимура Бикбулатова (Ярославль), Евгении Коробковой (Челябинск), Романа Рубанова (Курская обл.), Анны Толкачёвой (Углич). Специальные дипломы получили Евгения Коробкова (Челябинск), Лариса Керчина (Москва), Елена Ивахненко (Рыбинск), Николай Вихарев (Ярославль).



Шемякин А. И. Словарь мастеров художественных ремёсел Ярославля XVIII—XIX веков. Ярославль : Издатель Александр Рутман, 2012. 616 с.

В трёх разделах словаря приведены сведения об иконописцах и живописцах, столярах, резчиках и позолотчиках, серебряниках, мастерах золотого дела и ювелирах, живших и работавших на ярославской земле в XVIII—XIX веках. Выявлены творческие династии. Названы и выдающиеся художники национального масштаба, чьи работы хранятся в музеях и частных собраниях, и ранее неизвестные их ученики и подмастерья.

Издание является результатом десятилетней работы его автора, по крупицам собравшем в архивах данные более чем о тысяче ремесленников. Даны указатели именной, географический, храмов и монастырей. Впервые публикуются подлинные архивные документы, доказывающие, что расхожий тезис о затухании великой ярославской художественной культуры XVII века уже в следующем столетии — ошибочен. Автор этого фундаментального труда показывает значительность вклада ярославской художественной школы в русскую национальную культуру.
Презентация книги прошла в рамках Болотцевских чтений в Митрополичьих палатах (Ярославль).

Ярославль на рубеже тысячелетий. Рыбинск : Медиарост, 2011. 307 с.

На страницах подарочного издания раскрываются основные вехи развития Ярославля. Авторы очерков А. М. Жаров, И. В. Пухтий, фото С. И. Метелицы и др. Первый раздел издания посвящён истории областного центра и включает материалы, создающие образ древнего исторического города, оплота российской государственности. Книга богато иллюстрирована репродукциями из музейных собраний и частных коллекций.
Раздел «Навстречу второму тысячелетию» — это яркий фоторепортаж с основных юбилейных мероприятий, посвящённых 1000-летию древнерусского города. Живые сюжетные снимки возвращают читателей в атмосферу большого праздника.
«Новое лицо древнего города» — завершающий раздел альбома, который рассказывает об обновлённом Ярославле XXI века: о преобразованиях в социальной и экономической сферах города, о формировании новой транспортной инфраструктуры Ярославля, об основных объектах 1000-летия — областном перинатальном центре, Успенском кафедральном соборе, спортивных сооружениях.

Ярославль. Тысячелетие : Фотоальбом. Рыбинск : Издательство «РМП», 2011. 160 с.

Основу фотоальбома составили фотоматериалы из частных коллекций, из семейных альбомов, а также работы известных ярославских фотографов, а потому можно без преувеличения сказать, что авторами новой книги являются сами ярославцы.
Более 400 иллюстраций выстраиваются в фотолетопись Ярославля с конца XIX в. по сегодняшний день и дают представление о жителях древнерусского волжского города и его узнаваемых уголках, а также о наиболее значимых событиях последних полутора столетий: белогвардейское восстание (1918), строительство Октябрьского моста через Волгу (1966), празднование Тысячелетия (2010) и др.
Выход издания был приурочен к началу Мирового политического форума в Ярославле «Современное государство в эпоху социального многообразия» (7—8 сентября 2011).

Вторая жизнь Григорьевского затвора

Сколько замечательных произведений древнерусской литературы было создано на ростовской земле! Сколько славных краеведов изучало её историю! О древних книжных традициях Ростова Великого свидетельствуют ростовские летописи и жития, предания и повести, славные имена Марьи Черниговской, Епифания Премудрого, Вассиана Рыла, Авраамия Палицына, Димитрия Ростовского. Этот список достойно пополняют имена краеведов — Андрея Титова, Александра Артынова, Марии Тюниной, Николая Чижикова, Ильи Морозова, Петра Сергеева, Виктора Мамонтова и других.

Однако вернёмся на несколько веков назад, когда князем-книжником Константином при ростовском Григорьевском монастыре была создана школа. В книге «Описание Ростова Великого» ростовский краевед А. А. Титов писал: «О начале и последующем существовании Григорьевского монастыря почти ничего не известно; знаем только, что он существовал задолго до XIV века и славился учёностью своих монахов и библиотекой; здесь изучали богословие, греческий и латинский языки; здесь при богослужении на клиросах пели по-гречески и по-русски».

Выпускником школы при Григорьевском монастыре, чаще называемой Григорьевский затвор, был один из первых русских профессиональных писателей Епифаний Премудрый, автор жития Сергия Радонежского и предположительно — Дмитрия Донского. Благодаря тому, что Епифаний написал также «Житие Стефана Пермского» — известного церковного просветителя, создателя зырянской письменности, вместе с которым учился в Григорьевском затворе, мы имеем некоторые сведения о том, что представляло собой это учебное заведение. Стать иноком Ростовского монастыря Епифания, судя по всему, толкнула жажда знаний. «В граде Ростове, — указывает он сам, — у святого Григория Богослова, в монастыри нарицаемом Затворе близ епископии… книги многы бяху ту доволны».

Григорьевский затвор был своеобразным университетом, где получали образование выдающиеся деятели русской культуры. Там и встретились пришедший в Ростов из Великого Устюга Стефан Пермский и Епифаний Премудрый, подружились, вместе обсуждали прочитанное, часто спорили, проводили ночи в беседах до утра, «распытывая» смысл написанного. Наличие в Григорьевском монастыре действительно большого книжного собрания подтверждает то, как часто при написании своих произведений Епифаний цитировал древних авторов. Здесь же, как и в других русских монастырях, занимались перепиской и оформлением книг…

* * *

В своё время немалый вклад в расширение горизонтов ростовского краеведения и развитие книжной культуры края внёс литературно-исторический журнал «Русь», прописанный в Ростове Великом: первый номер журнала вышел в сентябре 1991 г., последний — ровно через 10 лет… В середине 2000-х эту роль на себя взяло маленькое местное издательство.

В начале XXI века Григорьевский затвор получил своего рода вторую жизнь: логотип с таким названием появился на книгах, которые вместе с директором Ростовской кадетской школы И. А. Конториной мы начали печатать в посёлке Семибратове Ростовского района.

© Б. М. Сударушкин, 2012

Коротко расскажу только о некоторых книгах, выпущенных издательством.

«Малая родина — с Родиной связь» — так называлась книга моего покойного сына Михаила Сударушкина (1977–2001), в которой собраны его краеведческие и поэтические произведения. Сам автор называл их уроками художественного родиноведения, предлагая ввести подобные уроки в программу изучения краеведения. Этой же теме была посвящена книга «Чтобы Родину понять…», составленная из поэтических произведений поэтов-земляков К. Г. Брендючкова, О. П. Попова, М. Б. Сударушкина.

В издательстве «Григорьевский затвор» вышло в свет моё поэтическое «Сказание о русских терзаниях, украденной жене и заповедной стороне», которое я посвятил светлой памяти сына. В основу сказания положена «Сказка о семи Семионах, родных братьях», бытовавшая на ростовской земле в XV—XVI вв., рассказывается об истории Ростово-Ярославского края от древности до наших дней, о прошлом «заповедной» Кураковщины, о спорных страницах истории России. Кроме того, упоминаются такие темы, как столыпинские реформы, революция, Ярославский мятеж, сталинские репрессии, президентские выборы, расстрел парламента. Так краеведческое сказание местами превращается в публицистическое произведение, написанное с позиции, во многом отличающейся от общепринятой, официальной.

Моя гражданская позиция в отношении происходящего в России на рубеже веков нашла отражение и в книге «Бывали хуже времена…», составленной из газетных очерков. Другое издание, в которое вошли материалы, написанные мною вместе с сыном Михаилом, я назвал «Были и небыли заповедной Кураковщины». История Ростовского края — явление уникальное: её страницами можно проиллюстрировать буквально все этапы отечественной истории. Чтобы убедиться в этом, достаточно совершить экскурсию с севера на юг Кураковщины — исторической местности из двух десятков сёл и деревень с центром в селе Семибраты-Макарово. Короткая экскурсия уводит в глубь отечественной истории — от первых поселений на ростовской земле до событий XX столетия. Как часто мы набираемся новых впечатлений и сведений за тридевять земель от родного края, а то, что рядом, оставляем без внимания. И как тут не вспомнить Пушкина: «Мы так положительны, что прошедшее для нас не существует. Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди-дурака или балом двоюродной сестры. Мы на коленях перед настоящим случаем или успехом, но очарование древности и благодарность к прошедшему у нас отсутствуют. Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак безнравственности».

Ещё одна книга о местной истории — «Семибратово начиналось в Исадах». Деревня Исады — старейшая часть рабочего посёлка Семибратово, впервые упомянутая в письменном источнике в 1572 г. В коллективный сборник вошли очерки и воспоминания об Исадской мельнице, Исадском термозаводе, а также о тех, кто здесь жил и работал, — предпринимателе И. А. Вахрамееве и краеведе П. А. Сергееве.

Первому семибратовскому краеведу Петру Александровичу Сергееву посвящена книга «От Генерального штаба до деревни Исады». Выпускник Академии Генерального штаба, офицер царской армии, штабс-капитан Донской армии, начальник планового отдела термоизоляционного завода в деревне Исады — вот основные этапы его сложной, необычной биографии.

О жизни и творчестве замечательных моих земляков рассказывают другие изданные в «Григорьевском затворе» книги: «Писатель — узник Бухенвальда» (о К. Г. Брендючкове), «Я жить хотел — как ветер над волной» (об О. П. Попове), «Раз есть душа — то, значит, есть бессмертие» (о Г. С. Залетаеве), «Талантливый был парень» (о М. Б. Сударушкине).

Совместно с М. Б. Сударушкиным были написаны книги, посвящённые древней ростовской истории: «Об озере Неро, Ростове Великом и невидимом граде Китеже», «Слово и память Ростова Великого», «В земле Ростовской просиявшие». Последняя книга составлена по материалам Семибратовского учебного музея истории и родиноведения, созданного по концепции Михаила. В ней представлены краткие жития ростово-яро-

славских святых Леонтия, Сергия Радонежского, Дмитрия Ростовского, Фёдора Ушакова, замечательных ростовцев Вассиана Рыла, митрополита Филарета, строителя Ростовского кремля Ионы Сысоевича, а также «информация к размышлению», дополняющая жития интересными, порой неожиданными сведениями.

Из-за ограниченных возможностей нашей издательской базы все перечисленные выше книги были напечатаны тиражами 50—100 экземпляров и небольшими объёмами. Книги бесплатно распространялись среди учителей Ростовского района, школьников и любителей местной истории, которые регулярно собираются в Семибратовском учебном музее истории и родиноведения. Работа проделана хотя и хлопотная, но скромная по масштабам. Поэтому не покидает желание продолжить эту деятельность на более солидной издательской базе при государственной поддержке местной инициативы. Накануне 1150-летия города это было бы весьма своевременно и уместно.

Борис СУДАРУШКИН,
член Союза писателей России

За кадром

Художник и книга. Каким непростым и неравноправным может оказаться этот тандем. Как часто авторитет творца слова довлеет над художником, мешая раскрыться во всей полноте его таланту, низводя до функции иллюстратора.
В этом плане Александр Петров человек уникальный, потому что источником для его вдохновения служат исключительно шедевры — произведения отечественных и зарубежных классиков: Ф. М. Достоевского, И. С. Шмелёва, А. П. Платонова, Г.-Х. Андерсена, Эрнеста Хемингуэя. И в результате творческого союза появляется новый шедевр, который дарит второе рождение литературному произведению и порой заметно изменяет наше представление о нём.
Александр Петров встречает своё 55-летие признанным мастером, полным творческих замыслов, окружённый учениками. Но в 2012 году это не единственная значимая дата в его жизни: исполняется двадцать лет ярославской анимационной «Мастерской Александра Петрова».

Диапазон творчества Александра Петрова широк. Ему тесно в рамках одного «жанра». Он известен как режиссёр, художник, аниматор, не раз выступал в своих фильмах как сценарист.

Изначально Петров формировался как художник. Первые уроки рисования и живописи мальчик из посёлка Пречистое получил в художественной школе при Ярославском художественном училище. О своём первом учителе Петре Ивановиче Павлове (1910— 2006) художник вспоминает по сей день с большой теплотой и чувством благодарности. Следующей ступенью на пути постижения секретов ремесла стало Художественное училище.

Это учебное заведение давало хорошую школу, но наиболее талантливые и устремлённые после его окончания во все времена уезжали и продолжали обучение в Петербурге и Москве. Александр Петров выбрал Московский институт кинематографии (ВГИК, мастерская Ивана Иванова-Вано).

Годы учёбы не прошли бесследно, но не изменили художественных принципов, заложенных ярославскими педагогами. Его учителями были Б. М. Неменский и В. А. Токарев — приверженцы традиций реалистического искусства, которые характерны и для ярославской школы. В своём творчестве и не только творчестве, а и жизни в целом Александр Петров стремится не прерывать связей с классической русской культурой. В искусстве он близок русским мастерам конца XIX — начала XX века, к тем, кто является олицетворением тогдашней русской школы в живописи и рисунке, — Валентину Серову, Константину Коровину, Филиппу Малявину, Станиславу Жуковскому, мастерам Союза русских художников.

Петров работал на киностудиях в Ереване и Свердловске, изучал основы режиссуры на Высших курсах сценаристов и режиссёров

© Н. П. Голенкевич, 2012

А. Петров. Портрет Ивана Шмелёва.
Из собрания ЯХМ

в Москве (мастерские Фёдора Хитрука, Юрия Норштейна, Эдуарда Назарова).

На сегодняшний день Петров — автор пяти фильмов: «Корова» (1989), «Сон смешного человека» (1992), «Русалка» (1996), «Старик и море» (1999), «Моя Любовь» (2006). Он член Союза кинематографистов России, международной ассоциации аниматоров АСИФА, Американской киноакадемии, лауреат двух Государственных премий (1990, 1995), обладатель премии американской киноакадемии «Оскар» за фильм «Старик и море» (2000), российской национальной премии «Ника» (2006). Он награждён призами и дипломами целого ряда российских и международных кинофестивалей. В 2007 году за фильм «Моя Любовь» получил одну из высших наград Русской православной церкви — орден Преподобного Сергия Радонежского III степени.

* * *

Путь к этим вершинам оказался непростым. Во ВГИКе начался процесс ухода Петрова от станкового искусства в анимацию. В искусстве это как шаг в другое измерение. Если в станковом произведении можно создать иллюзию движения, то в кинематографе движение — изначальный принцип жизни в картине. Здесь художник должен запечатлеть сменяющие друг друга мгновения. В фильме каждая композиция, сцена, образ развиваются и живут во временном пространстве. Сам автор подчёркивает, что повседневная кропотливая работа над каждым кадром, которые выстраиваются в фильме в сюжетную линию, требует большого терпения: «У нас длительная, порой монотонная работа, ведь отдельный рисунок — это лишь атом в общем строе фильма, но в этом есть своя тайна… Чтобы создать движение, нужно стереть предыдущий рисунок и на его месте создать новый. И так кадр за кадром. Трудно переводить литературную метафору — в пластическую. Не скажу, что знаю «рецепт». Но когда нащупывалось решение, был счастлив… Бумага фиксирует идею. Иногда рука думает быстрей. Код живописных метафор шифрует многоэтажные мысли…»

Художник-аниматор должен тщательно разработать типаж каждого персонажа, каждую сцену в соответствии с сюжетной линией сценария фильма. Во время работы необходимо сделать не одну тысячу графических листов с зарисовками каждого предмета, героя, эскизов той или иной сцены, раскадровок и проч., и проч. Только поиск типажа и его разработка могут составлять десятки и сотни листов карандашом, тушью или другими материалами.

Петров мастер рисунка. Используя выразительные средства графики, он легко и свободно передаёт сложные ракурсы, пластику движения. Безупречно фиксирует позы персонажей, вписывает их в пространство пейзажа, интерьера или сложной сюжетной композиции. Кучер Степан, дворник, Паша — каждый из героев его фильмов обретает в наброске ту или иную грань, отражающую суть характера. Художник использует и гротеск, и иронию, разрабатывает портреты в разных эмоциональных аспектах, добиваясь их образности и выразительности. У каждого рисунка, наброска своя задача, но все они подчинены единому замыслу, как голоса в хоре.

Дворник.
Эскиз А. Петрова к фильму «Моя Любовь»

Чтобы добиться результата, нужно владеть не только искусством изображения, а главное, — искусством выражения. В основе всех фильмов Александра Петрова этим выразительным средством стала живопись. Она подобна мелодии, сливается с темой произведения. Художник погружает зрителя в живописный поток, таким образом каждый из нас оказывается в его власти, во власти творца, и в его объятиях проплывает до конца фильма. Живописно-пластическая канва является той основой, которая заставляет ощутить весь эмоциональный спектр, заложенный в драматургию произведения.

«Я пробовал делать фильмы в разных техниках, — говорит Александр Петров. — Я делал фильмы рисованные и перекладку, у каждого метода — свои плюсы и свои минусы. Когда начал свои картины снимать, поначалу не очень понимал, в каком ключе буду работать. Наверное, год я бился над поиском себя. Первой серьёзной работой стала «Корова» — мой дипломный проект на Высших режиссёрских курсах. Как-то сразу определился с выбором техники. Масляная краска лучше всего соответствовала поэзии платоновской фразы. Получаться стало то, что казалось нереализуемым. Понял, что моя манера — живописная. И оказалось, что это больше всего мне самому нравится, в том числе и реалистический стиль, которому меня учили. Мне больше не надо было ничего изобретать».

Творческий материал к каждому фильму удивительно многообразен по жанровому диапазону — пейзажи, портреты, натюрморты, сюжетные композиции на темы, заложенные в сценарии. И в жанровых сценах, и в пейзажах художник сочетает фрагментарность композиции с развёрнутыми панорамами, наполняет образы и формы то живописной экспрессией, то, изменив живописный почерк, привносит в ритм, пластику мазков неуловимые градации.

Безусловно, он использует возможности кинематографа, которому подвластны на экране любые превращения. Его потенциал неисчерпаем. Кино использует самые разные возможности — от синтеза классических искусств до новых технологий. Уникальность же Петрова в том, что он вывел на экран живопись, принадлежащую к элитным видам искусства. Он расширил потенциал её возможностей.

Традиционный в основах своего искусства художник Александр Петров в живописи обращается к нетрадиционной технике и технологии. Он предпочитает работать на стекле не кистью или мастихином, а рукой. Рука — инструмент исполнения в буквальном смысле этого слова. Она воплощает через контакт с поверхностью творческие замыслы художника. В каждом мазке, в каждой линии, нанесённой на плоскость пальцами или касанием ладони, как при вибрации голоса, воплощаются тончайшие нюансы смысла, идущие изнутри. Внутренние импульсы выплёскиваются на поверхность стекла.

Он не изобретает собственной техники, а стремится существенно дополнить и изменить технику предшественников. Художник создаёт свои произведения на специальном столе с подсветкой снизу. Свет выявляет фактуру живописи, обостряет восприятие каж-

Кадры из анимационного фильма «Еще раз!»
(Мастерская Александра Петрова)

дого мазка. Автор использует лессировочные краски, которые пропускают свет, и поэтому живописная поверхность картины обретает дыхание. Краски из тюбиков выдавливаются на ту же плоскость. Вся «кухня» на столе как на ладони. Палитра становится камертоном и ещё больше выявляет сложные цветовые градации в каждой из композиций.

Художник вырабатывает свою живописную манеру — как бы сплавляет мазки, добивается их перетекания, что способствует передаче неуловимой подвижности натуры. В работах Петрова нет статичности. Он касается мгновения и даёт нам возможность ощутить изменчивость мира. В каждой из его работ заложен внутренний потенциал движения. Эта особенность отличает художника от других авторов. Большинство своих композиций он создаёт на основе натурных впечатлений. Вместе с тем, не копирует натуру, а творит живописное пространство, и каждый предмет, каждая фигура органично вживается в эту среду. Высочайший профессионализм автора проявляется в чувстве формы, пространства композиции, во владении цветом и светом, ритмом, всем арсеналом изобразительных и выразительных средств живописи. На поверхности стекла сохраняется лишь последняя фаза той или иной сцены из фильма. Ведь в процессе съёмки художник постоянно вносит изменения в каждую из композиций, чтобы она жила на экране во временном пространстве.

Следуя замыслу режиссёра Петрова, художник Петров не щадит себя. Он способен выбросить в корзину всё, что не подчинено единому замыслу, — увлечённый конечной целью, смотрит на данный материал как на рабочий. Автору этот взгляд можно простить. Наша задача состоит в другом: уже сейчас понять уникальность этих работ как самостоятельных произведений искусства. Именно живописные и графические работы Александра Петрова лежат в основе фильма, отражают процесс его сотворения — но, как правило, они остаются за пределами кадра.

Художественное мышление Петрова органично связано с его идеями, духовным опытом. По словам Е. А. Ермолина, делающего акцент на мистериальной природе творчества нашего героя, «Петров — художник обретаемой нами в современном искусстве новой искренности, воскресшего в XXI веке “нового реализма”, открытого для свидетельств о человеке и мироздании и привлекающего для этого самые разные средства и техники. В фильме «Моя Любовь» мало кому известная история получила визуальную интерпретацию, раскрывшую не только её бытовой план (что без проблем делалось прежде и к чему часто склоняется вообще художественный кинематограф живой актёрской игры), но и план мистериальный. Тончайшее, тщательное бытописание на каждом шагу перетекает здесь в лирический сюрреализм, в душе подростка — героя фильма встречаются впервые небо и ад, первая любовь оборачивается бездной, открывающей недра бытия…»

* * *

И ещё одна творческая грань мастера. Ровно двадцать лет назад, в 1992 году, Петров создал в Ярославле анимационную школу и студию «Панорама», в настоящее время это Ярославская региональная общественная организация развития анимации «Мастерская Александра Петрова».

Недавно ученики Петрова (Мария Архипова, Екатерина Овчинникова, Татьяна Окружнова, Наталья Павлычева, Елена Петрова, Алина Яхьяева) предъявили зрителям коллективный творческий отчёт: фильм «Ещё раз!». Он длится всего 2 минуты 45 секунд, но процесс его создания продолжался больше полутора лет. Сцены и эпизоды разворачиваются на узнаваемых набережной Волги и улицах Ярославля. Они пронизаны тонким юмором и щемящими ощущениями детства. Весь фильм по времени укладывается в рамки музыкального произведения — фокстрота «Рио Рита», который впервые прозвучал в СССР в 1937 году с пластинки записи оркестра Марека Вебера. Ритмика каждой сцены попадает в унисон с мелодией. Музыка и живопись соединяются в яркий, феерический поток сцен и образов, как в калейдоскопе, сменяющих друг друга и возвращающих нас к довоенной эстетике 1930-х годов.